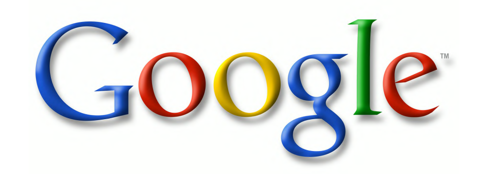
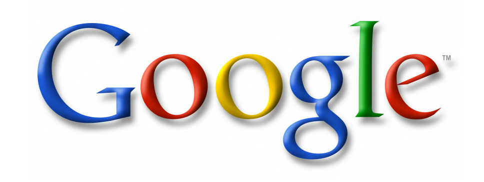

UC-NRLF
$B 86 490

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОБЪ

ИНОРОДЦАХЪ

КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІЙ.

СОЧИНЕНІЕ

В. А. СБОЕВА.

КАЗАНЬ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА ДУБРОВИНА.

—

1856.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОБЪ

ИНОРОДЦАХЪ

КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

СОЧИНЕНІЕ

ВАСИЛЬЯ СБОЕВА.

КАЗАНЬ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА ДУБРОВИНА.

1856.

Печатать позволяется, съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 30-го Апрѣля 1855 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи Университета.

ЗАМѢТКИ О ЧУВАШАХЪ.

(Письма къ Редактору Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей).

I.

Исполняю данное Вамъ, почтеннѣйшій Ал. Ив., обѣщаніе: пишу къ Вамъ изъ темной глуши, изъ среды народа, едва вышедшаго изъ дикаго состоянія. Прежде всего, я думаю, вы ждете отъ меня жалобъ на томительную скуку жизни среди полудикарей: на скуку эту обрекали меня и тѣ изъ моихъ товарищей, которые знали о моемъ намѣреніи побывать въ Петровскій Постъ въ чувашской сторонѣ. Вышло напротивъ. Я превесело разъѣзжаю по чувашскимъ селамъ и деревнямъ и едва-ли даже воспользуюсь убѣжищемъ отъ хандры, которое добрый товарищъ нашъ Н. В. Рат...... благосклонно приготовилъ мнѣ въ Цивильскѣ. Дѣло въ томъ, что Чуваши — мои старые знакомцы. Назадъ тому лѣтъ двадцать пять я имѣлъ и случай, и обязанность изучать ихъ языкъ и ихъ бытъ. Прожить четверть столѣтія — не поле перейти; много воды утекло въ это время; многія изъ моихъ свѣдѣній о Чувашахъ успѣли ускользнуть изъ моей памяти; во многомъ Чуваши сами могли перемѣниться. Вотъ почему особенно пріятно для меня теперь возобновить мое знакомство съ ними, прислу-

1 *

шаться къ ихъ языку, вникнуть въ ихъ настоящій бытъ, вспомнить прежнее, былое и сравнить его съ теперешнимъ состояніемъ этого народа. Можетъ быть, замѣтки, наблюденія и сличенія мои не вовсе будутъ лишены интереса и для нѣкоторыхъ изъ читателей Вашей газеты: если такъ, то можете тиснуть ихъ. Я выписываю Вамъ ихъ изъ моего дорожнаго журнала, гдѣ впечатлѣнія, быстро схваченныя, также быстро и записывались, и гдѣ не помѣстились только мои воспоминанія, имъ же нѣсть конца. Начинаю съ начала, а конецъ отнесу къ концу.

Вступивъ въ предѣлы чувашской земли, я былъ пріятно изумленъ перемѣною, которую всего меньше надѣялся въ ней встрѣтить. Вообразите: въ Петровки, т. е., въ то время, когда полуязычествовавшая чувашская земля праздновала одно изъ важнѣйшихъ своихъ торжествъ и приносила богамъ наиобильнѣйшія жертвы, — въ это время я видѣлъ богослуженіе съ поклонами въ христіанской церкви; видѣлъ значительное число говѣльщиковъ и особенно говѣльщицъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ, напр. въ Кошкахъ, въ каждую недѣлю поста число ихъ простиралось отъ 40 до 60 человѣкъ. Мнѣ объяснили при томъ, что говѣющіе исполняютъ долгъ христіанскій болѣе по произвольнымъ и внутреннимъ, чѣмъ по внѣшнимъ побужденіямъ, что во всю недѣлю Великаго Поста въ чувашскихъ церквахъ совершается непрерывная служба и число говѣющихъ бываетъ вдвое болѣе, чѣмъ въ Петровки, что къ Госпожинкамъ непріобщившихся Св. Таинъ на 10000 человѣкъ остается не болѣе 20 или 30 и что наконецъ нынѣ между Чувашами небывшій у исповѣди и Св. Причастія болѣе 2 лѣтъ считается рѣдкостью, явленіемъ необыкновеннымъ.

Но съ какимъ расположеніемъ весь этотъ людъ приступаетъ къ Таинствамъ? спрашиваете Вы. На этотъ вопросъ я Вамъ ни-

чего не отвѣчу отъ себя, а заставлю отвѣчать самихъ Чувашъ. Разъ, выходя изъ одной сельской церкви послѣ вечерней службы, я обратился къ двумъ шедшимъ за мною старикамъ, и сказалъ имъ: »говѣете, друзья, но отъ мясного вѣрно не отказываетесь; вѣдь теперь вашъ праздникъ *Синзе.*« — Ай, не такъ говоришь, бачка,—отвѣчали мнѣ. Ѣсть скоромное, когда говѣешь и когда постъ, — *силыхъ боле* (грѣхъ будетъ). Кромѣ хлѣба, ничего не ѣдимъ, домой не ходимъ; всю недѣлю здѣсь ночуемъ. Праздники наши не Синзе и не другіе прочіе, а тѣ же, что и у васъ.« Подошедшій къ намъ священникъ подтвердилъ ихъ слова, сказавъ, что прежнія суевѣрія у Чувашъ брошены, что изъ 49 видимыхъ мною говѣльщиковъ только трое сельскіе, всѣ же прочіе изъ приходскихъ деревень, и на недѣлю размѣщены по квартирамъ у священно-церковнослужителей. Въ одномъ изъ стариковъ я узналъ своего давняго знакомца. Нѣкогда онъ былъ мужикъ пьяный, задорный, кляузникъ, коштанъ. Онъ частенько колачивалъ свою мать, старуху сварливую и безалаберную, и почти всякій разъ расплачивался за то въ волостномъ правленіи. «Ну, Семенъ, сказалъ я ему, — а поколотить старуху-мать, или кого-нибудь изъ родныхъ и знакомыхъ, вѣдь *силыхъ-марь* (не грѣхъ)? — Какъ не грѣхъ, бачка? — Большой грѣхъ! Теперь мы знаемъ, что грѣхъ. Прежде знали только, что *это больно дорого стбитъ*, примолвилъ онъ со вздохомъ.

Само собою разумѣется, что семена лучшихъ понятій о важнѣйшихъ истинахъ христіанства насаждены въ Чувашахъ попечительностію духовенства. Они сами начинаютъ чувствовать, чѣмъ обязаны своимъ пастырямъ. Прежнія скандалёзныя ихъ тяжбы и жалобы на священниковъ выводятся и безъ сомнѣнія скоро выведутся вовсе послѣ того какъ послѣдніе, получая отъ казны окладное жалованье и будучи обезпечены въ исправномъ доставле-

ніи имъ руги, поставлены въ совершенную независимость отъ своей паствы. Для священниковъ уже нѣтъ причины потворствовать слабостямъ своихъ духовныхъ дѣтей и смотрѣть сквозь пальцы на ихъ проступки; а паства не имѣетъ причины ни негодовать на поборы, ни жаловаться на любостяжаніе пастырей. Слѣдствія этого взаимнаго между ними отношенія и теперь уже начинаютъ обнаруживаться въ уваженіи паствы, въ ея послушаніи и готовности исполнять основанныя на религіи требованія священниковъ. Я думаю, что очень и очень недалеко то время, когда служитель алтаря будетъ и повѣреннымъ другомъ, и наставникомъ, и утѣшителемъ, и защитникомъ своихъ духовныхъ дѣтей. Hoc in votis.

Частыя сношенія съ Русскими, усиленіе торговой и промышленной дѣятельности также измѣнили во многихъ отношеніяхъ понятія Чувашъ. Монополія Русскихъ на чувашскихъ базарахъ исчезла: большею частію Чуваши сами какъ заготовляютъ или закупаютъ въ Казани и уѣздныхъ городахъ, такъ и продаютъ на своихъ базарахъ нужныя для домашняго обихода вещи. Многіе изъ Чувашъ скупаютъ или вымѣниваютъ на что-либо у своихъ соплеменниковъ — сало, кожи, яйца, медъ, хмѣль и проч., и привозятъ для продажи большею частію въ Казань. Хмѣль игралъ прежде особенно важную роль въ быту Чувашъ: у каждаго изъ нихъ и теперь непремѣнно есть *хумла-карды* (хмѣльникъ). Хмѣль продавали они прежде оптовымъ торговцамъ или на винокуренные заводы по 50 и даже по 60 рублей за пудъ; и такимъ образомъ каждый изъ Чувашъ на одномъ этомъ продуктѣ могъ выручать все, что нужно ему было для уплаты податей и для удовлетворенія первѣйшимъ жизненнымъ потребностямъ; а деньги, выручаемыя отъ продажи хлѣба, онъ откладывалъ на черный день, или на *бѣду*, т. е. на случай, если попадетъ подъ *судъ* (судъ и бѣда у Чувашъ — синонимы). Нынѣ цѣна на хмѣль упа-

ла очень виско: его продають уже по 3 или много по 4 рубля ассигнаціями за пудъ. Послѣ того естественно долженъ былъ усилиться сбытъ хлѣба. И дѣйствительно многіе Чуваши торгують скупаемымъ у соплеменниковъ хлѣбомъ на довольно значительныя суммы. У нѣкоторыхъ есть свои росшивы, на которыхъ они доставляютъ свой хлѣбъ въ Рыбинскъ. Эти торговцы составляютъ цвѣтъ, высшую аристократію, сливки чувашскаго племени. Они обыкновенно говорятъ не только съ Русскими, но и между собою не иначе, какъ по-русски; живутъ въ чистыхъ, просторныхъ избахъ и угощаютъ своихъ досовъ*) и пріятелей не сивухой, не

---

*) *Досомъ* называетъ Чувашенинъ человѣка, которому далъ обѣтъ неразрывной дружбы. Надобно думать, что первоначально досящіеся, давая обѣтъ дружбы, дарили другъ друга тѣмъ, что каждый имѣлъ у себя лучшаго, и тѣмъ символически выражали свою готовность жертвовать для *доса* всѣмъ. Такимъ образомъ взаимные дары составляли обрядъ при заключеніи дружбы. Подъ вліяніемъ Русскихъ, умѣвшихъ какъ изъ дурныхъ, такъ и изъ хорошихъ свойствъ Чувашъ извлечь свои выгоды, обрядъ этотъ потерялъ свое первоначальное значеніе. Русскій купитъ бывало какую-либо безделку, напр., плисовую шапку, шелковый кушакъ, либо двухрублевый армякъ, и спѣшитъ съ этимъ подаркомъ къ богатому Чуташенину; а тотъ въ простодушной увѣренности, что эта самая лучшая вещь у его друга, даритъ ему одинъ или два лучшіе улья пчелъ, лошадь, корову или какую-нибудь другую цѣнную собственность. Наконецъ Чуваши увидѣли, что Русскіе ихъ пріятели вовсе не досы, что они подъ священнымъ именемъ дружбы скрываютъ корыстные виды, и стали воздавать имъ al pari, или вовсе не доситься съ ними. Такимъ образомъ *досы* существуютъ теперь только по имени; и я убѣжденъ, что знаменитая фраза: *друзья мои! нѣтъ болѣе друзей на свѣтѣ*, первоначально произнесена была на чувашскомъ языкѣ какимъ-нибудь разочарованнымъ Василіемъ Иванычемъ, и произнесена слѣдующимъ образомъ: »*досы мои! ни въ цивильскомъ, ни въ ядринскомъ, ни въ буинскомъ, ни въ курмышскомъ, ни даже въ чебоксар-*

мартовскимъ пивомъ, не мореньымъ медомъ, но чаемъ, бѣлымъ виномъ, французской и кизлярской водкой. Послѣдній предѣлъ, къ которому стремится ихъ честолюбіе, составляютъ родственныя связи съ Русскими. Отдать дочь за Русскаго, или женить сына на Русской — это верхъ благополучія для Чувашенина-аристократа. Высшее, бонтонное чувашское общество, какъ и всякая аристократія въ мірѣ, находитъ себѣ подражателей въ нисшихъ классахъ народа, который, если теперь не имѣетъ еще ни возможности пить чай, ни расположенія мѣнять забористую сивуху и крѣпкое пиво на виноградное вино, то по крайней мѣрѣ изъ подражанія своему первообразу и для большаго удобства въ частыхъ сношеніяхъ съ Русскими старается изучить русскій языкъ. Дѣйствительно теперь весьма немногіе изъ Чувашъ вовсе не знаютъ нашего языка. Многіе объясняются на немъ такъ свободно, что только привычное къ ихъ говору и разборчивое ухо можетъ признать въ нихъ Чувашъ. Даже *хирь-арымъ*, женскій полъ, все еще чуждающійся Русскихъ и весьма мало имѣющій съ ними сношеній, не совсѣмъ чуждъ нѣкоторыхъ познаній въ нашемъ языкѣ.*)

скомъ уѣздѣ — нѣтъ болѣе досовъ! Русскіе истребили, уничтожили, стерли ихъ съ лица земли.«

*) Справедливость требуетъ однако же замѣтить, что Чувашки только затверживаютъ русскія слова, но соединяютъ ихъ по своему, потому-что наше словосочиненіе имъ вовсе не дается. Отъ того понимать ихъ иногда бываетъ очень трудно. Съ недѣлю тому назадъ я заѣхалъ въ одну чувашскую деревню къ знакомой мнѣ старухѣ, у которой нѣкогда крестилъ сына. Напившись чаю, я вздумалъ было разогрѣть свой завтракъ. Но едва я приблизился къ печи, какъ моя кума съ испуганнымъ видомъ закричала: »*стой оксахъ* (т. е. хромой. Такъ зовутъ здѣсь Вашего покорнаго слугу, потому-что въ молодости я разбилъ себѣ ногу, упавши съ лошади подъ мостъ, и болѣе 2 лѣтъ ходилъ на клюшкахъ), *стой! Въ печечи народъ много. И твоя будетъ*. Слова за исключеніемъ моего прозвища всѣ русскія, но взять ихъ въ толкъ! По

Такимъ образомъ само время готовится окончательно рѣшить бывшій во дни существованія библейскаго общества предметомъ сильнаго спора вопросъ: можно-ли совершенно обрусить Чувашъ, Черемисъ и другіе не большіе народцы, живущіе въ Россіи и уже исповѣдующіе христіанскую вѣру? Въ настоящее время не иначе уже можно отвѣчать на этотъ вопросъ, какъ утвердительно; можно, т. е. предполагать, что нѣкогда они совершенно забудутъ и свой языкъ, и свой образъ жизни, тѣмъ болѣе что элементы этой жизни и сами по себѣ скудны, и не имѣютъ ни малѣйшей связи ни съ настоящею ихъ религіею, ни съ историческими ихъ воспоминаніями. Что такой метаморфозъ дѣло сбыточное — доказательствомъ служатъ многіе примѣры. Приведу изъ нихъ одинъ. Въ тетюшскомъ уѣздѣ есть село *Каратаи*. Жители его — Мордва; но во всемъ селѣ ни одинъ человѣкъ аза въ глаза не знаетъ по-мордовски; мужчины говорятъ по-татарски и по-русски, а женщины — по-татарски. Если Мордвѣ, живущей близь Татаръ, можно было отатариться; то почему же Чувашамъ и Черемисамъ нельзя обрусѣть?

крайней мѣрѣ я понялъ смыслъ ихъ только тогда, когда разглядѣлъ, что печь дѣйствительно полна всякаго рода и вида *пажалу*, (лепешками) и пирогами, заготовляемыми къ наступающему сельскому празднику. *И твоя будетъ*. Это значитъ, что доброй хозяйкѣ хотѣлось, чтобы и я позавтракалъ ея стряпнею. — Въ другой разъ я спросилъ по-чувашски одну бойкую, черноглазую Чувашку, жену дряхлаго старика, сколько ей лѣтъ. Она видимо обидѣлась тѣмъ, что ее Русскій спрашиваетъ по-чувашски, и горделиво отвѣтила мнѣ: *полтина лѣтъ поспѣлъ*, т. е., ей около 50 лѣтъ. Такъ точно говорили прежде и мужчины. Недостатокъ этотъ происходитъ, по моему мнѣнію, отъ того, что они стали учиться по-русски уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Можно и должно надѣяться, что молодое женское поколѣніе избавится отъ этого барбаризма также, какъ теперь избавилось отъ него молодое поколѣніе мужеское.

Говоря о чувашской аристократіи, я и забылъ напомнить Вамъ, что въ настоящее время рядомъ съ нею возникаетъ новая, *ученая* аристократія, *юная Чувашландія*, долженствующая сильно дѣйствовать на возрожденіе и образованіе своего племени. Она состоитъ изъ молодыхъ людей ученыхъ, т. е., кончившихъ курсъ въ одномъ изъ сельскихъ приходскихъ училищъ и прямо съ ученической скамьи поступившихъ въ должностныя и начальственныя лица средней руки, преимущественно въ дѣлопроизводители, или, если угодно, въ писаря въ сельскихъ расправахъ. Число грамотныхъ Чувашъ теперь уже довольно значительно; оно постоянно увеличивается выпускомъ изъ училищъ новыхъ грамотѣевъ. Главными учебными зеведеніями, свѣтилами чувашскаго просвѣщенія въ чебоксарскомъ уѣздѣ считаются кошкинское и аттиковское училища, въ которыхъ учащихся бываетъ отъ 20 до 30 человѣкъ. Въ нихъ учатъ чтенію, письму, закону Божію, ариѳметикѣ. Но достопочетный священникъ, завѣдывающій кошкинскимъ училищемъ, И. В. Золотницкій, кромѣ этихъ предметовъ въ свободные часы преподаетъ желающимъ и болѣе другихъ смышленымъ мальчикамъ основныя начала русской грамматики и краткую географію, пріучая притомъ своихъ учениковъ къ черченію картъ. Мнѣ показывали географическую карту, начерченную однимъ Чувашленкомъ очень удовлетворительно. Чувашлята, какъ и Русскіе мальчики, принимаются за книгу не охотно, но за то чуть-ли не скорѣе Русскихъ привыкаютъ къ ней. Черезъ годъ они пріучаются бѣгло читать и свободно объяснятья по-русски. Но когда мы говоримъ здѣсь о навыкѣ свободно объясняться, то отнюдь не разумѣемъ способности чисто и правильно говорить: это двѣ разныя вещи. Чувашенинъ никогда не пріучится совершенно чисто и правильно произносить наши слова. Какъ ни бейтесь съ нимъ, вы никогда не заставите его правильно произнести, напр., русское *д*, особенно въ началѣ слова; у него всегда выдетъ *т*. Я знаю вну-

ка обрусѣвшаго Чувашенина; онъ не разумѣетъ ни слова изъ языка своего дѣда, но роковое *д* все-таки произноситъ, какъ *т*. Видно у Чувашъ орудія слова (organa loqualae) имѣютъ особенное устройство. Отъ того, можетъ быть, во всемъ ихъ языкѣ не болѣе трехъ словъ, начинающихся съ *д* (*дватта* — четыре, *десь* — говорить, *досъ* — другъ), произносимаго притомъ съ грѣхомъ пополамъ; между тѣмъ какъ словъ, начинающихся съ любимаго Чувашами *т*, въ немъ болѣе 350. Кромѣ того Чувашенинъ, говоря по-русски, разѣваетъ ротъ цѣломудреннѣе и экономнѣе даже Англичанина. Отъ того буква *в* весьма часто переходитъ у него въ *ф*, *б* — въ *п*. — Нужно-ли впрочемъ сказывать, что все это недостатки ничтожные, ничуть непрепятствующіе Русскому понимать Чувашенина, а Чувашенину — Русскаго?

Оставляя мелочи эти, порадуемся тому, что черты, въ которыхъ преимущественно обнаруживались дикость, варварство, грубость Чувашъ, теперь или совершенно сгладились, или видимо сглаживаются. Къ прежнимъ религіознымъ вѣрованіямъ своимъ они питаютъ отвращеніе и презрѣніе. Священныя рощи (кереметя) всѣ повырублены такъ, что и слѣдовъ ихъ не осталось. О варварскомъ обычаѣ *тащить непріятелю сухую бѣду*, т. е., вѣшаться во дворѣ своего врага, не слышно болѣе. Чувашенинъ уже не смотритъ болѣе кретиномъ. Онъ не видитъ въ каждомъ Русскомъ своего повелителя, *олбута* (господина). Чиновниковъ Земской Полиціи, равно-какъ окружнаго начальника и его помощниковъ, онъ не считаетъ уже людьми, выше и больше которыхъ нѣтъ ничего на свѣтѣ. Онъ знаетъ уже дорогу въ Казань; знаетъ также, что у него есть *Патша* (царь), защитникъ и покровитель всѣхъ угнетенныхъ, за котораго онъ молится въ церкви и на службу котораго идетъ охотно даже безъ очереди, въ замѣнъ женатаго родственника или только пріятеля: случай нѣсколько разъ, какъ

мнѣ сказывали, повторившійся въ Чебоксарахъ въ послѣдній рекрутскій наборъ. Глубокое легковѣріе и безсмысленная простота Чувашъ теперь уже болѣе преданіе, чѣмъ дѣйствительность. Наученный прежними многочисленными опытами Чувашенинъ теперь болѣе всего страшится быть обманутымъ и сдѣлаться посмѣшищемъ своихъ знакомыхъ; его простота измѣнилась въ самую чуткую осторожность.

Не то было назадъ тому лѣтъ 25 и болѣе. . . . .

Кереметы существовали тогда въ каждомъ почти селѣ, и въ нихъ открыто приносились языческія жертвы. Чуваши хромали на обѣ плеснѣ и глезнѣ, были плохими язычниками и весьма плохими Христіанами. Въ кереметяхъ приносили кровавыя жертвы только съ корыстными цѣлями, т. е., либо въ случаѣ несчастія, постигавшаго то или другое семейство, либо въ то время, когда надобно было испросить у боговъ обильный урожай хлѣба, хорошій приплодъ скота и т. п. Обращенные въ христіанство (около 106 лѣтъ тому назадъ) не силою убѣжденія, но по принужденію, они не имѣли ни малѣйшаго понятія объ истинахъ нашей религіи. Они крестились сами, крестили дѣтей своихъ, въ случаѣ болѣзни исповѣдывались и пріобщались Св. Таинъ, вовсе не понимая, что дѣлаютъ. Обыкновенно они бывали въ церкви только три раза въ жизни, т. е., когда ихъ крестили, когда женили, когда отпѣвали.*). . . . . Они видѣли въ священникахъ доносчиковъ, враговъ, преслѣдователей своихъ; и самыя законныя дѣйствія ихъ они перетолковывали по своему, давали имъ другой смыслъ.

*) Изъ этого положенія изъемлются Чуваши отдаленныхъ отъ селъ деревень. Они бывали только *разъ* въ церкви. Ихъ крестили и отпѣвали гуртомъ, чохомъ въ то время, когда священнику случалось быть въ деревнѣ.

Надобно впрочемъ сказать, что вообще Русскіе съ самаго покоренія здѣшней стороны вѣроятно очень не кротко обходились съ чувашами. Отъ того послѣдніе старались, сколько возможно, удалиться отъ вниманія побѣдителей. Они селились какъ можно далѣе отъ большихъ дорогъ, отъ судоходныхъ рѣкъ, у какого-либо грязнаго ручья и все непремѣнно по скатамъ двухъ ложбинъ. Почти каждое чувашское село расположено такъ, что Вы примѣтите его тогда только, когда носомъ уткнетесь въ него. Скрывать отъ Русскихъ дорогу къ селамъ и деревнямъ чувашскимъ считалось долгомъ, дѣломъ чести каждаго Василья Иваныча.*) Вы ѣдете бывало проселочною чувашскою дорогою; русскій ямщикъ Вашъ, дѣйствительно небывавшій въ этой глуши, не знаетъ дороги. Вы заплутались. Вотъ идетъ Чувашенинъ. *Ачамъ* (молодецъ)! гдѣ проѣхать въ N° деревню? — *Тюрахъ кай* (прямехонько ступай), — отвѣтитъ онъ Вамъ непремѣнно. Если Вы такъ неопытны, что послѣдуете этому совѣту, то васъ непремѣнно завезутъ либо на мельницу, либо къ болоту, либо въ лѣсъ, въ которомъ еще не проложено безопасныхъ ѣзжалыхъ дорогъ.

---

*) *Василій Иванычъ* — у Русскихъ почетная кличка каждаго Чувашенина, какъ *князь* — почетный титулъ Татарина. Съ чего Русскіе вздумали называть Чувашъ Василіями Ивановичами? Есть преданіе, что іеромонахъ Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ (въ послѣдствіи митрополитъ казанскій), преосвященнымъ Лукою Конашевичемъ посланный съ нѣсколькими духовными лицами обращать Чувашъ въ Христіанство, крестилъ ихъ цѣлыми толпами, при чемъ любилъ имъ давать свое свѣтское имя *Василій*, а воспріетникомъ былъ діаконъ Иванъ Афанасьевъ, получившій потомъ мѣсто священника въ одномъ изъ чувашскихъ селъ. Можетъ быть впрочемъ эта кличка происходитъ и отъ-того, что священники первоначально давали новорожденнымъ Чувашлятамъ общеупотребительнѣйшія и извѣстнѣйшія имена. А какое имя употребительнѣе *Василія* и *Ивана*?

Но вотъ послѣ многихъ остановокъ, объѣздовъ, переѣздовъ и заѣздовъ, Вы попали наконецъ въ деревню, черезъ которую лежитъ Вамъ путь. Едва Вы переѣхали за околицу, какъ ребятишки, игравшіе на улицахъ, стремглавъ бросаются по домамъ, съ крикомъ: *вырась! вырась!* (Русскій! Русскій!). Въ одно мгновеніе всѣ ворота заперты, всѣ двери затворены, нигдѣ не видно души человѣческой; вся деревня точно вымерла отъ моровой язвы. Дѣлать нѣчего: Вы обращаетесь къ разрѣшителю всѣхъ чувашскихъ грѣховъ—къ выборному; у него Вы останавливаетесь и покупаете корму для лошадей. Выборный сначала принялъ Васъ, какъ Русскаго, съ достодолжнымъ почтеніемъ. Но Вы не потребовали отъ него мірскихъ лошадей, не съѣли у него дарового обѣда, не поколотили его ни за что, ни про что; Вы даже заплатили ему за кормъ лошадямъ, — и онъ съ презрѣніемъ смотритъ на Васъ, какъ на выродка, какъ на урода, съ позволенія сказать. Это значитъ, что Вы не умѣете ѣздить по чувашскимъ селамъ.

Научитесь этому искуству у выгнаннаго изъ службы подканцеляриста Брагина, который ѣдетъ теперь*) въ преслоутый градъ Козьмодемьянскъ, чтобы партикулярно поскрыпѣть перушкомъ въ тамошнемъ земскомъ судѣ. Вотъ его грозная персона влетѣла во дворъ выборнаго на лихой тройкѣ. Лошадей!—кричитъ хриплымъ басомъ, и ни съ того ни съ сего, вмѣсто: здорово живешь, даетъ выборному двѣ горячія оплеухи. Тотъ съ глубокимъ уваженіемъ, съ низкими поклонами провожаетъ гостя въ домъ. Тамъ Брагинъ приказываетъ подать себѣ — вина, пива, яицъ, *яшку* (супъ) изъ курицы, и съ избыткомъ вознаграждаетъ свое чрево за долговременный постъ въ Казани. Между тѣмъ лошади готовы. Уконтентованный даровымъ обѣдомъ Брагинъ выходитъ изъ дому, пошатываясь изъ стороны въ сторону. Ему подана только

*) т. е. бывало.

пара мірскихъ лошадей, да и тѣхъ выборный едва отыскалъ, потому-что лошади всѣ въ работѣ, на сѣнокосѣ. Какъ? — восклицаетъ Брагинъ — только пара? Не хочу: вези это самъ; — и съ этимъ словомъ онъ вынимаетъ изъ кармана рукописный пѣсенникъ, сборникъ образцовыхъ стихотвореній извѣстнѣйшихъ авторовъ, какъ-то: Баркова, В. Пушкина и т. п., да двѣ, три черновыя просьбы, написанныя имъ въ Мокрой для Татаръ, за пятиалтынный. Все это онъ энергически разбрасываетъ по двору выборнаго и борзыми стопами идетъ къ околицѣ, очень хорошо зная, что пѣшкомъ недалеко придется ему идти. Оторопѣлый выборный бережно собираетъ разбросанныя бумаги, велитъ ямщику пристегнуть свою собственную лошадь, кладетъ въ мошну синюю бумажку и самъ отправляется въ-слѣдъ за сердитымъ господиномъ. Какъ онъ тамъ умолялъ Брагина не погубить его съ ребятишками, какъ кланялся ему въ ноги, а въ руки будто насильно всучилъ синюю ассигнацію, — объ этомъ молчитъ исторія. *Вотъ какъ въ старину ѣздили* по Чувашамъ чиновные люди и пріобрѣтали себѣ всюду уваженіе и почтеніе.

Но это почтеніе ничто въ сравненіи съ тѣмъ раболѣпствомъ, съ тѣмъ благоговѣніемъ, которымъ Чуваши окружали свое домашнее чиновное лицо, своего волостного писаря. Онъ былъ въ собственномъ смыслѣ деспотомъ въ своей волости: налагалъ поборы, брилъ лбы, сажалъ въ цѣпь своего волостного голову, судилъ, рядилъ, наказывалъ, однимъ словомъ дѣлалъ все, что хотѣлъ. Чтобы показать Вамъ значеніе писаря въ старинной Чувашландіи, разскажу Вамъ анекдотъ, за достовѣрность котораго ручаюсь. »Попадья торгуетъ у Чувашенина на андревскомъ базарѣ *сяврань полъ* (вертящуюся, бѣшеную рыбу). Продавецъ запрашиваетъ слишкомъ дорого. Попадья горячится, бранится; Чувашенинъ не уступаетъ. — Побойся ты Бога, чувашская лопатка, — восклицаетъ на-

конецъ попадья—вѣдь это неслыханная цѣна.—*Эхъ, мачка,* отвѣчаетъ раздосадованный Чувашенинъ, — *что Бога бояться: вѣдь Богъ — не писарь.*« — Такъ вотъ что значилъ писарь! — Откуда брались эти писаря, — не знаемъ. Знаемъ только, что конецъ ихъ служебнаго поприща обыкновенно былъ двоякій: прослуживъ три, четыре года, они или отправлялись пѣшеходяще на Востокъ, или переписывались изъ мѣщанъ въ купцы 2-й гильдіи.

Какое же значеніе имѣлъ *для* Чувашъ самъ капитанъ-исправникъ, — объ этомъ ужъ не говорю между прочимъ и потому, что усталъ. До слѣдующаго письма.

II.

.........Если нравственная жизнь Чувашъ теперь, благодаря просвѣщенной заботливости свѣтскаго и духовнаго начальства, во многихъ отношеніяхъ измѣнилась къ лучшему: то это не можетъ еще служить доказательствомъ, что и внѣшній, матеріальный бытъ *всей* массы чувашскаго народа измѣнился. Большинство Чувашъ съ какимъ-то подобострастнымъ уваженіемъ придерживается образа жизни предковъ..........Между тѣмъ, чтобы оставить прежній образъ жизни и измѣнить его на лучшій, — для этого теперь у нихъ, надобно сказать по справедливости, средствъ и способовъ несравненно больше, нежели сколько было прежде.

Но за всѣмъ тѣмъ внѣшній, матеріальный бытъ Чувашъ улучшается не въ желанной степени. Они вообще скупы для себя по привычкѣ; имъ все еще мерещится, какъ страшный призракъ, возможность бѣды, т. е. столкновенія съ судомъ. По этому предразсудку чувашское плебейство не заботится объ улучшеніи своего матеріальнаго быта. И вотъ что еще странно: Чувашенинъ очень хорошо понимаетъ выгоды и удобства быта зажиточныхъ русскихъ крестьянъ и мѣщанъ. Останавливаясь на ночлегъ или для корму лошадей въ русскихъ постоялыхъ домахъ, онъ прихотничаетъ, капризничаетъ, жалуется на чадъ и сырость въ комнатѣ, на недостаточность обѣда, либо ужина, который состоитъ изъ

двухъ сытныхъ блюдъ и за который онъ либо платитъ 5 копѣекъ серебромъ съ своего *рыла*, либо даже не платитъ и вовсе ничего, потому-что за покупкою сѣна и овса для лошадей обѣдъ или ужинъ для самаго возницы идетъ уже не въ-счетъ абонимента. *) Но тотъ же Чувашенинъ, возвратясь восвояси, рѣшительно забываетъ всѣ претензіи на комфортъ — и живетъ чисто по-чувашски.

Безпорядочная постройка чувашскихъ селъ и деревень вошла у русскихъ людей въ пословицу. И въ казанской, и въ симбирской губерніяхъ мнѣ неоднократно случалось слышать, что русскіе люди всякую безпорядочную постройку называютъ *чувашскою.* Села чувашскія не разбросаны такъ, какъ черемисскія, часто тянущіяся на нѣсколько верстъ, съ большими перерывами и промежутками. Напротивъ онѣ обыкновенно представляютъ нѣсколько болѣе или менѣе сближенныхъ между собою группъ домовъ, расположенныхъ — Аллахъ вѣдаетъ — по какому плану. Послѣ этого Вы, почтеннѣйшій Ал. Ив., ужь и разумѣйте, что улицъ тутъ нѣтъ, да и быть не можетъ. Есть только между дворами проѣзды, прихотливо извивающіеся и болѣе или менѣе тѣсные. Въ нихъ очень легко можно заблудиться, заѣхать во дворъ, принимая его за улицу, потомъ въ другой, третій и т. *д.*, пока не уткнетесь носомъ либо въ *карду*, либо въ гуменный заборъ. — Ученые антикваріи и археологи не только русскіе, но даже чувашскіе, объя-

*) Не думайте впрочемъ, чтобы это со стороны содержателей русскихъ постоялыхъ домовъ было раззорительнымъ великодушіемъ. Эти господа въ извѣстное время года разъѣзжаютъ по чувашскимъ селамъ и съ тѣхъ изъ Чувашъ, которые занимаются извозомъ или которые вообще нерѣдко останавливаются у нихъ, собираютъ препорядочную контрибуцію *натурою*, на пр. рожью, овсомъ и т. п. За все это они потомъ берутъ потомъ съ тѣхъ же Чувашъ втридорога.

сняютъ эту безпорядочность постройки предположеніемъ, что Чуваши въ этомъ случаѣ подражали Татарамъ. Смѣлѣйшіе и отважнѣйшіе изъ нихъ (т. е., не изъ Татаръ и Чувашъ, изъ которыхъ первые очень смѣлы, а послѣдніе — вовсе не отважны) выводятъ даже изъ этой безпорядочности домопостройки мысль, будто Чуваши суть народъ не финскаго, какъ доселѣ думаютъ ученые, но тюркскаго происхожденія, потому-что тюркскія племена обыкновенно строятъ свои села и города точно такимъ же образомъ. Я падаю до ногъ предъ археологіею вообще и чувашскою въ особенности. Но мнѣ кажется, что не здѣсь должно искать оправданія мысли о тюркскомъ происхожденіи этого народа. Безпорядочность ихъ селъ и деревень есть простое и весьма естественное слѣдствіе и теперь еще продолжающагося у нихъ отношенія главы семейства къ его членамъ. Глава семейства обыкновенно селился на избранномъ имъ или отведенномъ ему мѣстѣ и загораживалъ себѣ подъ домъ довольно обширное пространство. Семейство его множилось; дѣти его обзаводились своими семействами и строили себѣ домы въ той же загородкѣ, въ которой такимъ образомъ являлось по нѣскольку избъ, а родоначальникъ жилъ въ кругу своей семьи, составляя центръ этого круга. Если два брата — родоначальника устроивались такимъ образомъ, то мало-по-малу предѣлы ихъ поселеній сближались между собою, сливались въ одно; еще долго каждое изъ нихъ носило свое названіе, по большой части происходившее отъ имени родоначальника, пока наконецъ то или другое съ теченіемъ времени не забывалось или, что всего чаще случалось, пока оба названія не дѣлались безразличными. Между тѣмъ съ увеличеніемъ этихъ селеній и по мѣрѣ ослабленія родственныхъ связей между ея жителями, открывалась потребность колонизацій, — потребность выселиться изъ завѣтной дѣдовской или прадѣдовской загородки. Отдѣлявшіеся отъ метрополіи селились *либо* рядомъ съ нею, *либо* въ значительномъ отда-

леніи отъ нея. Въ первомъ случаѣ селенія ихъ носили названіе околотковъ (*сирмы*,*) напр., *Иръ-сирмы*, *Оба-сирмы*, *Шаба-сирмы* и проч.); въ послѣднемъ случаѣ онѣ получали названіе либо отъ имени родоначальника, т. е., главы выселившихся семействъ, либо отъ какихъ-нибудь особенностей заселенной мѣстности съ прибавленіемъ словъ *ялъ* или *кассы* (на пр., *Гарань-ялъ*, *Ибрай-ялъ*, т. е., Гаврилова, Абрамова деревня,—*Анаткассы*, *Хоракассы*, *Анишкассы*, *Вурманкассы*, т. е., верхняя, черная, по рѣкѣ Анишу расположенная, лѣсная деревня). Эти выселки или колоніи сначала были конечно не многолюдны; домы новой колоніи были населены членами одной семьи, людьми, близкими другъ къ другу по крови**); но эти *кассы* и *ялы* съ теченіемъ времени распространялись и увеличивались, такъ что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ теперь считается до 200 домовъ***).—Со времени обращенія Чувашъ въ христі-

---

*) *Сирмы* до слова значитъ *оврагъ*. Чувашскія села и дѣйствительно большею частію расположены, какъ я замѣтилъ еще и выше, по оврагамъ. — Для любопытныхъ привожу въ переводѣ названія этихъ околотковъ: *Иръ-сирмы* — Богатый Оврагъ, *Оба-сирмы*—Волчій Оврагъ, *Шаба-сирмы*—Лягушечій Оврагъ.

**) Здѣсь находится причина несправедливаго мнѣнія *А. А. Фуксъ*, которая въ своихъ *Запискахъ о Чувашахъ* (на стр. 26), разсказываетъ, будто Чуваши почитаютъ за *грѣхъ* брать себѣ женъ изъ одной деревни. — Конечно въ малыхъ деревняхъ всѣ жители между собою болѣе или менѣе близкая родня: тутъ ужъ законъ христіанскій воспрещаетъ жениться на дѣвушкѣ изъ одного села....Но въ большихъ селахъ женихъ всего чаще выбираетъ себѣ невѣсту изъ односелокъ и вовсе не считаетъ этого за грѣхъ.

***) Совершенно не понимаю, съ чего взяла Г-жа Фуксъ, будто чувашскія деревни не бываютъ очень велики, будто самыя большія изъ нихъ состоятъ изъ 25 30 и 40 дворовъ, будто наконецъ единственное исключеніе составляетъ деревня Норваши, гдѣ 90 дворовъ (Зап. о чув. стр. 96). —Это не правда. Были и есть чувашскія девевни и въ 200 дворовъ, на пр. Акташева (большая) и многія другія.

анство явилась при каждомъ селѣ особая, отдѣленная отъ чувашскаго селенія либо лѣскомъ, либо оврагомъ слободка, состоявшая изъ домовъ священно-и-церковнослужителей; близь или въ срединѣ ея устроивалась церковь. Слобода церковная носитъ опять особое названіе, по большой части заимствованное отъ мѣстнаго храмового праздника, какъ-то: *Введенское* (село), *Успенское*, *Троицкое*, *Покровское* и проч. и проч. Духовные, а въ слѣдъ за ними и чиновники земской полиціи въ своихъ оффиціальныхъ бумагахъ именуютъ эти села чувашскими названіями, но какъ бы для поясненія присовокупляютъ къ нимъ: Введенское, Успенское, Троицкое, Покровское и пр., съ неизбѣжнымъ *тожь*....

Такимъ образомъ у одного и того же села бываетъ по-нѣскольку кличекъ. Покрайней мѣрѣ въ чебоксарскомъ уѣздѣ большая часть селъ кромѣ церковнаго имѣетъ еще по два и даже по три названія. Такъ село *Яндашево* называется также — Шардани, Шоркассы, *Карамышево* — Бигильдино, Яльчики, *Кошки* — Чурашево, *Бичурино* (родина знаменитаго нашего синололога. о. Іакинѳа) — Шинери, *Акулево* — Шемжери, *Кармалы* — Шутнерево, *Тогаево* — Наратьялы, *Кучкеи* — Темирчи, *Янцыбулово* — Водакассы и проч. Присовокупите къ тому, что иногда деревни носятъ одно и тоже названіе съ селами, — и вы поймете непріятности, въ которыя легко можетъ попасть путешественникъ, незнающій здѣшней стороны и поставленный въ необходимость ѣхать проселочными дорогами. Да и знающій легко можетъ попасть въ просакъ по пословицѣ: и на старуху бываетъ проруха. Я довольно хорошо знакомъ съ чебоксарскимъ уѣздомъ, но въ нынѣшнюю мою поѣздку два раза имѣлъ неудовольствіе быть мистифированнымъ сходными названіями селъ и деревень. Меня утѣшали по крайней мѣрѣ тѣмъ, что другихъ вводило это въ несравненно большее заблужденіе, чѣмъ меня. И за то спасибо!

Домы чувашскіе обыкновенно строятся дверью на востокъ, куда Чуваши въ язычествѣ обращались съ молитвами къ богамъ. Сѣней у нихъ не бываетъ; вмѣсто нихъ на правую сторону отъ двери устроивается чуланчикъ, называемый *булдырь*. На лѣвой сторонѣ отъ двери въ каждомъ чувашскомъ домѣ непремѣнно находится волоковое окно. Въ старину Чуваши прилѣпляли къ нему во время поминокъ усопшихъ и другихъ религіозныхъ церемоній восковыя свѣчи. Войдя въ избу чувашскую, вы увидите тянущіяся по южной и западной ея части *сaгaнъ*, — широкія нары съ подпольемъ. Эти *сaгaнэ* — очень длинныя, почти въ ростъ человѣческій, служатъ и лавками, и ложемъ для всего семейства. На сѣверной сторонѣ избы обыкновенно находится битая изъ глины печь (*кумâга*), съ выдавшимся, значительно углубленнымъ очагомъ, на которомъ варится *яшки*. На той же сторонѣ дѣлается волоковое окно для выпуска дыму. Въ южной стѣнѣ, недалеко отъ кивоти съ иконою иногда вырубается большое окно, заставляемое рамою; мѣсто стеколъ въ немъ весьма часто занимаетъ коровій пузырь. Избы бѣдныхъ или неторoватыхъ Чувашъ топятся по-черному; ежедневно два раза — утромъ и вечеромъ онѣ бываютъ наполнены дымомъ. И вотъ причина, почему многіе Чуваши преждевременно слабѣютъ зрѣніемъ!

За домомъ чувашскимъ обыкновенно устроиваются скотные дворы, называемые *карда* (слово, которое употребляютъ и русскіе въ казанской и симбирской губерніяхъ). Къ юго-восточной сторонѣ отъ дома обыкновенно стоятъ амбары, инде одно-этажные и иногда двухъ-этажные. Въ нихъ нѣкогда помѣщались между прочимъ и *ирихи*, что-то въ родѣ чувашскихъ пенатъ. Въ *Запискахъ о Чувашахъ* А. А. Фуксъ три раза толкуется объ *ирихахъ*. На стр. 93 г-жа Фуксъ говоритъ: „*ирихъ — кусочи(е)къ олова, привѣшенный къ рябиновой вѣткѣ, которую всякой годъ мѣня-*

ютъ, а стараго ириха съ вѣткою бросаютъ въ рѣку". — Далѣе, на 97 страницѣ говорится, что „*ирихъ не простой кусокъ олова, но маленькій идолъ, съ руками, ногами, глазами и величиною въ вершокъ* (?)." — На странице 141 о томъ же предметѣ повѣствуется: „*ирихъ, или вѣточки, связанныя изъ рябины, въ каждомъ домѣ* (?) *надъ дверьми* (?) *находящіяся, служатъ Чувашамъ для удаленія недоброжелательнаго духа, вредящаго, какъ они думаютъ, достиженію супружеской цѣли* (???)." — Всѣ эти сказанія, явно противорѣчущія одно другому, совершенно несправедливы. *Ирихи* были просто кадки или кузовья, поставлявшіеся или вѣшавшіеся въ углу амбаровъ и наполнявшіеся костями принесенныхъ въ жертву животныхъ. Очень явно, что въ „Запискахъ о Чувашахъ" принята случайная принадлежность предмета за самый предметъ. Точно надъ кузовьями съ костями жертвенныхъ животныхъ ставились иногда вѣтки, но къ нимъ привѣшивался не одинъ кусочекъ олова, а многія блестки, а у богатыхъ Чувашъ — и серебряныя деньги. Ни объ идолообразномъ устроеніи ириха, ни объ разсказываемой „Записками о Чувашахъ" церемоніи бросанія *стараго* ириха въ воду я ни прежде, ни теперь не слыхалъ ни слова. Можетъ быть, я какъ нибудь и соберусь написать Вамъ, любезнѣйшій другъ, о старинномъ, языческомъ вѣроученіи Чувашъ: тогда объясню Вамъ и мои понятія о догматическо-религіозномъ значеніи ириховъ. Теперь же продолжаю мой разсказъ о матеріальномъ бытѣ Чувашъ.

Обыкновенную пищу ихъ составляютъ: ржаной либо ячменный хлѣбъ и *яшка* (супъ, который готовится у богатыхъ изъ крупы и говядины, а у бѣдныхъ — либо изъ одной крупы, либо съ борщевникомъ или снитью и съ молочною забѣлкою); обыкновенное же питье у нихъ: вода. *Путу* (каша), *мичь**) (приготовленный

*) А не *сырушм*, какъ названо въ *Запискахъ о Чувашахъ*, кото-

изъ творога сыръ), *пажалу* (лепешки), *сверянь-поль* (бѣшеная рыба), *сыра* (пиво), *эрехэ* (вино), — это роскошь, которую позволяетъ себѣ не-торговый и слѣд. небогатый Чувашенинъ только тогда, когда у него бываютъ гости или когда онъ празднуетъ что-либо особенное.

Празднуются у Чувашъ съ особеннымъ торжествомъ и роскошью: Пасха и мѣстные храмовые праздники. Но еще большими ликованіями Чуваши сопровождаютъ дни брачные, поминовенія усопшихъ, моленія объ урожаѣ и за урожай.

Къ Пасхѣ и мѣстнымъ храмовымъ праздникамъ Чуваши варятъ пиво и приготовляютъ вышеизчисленныя лакомыя кушанья. Процессъ празднованія этихъ дней совершается почти также, какъ и у русскихъ простолюдиновъ: пьютъ, ѣдятъ, и опять ѣдятъ, и опять пьютъ и т. д. а гдѣ пиво, тамъ у Чувашъ — пляска. Вотъ и является доморощенный виртуозъ съ *пузыремъ;* — подъ его довольно однообразные звуки молодежь начинаетъ плясъ; остальное общество шумитъ, топаетъ ногами, бьетъ въ ладоши. Соблюдая долгъ справедливости, я долженъ замѣтить, что у Чувашъ иначе *начинается* празднованіе этихъ дней. Русскіе *сначала* принимаютъ къ себѣ духовенство со крестомъ и потомъ уже предаются весельямъ. Чуваши напротивъ тотчасъ по окончаніи обѣдни, сами предваряютъ визитъ духовныхъ, толпами ходятъ по домамъ священно-и-церковнослужителей, и домой возвращаются, такъ сказать, только допраздновать или положить начало праздеству на слѣдующій день.

Остальныя изъ исчисленныхъ мною праздествъ совершаются у Чувашъ совершенно оригинальнымъ образомъ, съ особенными церемоніями. А. А. Фуксъ празднества эти (т. е. только

рыя, мимоходомъ сказать, очень не церемонно обращаются съ большею частію Чувашскихъ словъ и выраженій.

два первыя) описала частію невѣрно, частію неполно. При сей вѣрной окказіи я считаю нужнымъ изъявить Вамъ, почтеннѣйшій Ал. Ив., мою душевную благодарность за присылку *Записокъ о Чувашахъ*: онѣ прибыли ко мнѣ какъ не льзя болѣе въ пору. Признаюсь, что въ нихъ я нашелъ много дѣльнаго, но еще больше невѣрнаго, неточнаго, неполнаго, ложнаго. Что это правда, — Вы увидите изъ слѣдующаго за симъ моего письма, предметомъ котораго главнымъ образомъ будетъ по возможности подробное описаніе оригинальныхъ праздниковъ чувашскихъ. Описаніемъ этимъ не замедлю.

III.

Принимаясь за перо для изображенія чувашскихъ оригинальныхъ праздниковъ, я прежде всего считаю нужнымъ сказать Вамъ, Ал. Ив., что буду писать частію какъ самовидѣцъ, какъ testis oculatus, частію какъ testis auritus, или, говоря по-крещеному, какъ человѣкъ, заимствовавшій многія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ изъ разсказовъ достовѣрныхъ людей и особенно изъ сказаній И. Ст. Протопопова, который долгое время былъ сельскимъ священникомъ и благочиннымъ въ чебоксарскомъ уѣздѣ. Я начну мое описаніе съ самаго веселаго праздника, — съ обрядовъ, которыми у Чувашъ сопровождаются брачныя торжества.

Чувашлята женятся въ самой ранней юности, тотчасъ какъ выдутъ имъ положенныя для того закономъ лѣта. Чувашскія красотки напротивъ засиживаются въ дѣвкахъ очень долго. Вотъ причина: каждая изъ нихъ, съ двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, уже болѣе или менѣе порядочная хозяйка: она няньчится съ младшими братьями и сестрами, ходитъ по воду, стряпаетъ яшку, блюдетъ за чистотою и опрятностію своей хаты, участвуетъ въ семейныхъ трудахъ при уборкѣ сѣна, при жнитвѣ и молотьбѣ хлѣба. Отецъ цѣнитъ ея работу и не торопится выдавать въ чужой домъ. Чѣмъ трудолюбивѣе и способнѣе къ работѣ дѣвка, тѣмъ выше ея достоинства въ глазахъ Чувашъ. На лѣта ея, на красоту

тутъ не обращается ни малѣйшаго вниманія. Будь ей двадцать пять и даже тридцать лѣтъ, будь она *неуклюжѣе смертнаго грѣха*, да только пріобрѣти себѣ славу хорошей работницы,—у нея никогда не будетъ недостатка въ женихахъ; за нею непремѣнно станетъ ухаживать нѣсколько отцовъ семействъ, проча дорогую работницу за своихъ сынковъ, хоть бы послѣдніе годились ей чуть не въ дѣтки. До обнародованія нынѣ дѣйствующаго узаконенія о лѣтахъ, какія должны имѣть женихъ и невѣста, пятнадцати-лѣтніе мальчишки сплошь да рядомъ женились на тридцати-лѣтнихъ дульцинеяхъ. Не подумайте однакоже, чтобы при этихъ случаяхъ могли имѣть у Чувашъ какое-нибудь значеніе извѣстные стихи:

Убивается мальчишка
Вкругъ старушкиной казны...и проч.

За чувашскою невѣстою никогда не дается въ приданое ни копѣйки деньгами. Напротивъ женихъ или отецъ его долженъ по татарскому обычаю платить отцу ея калымъ, простирающійся иногда до 200 рублей и болѣе, смотря по достоинствамъ невѣсты.

Но само собою разумѣется, не каждый Чувашенинъ столько богатъ, чтобы вдругъ найти у себя нужное количество денегъ и для уплаты калыма, и на свадебныя издержки, а каждому нужна въ домашнемъ быту помощница Что прикажете дѣлать въ этомъ случаѣ? какъ пособить горю? — Отвѣтъ очень простой: *украсть невѣсту*. И дѣйствительно кража невѣстъ съ незапамятныхъ временъ употребительна у Чувашъ. — Церемоніи, которыми сопровождается брачное торжество, когда женихъ заплатитъ калымъ за невѣсту и когда невѣста бываетъ краденая — совершаются неодинаково. Чѣмъ первыя начинаются, тѣмъ послѣднія оканчиваются. — Но прежде, чѣмъ стану описывать эти церемоніи, считаю ну-

жнымъ сказать Вамъ нѣсколько словъ о такъ называемомъ воровствѣ невѣстъ, чтобъ Вы, соблазняясь словомъ кража, не подумали, что здѣсь совершается нѣчто въ родѣ ловли африканскихъ дикарей, или, пожалуй, въ видѣ классическаго похищенія Сабинянокъ. Бога ради, не думайте этого. Здѣсь не бываетъ даже и того, что совершается въ просвѣщеннѣйшемъ Великобританскомъ государствѣ, въ пресловутой деревнѣ *Гретна-Гринъ*, гдѣ какой-нибудь кузнецъ, либо трактирщикъ, пользуясь мракомъ одной статьи шотландскаго каноническаго права, вѣнчаетъ молодыхъ людей безъ согласія ихъ родителей, вѣнчаетъ, не требуя на то законныхъ свидѣтелей и поручителей и не имѣя ни малѣйшихъ правъ совершать одно изъ таинствъ христіанской церкви. — Чуваши, говоря собственно, воруютъ не невѣстъ, но калымъ, который должны бы заплатить за нихъ*) На нарушеніе правъ калыма, какъ чисто татарскаго обычая, и свѣтское, и духовное наши начальства доселѣ смотрятъ безразлично. И это совершенно справедливо; потому-что и въ русскихъ свадьбахъ дѣло рѣдко обходится безъ купли. Чувашскіе женихи покупаютъ невѣстъ; но за то, увы! русскія невѣсты очень и очень часто покупаютъ себѣ жениховъ. Очевидно, это крайности, равно унизительныя, какъ для прекраснаго, такъ и для не прекраснаго пола.

Притомъ прошу Васъ замѣтить, что ни одинъ Чувашенинъ не рѣшится на кражу невѣсты безъ согласія своихъ родителей или (если ихъ уже нѣтъ) ближайшихъ родственниковъ. И Чувашка не позволитъ украсть себя безъ прелиминарныхъ переговоровъ и статей. Слѣдовательно у жениха и невѣсты въ этомъ случаѣ

*) Да и то не *весь*. Послѣ брака молодой непремѣнно заплатитъ хоть половину калыма, если намѣренъ получить все приданое, какое отецъ предназначилъ своей украденой дочери.

съ вечера бываетъ дѣло слѣчено. Всего удобнѣе уладить это дѣло весною и лѣтомъ, когда родители и родственники находятся въ полѣ, на работѣ, а сами дѣвушки имѣютъ притомъ особенныя обязанности, исключающія ихъ изъ участія въ полевой работѣ. Дѣвка, на пр., идетъ въ лѣсъ за снитью, либо за борщовникомъ, либо за ягодами, отдѣляется отъ своихъ подругъ, заходитъ въ глушь, гдѣ ожидаетъ себѣ богатой добычи. Тогда является предъ нее издали слѣдившая за нею сваха, заводитъ рѣчь о достоинствахъ и богатствѣ жениха, котораго она хотѣла бы избрать для нея, бранитъ родителей ея за то, что они долгое время удерживаютъ ее отъ счастливаго замужства единственно для своихъ выгодъ и въ надеждѣ получить за нее *большой* калымъ, и наконецъ со всѣмъ краснорѣчіемъ московской просвирни изображаетъ, какъ было бы выгодно нашей красавицѣ вступить въ бракъ съ такимъ-то женихомъ, какъ богата его семья, какъ онъ самъ работящъ и торовать. Рѣдко случается, чтобы чувашскія дульцинеи, особенно зрѣлыя, не увлекались этимъ краснорѣчіемъ. Большею частію они даютъ tacitum consensum, но съ возможною внимательностію слушаютъ свахъ, когда тѣ назначаютъ время и мѣсто, гдѣ жениху хотѣлось бы видѣть свою избранную и поговорить съ нею о дѣлѣ. Избранная идетъ на предложенное ей любовное свиданіе. Но вмѣсто любовныхъ объясненій женихъ и его товарищи, скрытно поджидавшіе ее въ назначенномъ мѣстѣ, схватываютъ бѣдняжку безъ церемоніи и сажаютъ въ кибитку, запряженную лихою тройкою и до того времени спрятанную гдѣ-либо въ захолустьѣ. Женихъ надѣваетъ тогда приличный случаю костюмъ, садится съ нѣкоторыми изъ товарищей на приготовленныя для того нарочито верховыя лошади и конвоируетъ поѣздъ своей невѣсты. — Между тѣмъ отецъ его и заранѣе подобранные для спроса поручители съ рукоприкладчикомъ хлопочутъ уже на селѣ о составленіи обыска. Священно-церковнослужители весьма рѣдко имѣютъ возмо-

жность прежде совершенія брака*) догадаться, краденая ли невѣста, или купленная. Большею частію это обнаруживается уже послѣ брака, когда отецъ и родственники невѣсты, узнавъ объ ея похищеніи, прискачутъ въ село. Тутъ начинается у нихъ побоище съ жениховыми родственниками и поѣзжанами. Но неопасайтесь за его слишкомъ вредныя послѣдствія: разквасятъ носа два-три, вставятъ съ обѣихъ сторонъ нѣсколько фонарей подъ глаза, махнутъ по-разу другъ друга подъ микитки, — и баста! это только *церемонія*. По окончаніи ея, обѣ враждебныя партіи дружно отправляются въ питейный домъ и упиваются тамъ *до безсмертія*, какъ выразился мнѣ одинъ экс-дьячекъ, Николай Дмитричъ, прожившій 70 лѣтъ среди Чувашъ, и едва не отвыкшій отъ русскаго языка.

— Не ужели же тѣмъ дѣло и кончается? — спросилъ я у Николая Дмитрича, который, надобно сказать правду, всегда присутствуетъ при подобныхъ случаяхъ, чтобы поживиться даровымъ стаканчикомъ...

— *Аке тада* (вотъ еще)! Вѣдь эти мошенники (провалъ бы ихъ взялъ!) — горланятъ и дерутся только для виду. Ну, выпьютъ по нѣскольку добрыхъ красоулей, да учредятъ, какъ свадьбѣ быть по ихнему, какъ соблюсти старые законы и обычаи и начнутъ съ благопристойнаго начала чувашской свадьбы. Укравшій невѣсту вмѣсто обычнаго сватовства, договаривается съ отцомъ ея

*) Считаю нужнымъ замѣтить, что если бы родственники невѣсты пріѣхали и прежде совершенія обыска и брака, то и тогда ровно ничего не сдѣлали бы и ни подъ какимъ предлогомъ не рѣшились бы отнять похищенную красотку. Увести невѣсту отъ церкви по мнѣнію Чувашъ значитъ лишить ее добраго имени.

о части калыма, какую может ему взнести, и как дѣло уладится, свадебное торжество пойдетъ своимъ порядкомъ.

Благопристойное, по выраженію Николая Дмитрича, начало свадебныхъ церемоній и празднествъ есть *сватовство* и *поѣздъ*. Для перваго Чуваши не прибѣгаютъ подобно Русскимъ къ пособію свахъ. Обыкновенно отецъ, или, если его нѣтъ въ живыхъ, ближайшій родственникъ жениха отправляется къ отцу невѣсты договариваться о калымѣ и приданомъ. Въ случаѣ согласія сватья даютъ другъ другу руки, отецъ невѣсты получаетъ задатокъ калыма, назначается день брака и свадебнаго поѣзда. Обѣ стороны объ этомъ счастливомъ рѣшеніи извѣщаютъ родственниковъ и ближайшихъ знакомыхъ, прося ихъ принять участіе въ предстоящемъ торжествѣ. И невѣстинъ и жениховъ отцы варятъ въ изобиліи пиво, покупаютъ вино, стряпаютъ лакомыя чувашскія кушанья.

Въ настоящее время брачный поѣздъ совершается не вездѣ одинаково: индѣ бываютъ поѣзды *малый* и *большой*, — дѣленіе, которое прежде было вовсе неизвѣстно. Малый поѣздъ есть просто поѣздъ жениха и невѣсты со свидѣтелями въ церковь для бракосочетанія, поѣздъ тихій, скромный, трезвый, несопровождающійся никакими особенными церемоніями. По окончаніи бракосочетанія, молодая ѣдетъ въ свой домъ, а женихъ — въ свой. Я думаю, что наше православное духовенство особенно содѣйствовало и благопріятствовало учрежденію этого *малаго* поѣзда, замѣтивъ въ *большомъ* нѣкоторые слѣды язычества и не желая, чтобы таинство христіанское совершалось надъ пьяными и при пьяныхъ свидѣтеляхъ. Это отдѣленіе христіанскаго обряда и таинства отъ шумныхъ оргій дѣлаетъ честь попечительности и заботливости духовенства о своей паствѣ.

Впрочемъ и теперь безъ большаго поѣзда чувашская свадь-

ба не можетъ обойтись. Чувашенину отказаться отъ него или отъ какой-нибудь употребительной церемоніи значитъ лишить себя чести въ глазахъ всей чувашландіи. Большой поѣздъ обыкновенно бываетъ черезъ три, четыре, пять и даже болѣе дней послѣ малаго. Я опишу его такъ, какъ многократно видалъ его назадъ тому лѣтъ 25, когда еще малый поѣздъ только-что начиналъ входить кое-гдѣ въ употребленіе.

Въ назначенный день въ домы жениха и невѣсты собираются гурьбою родственники и знакомые. Женихъ наряжается въ лучшее свое верхнее платье, на голову надѣваетъ теплую шапку, хоть бы то было въ самое жаркое время, на шею — бисерное ожерелье; безъ рукавицъ ему также нельзя обойтись, а безъ увѣсистой нагайки — и подавно. По окончаніи всѣхъ церемоній онъ выходитъ со свитою изъ избы, садится на лошадь и распоряжается укладкою гостинцевъ или, лучше сказать, угощеній для невѣстиной родни. На особую телѣгу ставятъ бочку пива ведеръ въ восемь или много въ десять*), около полведра вина и кожаную суму, наполненную лакомыми чувашскими яствами. Дружка, свахи, родственники, товарищи жениха и неизбѣжный пузырщикъ (*шыбырзе*) встаютъ въ кибитки и отправляются вслѣдъ за женихомъ. Если Вы на селѣ или въ полѣ встрѣтите группу всадниковъ и нѣсколько кибитокъ, въ которыхъ мущины и женщины ѣдутъ не сидя, а стоя, при оглушительномъ звонѣ колокольчиковъ, съ гайканьемъ, съ пѣснями подъ игру на пузырѣ, знайте: это большой свадебный поѣздъ.

Между тѣмъ, предваряя пріѣздъ жениха, невѣста посѣщаетъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ и поетъ для нихъ импровизи-

*) Но ужъ ни какъ не въ *сорокъ*, какъ утверждаетъ Г-жа Фуксъ. Столь почтенной величины бочекъ никогда не бывало у Чувашъ.

рованныя прощальныя пѣсни. А отецъ или ближайшіе ея родственники приготовляются къ пріему жениха и его свиты: выставляютъ на дворъ скамьи и столъ*) съ питейными и съѣстными припасами. Пріѣзжаетъ женихъ. *Хыйматлыгъ*, т. е., посаженный отецъ и вмѣстѣ дружка, спрашиваетъ у отца невѣсты позволенія въѣхать на дворъ. Дѣло рѣдко обходится безъ намѣренныхъ и, разумѣется, притворныхъ сопротивленій; но наконецъ рѣшается — раствореніемъ воротъ на-стѣшь. Женихъ и его родные троекратно объѣзжаютъ назначенный для нихъ почотный столъ, каждый разъ кланяясь вышедшимъ изъ избы почотнымъ невѣстинымъ гостямъ; въ послѣдній объѣздъ женихъ трижды ударяетъ нагайкою по назначенному для него мѣсту въ твердой увѣренности, что средствомъ этимъ отгоняетъ нечистаго (шойтана) отъ пиршества. Когда женихова свита усядется вокругъ стола, начинается угощеніе.

Въ то время въ избѣ невѣсты совершается особая церемонія. Невѣста, окончивъ прощальные визиты, снова начинаетъ оплакивать каждаго изъ своихъ гостей. Не утаю, что мнѣ нерѣдко удавалось видѣть при такихъ случаяхъ непритворныя слезы невѣсты и замѣчать неподдѣльное, глубокое чувство въ этихъ импровизированныхъ элегическихъ напѣвахъ дѣвушки, прощающейся съ своими родными. Жаль только, что изліянія этой Naturpoësie оканчиваются возліяніями вовсе не эстетическими и со стороны невѣсты весьма не безкорыстными. Оплакавъ всѣхъ гостей, она подноситъ каждому изъ нихъ по ковшу пива, становясь притомъ на одно колѣно и оставаясь въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока подчуемый не опуститъ въ *корга* (ковшъ) денегъ, сколько ему заблагоразсудится или сколько можетъ. Это очевидно уже проза.

---

*) Чувашскія свадьбы почти исключительно бываютъ весною и лѣтомъ, осенью же и зимою — весьма рѣдко.

Послѣ того, какъ невѣста угоститъ всѣхъ, находящихся на лицо родныхъ и знакомыхъ и соберетъ съ нихъ приличную дань, *хыйматлыгъ* входитъ въ домъ невѣсты, которая быстро облекается тогда покрываломъ и уходитъ за занавѣсь, гдѣ сидятъ ея подруги. *Хыйматлыгъ* проситъ у отца и родныхъ невѣсты позволенія войти въ избу жениху и его свитѣ. Получивъ на то согласіе, поѣзжане въ-слѣдъ за женихомъ входятъ въ избу съ открытыми головами: одинъ женихъ не снимаетъ ни шапки, ни рукавицъ. Нѣкоторые, нарочно для того назначенные поѣзжане тотчасъ же вносятъ въ избу гостинцы жениха, т. е., всѣ привезенныя имъ съѣстныя и питейныя снадобья, и ставятъ ихъ на находящійся близь двери столъ, вокругъ котораго женихъ и его свита по прежнему обходятъ трижды, каждый разъ кланяясь роднымъ невѣсты. Тогда женихъ начинаетъ угощать всѣхъ присутствующихъ своими питьемъ и яствами. Впрочемъ тутъ особенной съ его стороны хлопотливости не требуется; гости сами подчуютъ другъ друга; одинъ черпаетъ ковшъ пива и подходитъ съ нимъ къ другому, говоря: *тава сана,* т. е., здравствую тебѣ, или лучше: здоровье твое, потомъ выпиваетъ самъ ковшъ и тотчасъ же подноситъ другой ковшъ тому, за здоровье котораго пилъ, и который, какъ бы ни былъ пьянъ, не можетъ отказаться отъ потчиванья.

Во время этихъ оргій невѣста оканчиваетъ свой туалетъ и свои сборы, свахи — такъ же. Послѣднія надѣваютъ на себя синіе суконные кафтаны, а чрезъ плечо — перевязь (*теветь*), которая у богатыхъ украшается бисеромъ и серебряными деньгами, какъ-то: полтинниками, четвертаками и гривенниками, а у бѣдныхъ — *тухланками*, т. е., тонкими оловянными или мѣдными кружечками, издали похожими на золотыя и серебряныя монеты. По окончаніи всѣхъ приготовленій, гости выходятъ и располагаются въ своихъ экипажахъ, или садятся верхомъ на лошадей. На-

конецъ свахи выводятъ изъ избы невѣсту. *Хыйматлыкъ* беретъ ее въ охапку и сажаетъ верхомъ на лошадь, въ сѣдло. Весь поѣздъ трогается. За воротами невѣстина дома, если она односельская съ своимъ суженымъ, а если нѣтъ, то за сельскою, или деревенскою околицею, женихъ подъѣзжаетъ къ невѣстѣ и, распахнувъ ея покрывало, зорко смотритъ ей въ лицо, а потомъ трижды очень плотно ударяетъ ее нагайкою. Это есть символическое дѣйствіе, выражающее ту мысль, что женихъ будетъ глядѣть въ глаза своей суженой, т. е., любить ее, но что за непослушаніе будетъ взыскивать съ нея строго, какъ ея господинъ и повелитель.

Если малый поѣздъ уже былъ, то вся кавалькада отправляется въ домъ жениха, куда везутъ и все приданое невѣсты. Если же не былъ, то всѣ гости за женихомъ и невѣстою ѣдутъ въ церковь для бракосочетанія, по окончаніи котораго надъ молодою совершается обрядъ *окручиванія*. Свахи расплетаютъ ей косу и вмѣсто дѣвичьяго головнаго украшенія — *тохьи* *), — надѣваютъ на нее полновѣсную *хошпу* **) и потомъ весь поѣздъ отправляется

*) *Тохья* — это татарская тюбетейка, конусообразная и притомъ съ двумя ремнями, застегивающимися подъ подбородкомъ. Верхнія части его бываютъ вышиты шерстью и бисеромъ, а нижнія — украшены серебряными деньгами. Тохья — исключичельно дѣвичій нарядъ.

**) *Хошпа*—головной уборъ замужнихъ. Это кожанный колпакъ, имѣющій цилиндрическую форму, безъ верхней покрышки. Къ хошпѣ, также какъ и къ тохьѣ, пришивается по бокамъ два ремня, которые какъ у солдатскихъ киверовъ застегиваются подъ подбородкомъ. Къ задней части хошпы притягивается унизанный мѣдными бляхами и разноцвѣтнымъ бисеромъ ремень, шириною въ четверть, а длиною онъ долженъ быть ниже пояса Чувашки. Верхъ хошпы унизывается у бѣдныхъ Чувашекъ пятью или четырьмя рядами тухланокъ и однимъ рядомъ мелкихъ серебряныхъ денегъ: у богатыхъ же вся хошпа бываетъ унизана шестью рядами сере-

въ домъ жениха. *Хыйматлыгъ* и свахи вводятъ въ избу молодыхъ, которые, переступивъ черезъ порогъ, стоятъ съ преклоненною головою. Нарочно приглашенный старикъ, *iомся**) (колдунъ, ворожея, мудрецъ), вооружившись подобно всѣмъ прочимъ гостямъ ковшомъ пива и, взявъ шапку подъ мышку, говоритъ привѣтствie наклонившимся предъ нимъ новобрачнымъ, желая имъ мира, согласiя, богатства и вообще всякаго добра. Выслушавъ то привѣтствie, молодые отходятъ къ печкѣ; новобрачная, все еще находящаяся подъ покрываломъ, дѣлаетъ ей нискiй поклонъ, привѣтствуя въ ней будущее поприще главнѣйшихъ своихъ занятiй. — Затѣмъ начинается церемонiалъ снятiя съ молодой покрывала. Ближайшiй родственникъ новобрачнаго**) беретъ въ руки суковатую вѣтвь***) и съ нею при музыкѣ, при единогласномъ всѣхъ гостей гайканьѣ и хлопаньѣ въ ладоши, пляшетъ отъ порога до переднихъ наръ въ присядку, и, подошедъ къ молодой, дотрогивается этой вѣткой

бряныхъ денегъ, сначала гривенниками, потомъ пяти-алтынными, двугривенниками и т. д., до цѣлковыхъ, которыми оканчивается шестой и послѣднiй рядъ. Ремни хошпы, идущiе къ подбородку, также украшаются серебряными монетами.

*) *Iомси* есть необходимая принадлежность чувашскихъ свадебъ, подобно тому какъ наши колдуны, кудесники, знахари приняты за необходимую принадлежность свадебныхъ пиршествъ у нашего простонародья. *Iомси* — выродки древняго языческаго жречества. Имъ Чуваши отдаютъ необыкновенный почетъ, потому-что и теперь еще вѣрятъ въ ихъ сверхъ-естественное могущество, полагая будто въ ихъ власти извести молодого или молодую, воспрепятствовать имъ въ достиженiи супружеской цѣли, лишить ихъ вообще мирнаго сожитiя, довольства, счастiя и проч.

**) А не *дружка*, какъ говоритъ А. А. Фуксъ.

***) У А. А. Фуксъ эта вѣтвь превратилась въ *палку саженной величины.* (Зап. о Чув. стр. 66). — Да такой палкой пляшущiй и бѣснущiйся родственникъ новобрачнаго могъ бы и молодой и многимъ изъ гостей выколоть глаза.

до ея покрывала; повторяетъ туже операцію въ другой разъ; наконецъ въ третій разъ, зацѣпивъ покрывало сукомъ вѣтки, стаскиваетъ его съ невѣсты и на время выходитъ съ нимъ изъ избы. — Тогда новобрачныхъ ведутъ за столъ и покрываютъ ихъ головы войлокомъ; на столъ ставятъ горячую яшку: каждый изъ гостей подходитъ къ этому кушанью, и, почерпнувъ полную ложку яшки, да чуть прихлѣбнувъ, бросаетъ остальное на головы новобрачныхъ. Замѣтьте, что гости порядочно уже подгуляли: иной махнетъ и такъ, что попадетъ прямо въ лицо молодой либо молодому, которые морщатся, кривляются, бранятъ въ тихомолку тѣхъ изъ гостей, которые разятъ имъ яшкой прямо въ лицо; но несчастные не смѣютъ вытти изъ за-стола, пока вся яшка на нихъ не разбросана

Затѣмъ слѣдуетъ новая церемонія. Молодая беретъ коромыслъ съ ведрами и, предводимая сестрою новобрачнаго*), идетъ по воду. Подошедъ къ рѣчкѣ или ключу, изъ котораго мѣстные обыватели пользуются водою, она кланяется рѣчкѣ или ключу и, почерпнувши воду, ставитъ ведра на землю; а золовка, толкнувъ ихъ ногою, проливаетъ воду. Таже церемонія и въ другой разъ. Наконецъ, зачерпнувъ воды въ третій разъ, она даритъ золовку либо деньгами, либо какою нибудь цѣнною для молодой Чувашки вещью. Умилостивленная этимъ золовка не препятствуетъ уже снохѣ нести ведра до дому новобрачнаго**).

Имѣетъ ли какое-либо особое значеніе и назначеніе принесенная новобрачною вода, — этого я не знаю. Знаю только, что непосредственно за принесеніемъ воды, молодыхъ отводятъ въ клеть на брачное ложе.

---

*) А если нѣтъ у новобрачнаго замужней сестры, то ближайшая его родственница заступаетъ ея мѣсто.

**) У А. А. Фуксъ все это разсказано совершено превратно. Гдѣ у нея стоитъ: *молодая*, тамъ читай *золовка*, а гдѣ — *золовка*, тамъ читай *молодая*. Такихъ qui-pro-quo въ ея описаніи чувашскихъ свадебъ очень не мало. (См. Зап. о Чув. стр. 66,67).

Гости пирують между тѣмъ въ избѣ, а свахи поютъ и пьютъ около клети, гдѣ положены новобрачные. Какъ скоро деревянная, довольно хитро устроенная запорка клети отопрется, свахи, дружка и поддружье входятъ къ молодымъ. Если молодая оказалась невинною, то поддружье тотчасъ же беретъ signa ея innocentiae, торжественно вноситъ ихъ въ избу и съ отчаяннымъ удальствомъ пляшетъ, показывая эти signa всѣмъ роднымъ молодого и молодой*). Спустя нѣсколько времени, является и новобрачная въ сопровожденіи свахъ; лѣвая рука ея обвита холстомъ, на правой лежатъ подарки для ближайшихъ родныхъ молодого: вышитыя мелкимъ бисеромъ или разноцвѣтными шерстями рубахи и сарпаны**). Вошедъ въ избу, молодая какъ бы въ доказательство того, что она лицо домашнее, становится у печки, уже не кланяясь ей. Одна изъ свахъ наливаетъ въ ковшъ пива и передаетъ его молодой, а та съ низкимъ поклономъ подноситъ его сперва свекру, а потомъ и прочимъ гостямъ. Въ то же время она раздаетъ всѣмъ роднымъ своего мужа приготовленные для нихъ дары. Всѣ не только одаренные молодою, но и удостоившіеся чести получить отъ нея

---

*) Еще *Миллеръ* (въ своемъ »Описаніи живущихъ въ Казанской губерніи народовъ«) замѣтилъ, что »изъ всѣхъ здѣшнихъ инородцевъ, одни Чуваши цѣнятъ дѣвственность новобрачной.« — Миллеру сказывали даже, что если невѣста чувашская оказывалась *несохранною*, то дружка, взявши ковшъ, провѣрчивалъ на днѣ его диру и, зажавъ ее пальцемъ, подносилъ въ ковшѣ гостямъ пиво, а у тѣхъ — въ ротъ текло, да ни попало.« — Все это, я полагаю, было справедливо лѣтъ больше чѣмъ за-сто назадъ, когда знаменитый нашъ академикъ посѣтилъ Казань, возвращаясь изъ камчатской экспедиціи. Но нынѣ — совсѣмъ не то. Теперь все чувашскія, какъ и всякія другія выходящія за мужъ дѣвушки — безпорочны.

**) *Сарпанами* называются рѣдко вытканныя полотенца, которыми Чувашки, если не надѣваютъ хошпы, обвязываютъ свои головы.

ковшъ съ пивомъ, кладутъ въ него по нѣскольку монетъ*) мѣдныхъ или серебряныхъ. Потомъ на нѣсколько дней начинается пиръ на весь міръ, уже не въ одномъ жениховомъ, но въ нѣсколькихъ, родственныхъ ему домахъ.

Описывать эти пиры нѣтъ никакой надобности: Чуваши пьютъ, ѣдятъ и потомъ спятъ, и потомъ опять ѣдятъ, пьютъ и спятъ....Я лучше разскажу Вамъ одинъ анекдотъ. Одинъ изъ нашихъ близкихъ и любезнѣйшихъ товарищей, человѣкъ очень ученый и любознательный, разъ какъ-то проѣздомъ остановился въ чистопольской чувашской деревнѣ. Дѣло было въ *середу* и нашъ другъ за неимѣніемъ никакой другой провизіи приказалъ для обѣда сварить себѣ нѣсколько яицъ. Въ то время, какъ онъ занимался потребленіемъ ихъ, возвратившіеся съ работы домохозяева начали преаппетитно хлѣбать молоко. Другъ нашъ съ свойственною ему набожностію напомнилъ Чувашамъ, что тогда былъ день постный — середа, и что грѣхъ ѣсть скоромное въ постные дни. — А ты самъ что ѣшь? спросилъ его одинъ изъ нихъ. — Да я Нѣмецъ, — отвѣчалъ онъ. — *А мы Чуваши!* — Ученый и любознательный другъ нашъ сталъ въ тупикъ и ничего немогъ возразить на этотъ весьма уважительный аргументъ.

Анекдотъ этотъ я разсказываю Вамъ, почтеннѣйшій А. И., для того, чтобы Вы въ своихъ поискахъ и поѣздкахъ по здѣшней губерніи для собранія свѣдѣній о мѣстныхъ нравахъ и обычаяхъ не попались въ просакъ. А попадетесь, увѣряю Васъ, попадетесь, если не послушаететь меня и станете въ тупикъ съ квадратомъ. Вотъ на прим. Вы пріѣзжаете въ чувашское село и оста-

*) А. А. Фуксъ вовсе несправедливо говоритъ, будто молодая кладетъ въ ковшъ съ пивомъ свекору и гостямъ деньги. Напротивъ!

навливаетесь въ домѣ, гдѣ, положимъ, недѣли двѣ тому назадъ была свадьба. Если тамъ есть еще *юлашки* (остатки свадебнаго празднества), то молодая съ преклоненною головою, и даже ставъ на одно колѣно, непремѣнно поднесетъ Вамъ ковшъ съ пивомъ. Пиво Вы выпьете, я это знаю. А молодая, какъ Вы ни вертитесь, все будетъ стоять предъ Вами, и чѣмъ дольше будетъ стоять, тѣмъ больше будутъ хохотать ея домашніе. Видите, что Вы въ критическомъ положеніи. Угодно ли, чтобъ я вывелъ Васъ изъ него и преподалъ Вамъ одно изъ моральныхъ правилъ? — Извольте: положите въ *коршу*, ковшъ, поднесенный Вамъ молодою, нѣсколько денегъ, да поцѣлуйте ее, если она хороша. Вотъ и все! Видите какой я нравственно-совѣтодательный человѣкъ! Поищите такой морали у Шлейермахера, у Гегеля, у Шеллинга, у Ронге: право, не найдете!

Принявъ къ свѣдѣнію и приложивъ къ сердцу сообщенное мною Вамъ правило нравственной философіи, Вы, надѣюсь, не осердитесь на меня за то, что я описаніе другихъ чувашскихъ праздниковъ отлагаю до слѣдующаго письма, тѣмь болѣе, что настоящее посланіе мое, какъ видите, довольно обширно. Въ слѣдующемъ письмѣ я поговорю между прочимъ о Чувашахъ, какъ хлѣбопашцахъ.

IV.

Прежде, нежели стану описывать Вамъ, почтеннѣйшій Ал. Ив., чувашскій *праздникъ Тора тыражинъ чуклесъ*, т. е., моленіе объ урожаѣ и за урожай хлѣба, я считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько сельскохозяйственныхъ замѣчаній, могущихъ объяснить и причину, по которой тотчасъ за окончательной уборкой хлѣба настаетъ самый свѣтлый и разгульный праздникъ для всей Чувашландіи.

Кто бывалъ въ чувашской сторонѣ, тотъ не могъ не замѣтить, что Чуваши смышленые, усердные, отличные земледѣльцы. Почти ни у одного изъ нихъ не останется неудобреннымъ его участокъ; ни одинъ изъ Чувашъ не потерпитъ, чтобы хлѣбъ у него былъ сжатъ, свезенъ на гумно и обмолоченъ несвоевременно. Въ этомъ отношеніи они далеко выше здѣшнихъ русскихъ крестьянъ *). Заранѣе вижу Вашу улыбку, любезнѣйшій Ал. Ив.,

*) Сами русскіе крестьяне не только сознаются въ этомъ, но даже вѣрятъ, будто Чуваши и Черемисы одарены чудною способностію еще осенью предсказывать, каковъ долженъ быть урожай слѣдующаго года. И дѣйствительно у Чувашъ отъ одного поколѣнія къ другому въ точности передаются наблюденія надъ примѣтами и условіями бывшаго въ тотъ или другой годъ урожая или неурожая. Собраніе этихъ наблюденій и составляетъ ихъ агрономическую теорію. Иногда

вижу Ваше дружеское желаніе обвинить меня въ пристрастіи къ моимъ полу-дикимъ пріятелямъ....Но погодите: сначала выслу-

---

эта теорія оказывается замѣчательно вѣрною. Приведу примѣръ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ пріѣхалъ въ одно чувашское село исправникъ, человѣкъ образованный и почти наизусть выучившій всѣ бывшіе тогда въ ходу русскіе курсы науки Сельскаго Хозяйства. Онъ созвалъ къ себѣ стариковъ, пожурилъ ихъ за то, что у нихъ доселѣ незасѣяны озими, попросилъ на сходку мѣстнаго священника, показалъ ему какую-то брошюру, въ которой время посѣва ржи опредѣлялось съ математическою точностію, и пригласилъ его перевести во услышаніе стариковъ нѣкоторыя мѣста изъ этой брошюры. Чуваши со вниманіемъ слушали переводъ священника и комментарій ученаго начальника, и, покачивая головами, твердили: *сяпла*, *сяпла* (такъ, такъ!) Въ заключеніе исправникъ объявилъ, что онъ на обратномъ пути изъ Казани опять заѣдетъ въ это село и строго взыщетъ съ тѣхъ лѣнтяевъ, у которыхъ поля останутся незасѣянными. Священникъ самъ снималъ около 40 десятинъ земли. Вѣря всему печатному, и, может быть, желая подать примѣръ своимъ духовнымъ дѣтямъ, онъ тотчасъ принялся за посѣвъ. — Исправникъ, возвращаясь изъ Казани, дѣйствительно заѣхалъ въ тоже село, и, узнавъ, что Чуваши все еще не принимались за посѣвъ, снова собралъ стариковъ, разбранилъ ихъ въ прахъ за явное неуваженіе къ его агрономическимъ теоріямъ, назвалъ варварами, болванами, неспособными даже къ тому, чтобы желать себѣ добра. — Какъ, бачка, себѣ добра не хотѣть? Мы потому до сихъ поръ и не сѣяли, что добра себѣ хотѣли. — Какъ? что? спросилъ исправникъ. — Сѣять-то бачка, нельзя; по солнцу бы и можно; да примѣта дурная есть: бѣда выдетъ. — Какая примѣта? — Да много примѣтъ есть; не хорошо будетъ, если теперь посѣемъ. — Да какія же, говорю я, примѣты? — Да вотъ тѣ, что еще старики наши отъ своихъ стариковъ слышали. — Напрасно исправникъ старался узнать эти таинственныя примѣты; на всѣ его распросы Чуваши отвѣчали ему: такъ, бачка, знаемъ, что не хорошо будетъ; отцы наши и отцы отцовъ нашихъ такъ говорили! Пораженный увѣренностію, съ какою Чуваши настаивали на своемъ, онъ перестал ихъ понуждать. Спустя около недѣли по отъѣздѣ исправника изъ

шайте, а потомъ уже бросайте въ меня камень осужденія.... Что Чуваши, какъ земледѣльцы, усерднѣе, дѣятельнѣе, а, главное, смышленѣе здѣшнихъ русскихъ крестьнъ, — въ этомъ удостовѣритъ Васъ уже и то обстоятельство, что послѣдніе, т. е., русскіе крестьяне, не понимая своихъ выгодъ и даже вопреки предписаніямъ начальства, ежегодно дѣлятъ между собою земли на посѣвъ ярового и ржаного хлѣба. »*Авось*, думаетъ себѣ русскій человѣкъ: — на нынѣшній годъ достанется мнѣ загонъ поближе къ селу.« —

села, они принялись за посѣвъ, который по позднему времени и по многимъ другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, казалось, не обѣщалъ ничего добраго. — Но что же вышло? у Чувашъ взошли озими чудесные, а у священника зерно поѣлъ червь. — Множество примѣровъ подобной смѣтливости этихъ полудикарей разсказываютъ живущіе среди нихъ Русскіе. Какъ люди, близкіе къ природѣ, Чуваши, подобно американскимъ дикарямъ, инстинктивно, *чутьемъ* понимаютъ ее и нерѣдко предугадываютъ въ ней такія перемѣны, которыхъ ни какъ не можетъ предвидѣть образованный человѣкъ, несмотря на изобрѣтенныя имъ для того искуственныя средства. Въ нынѣшнюю мою поѣздку въ Чувашландію, мнѣ указывали на одного Чувашенина Айдаровской волости, по имени *Кирка Михалы* (т. е., Михайла Кирилова), которому общее мнѣніе Русскихъ приписываетъ удивительную способность наканунѣ предсказывать ведро или ненастную погоду слѣдующаго дня. Нѣсколько разъ я пытался повѣрять эту способность и спрашивалъ его, каковъ завтра будетъ день? Михалка посмотритъ на небо, на лѣсъ, втянетъ въ себя носомъ нѣсколько разъ воздухъ и отвѣтитъ: *завтра будетъ ясная, хорошая погода* (хотябы во время этого рѣшительнаго предсказанія все небо покрыто было облаками), или: *завтра будетъ сильный дождь и громъ* (хотябы наканунѣ небо было чистое и безоблачное), или: *завтра будетъ не большой дождь съ утра до обѣденной поры* и т. п., — Къ удивленію моему эти предсказанія каждый разъ исполнялись съ совершенною точностію. Но Чуваши не находили въ этомъ ничего удивительнаго. *Онъ узналъ это отъ матери; у него мать была іомся*, говорили они мнѣ, полагая, что въ этихъ словахъ заключается самое удовлетворительное разрѣшеніе дѣла.

Достаться-то, можетъ быть, и достанется, да что толку въ этомъ? Не зная, кому какой участокъ долженъ выпасть по жеребью, русскіе крестьяне и не думаютъ удабривать свои поля навозомъ; они обыкновенно свозятъ его съ дворовъ своихъ въ ближайшіе къ селамъ овраги, отъ чего въ рускихъ селеніяхъ воздухъ въ извѣстныя времена года начиненъ бываетъ такими благоуханіями, что и не дохнешь. — Напротивъ Чуваши дѣлятъ свою землю на участки только послѣ народной переписи и пользуются ими уже до слѣдующей ревизіи, если только въ томъ или другомъ семействѣ не произойдетъ убыли. Такимъ образомъ Чувашенинъ смотритъ на однажды доставшійся ему участокъ, какъ на свою по крайней мѣрѣ двадцатилѣтнюю неотъемлемую собственность, и всегда тщательно удобряетъ его навозомъ, который нерѣдко даже покупаетъ у сосѣднихъ русскихъ крестьянъ, свозитъ съ своего загона каменья, продѣлываетъ на межахъ канавки для стока воды, если загонъ расположенъ по низменному или покатому мѣсту. Очень естественно, что такая заботливость всегда за исключеніемъ обще-неурожайныхъ годовъ оканчивается счастливыми послѣдствіями и что у Чувашъ хлѣбъ вообще родится лучше и въ бóльшемъ изобиліи, чѣмъ у Русскихъ.

Еще больше дѣятельности и рвенія оказываютъ Чуваши въ уборкѣ хлѣба. Къ половинѣ Сентября хлѣбъ у нихъ уже своженъ съ полей на гумна. Въ исходѣ Сентября и въ Октябрѣ мѣсяцѣ, который по чувашски называется *авынъ-оихъ*, т. е., овинный мѣсяцъ, уже начинается и быстро идетъ у нихъ къ концу сушка и молотьба хлѣба, для которой они спѣшатъ пользоваться каждымъ яснымъ днемъ, каждою свѣтлою, безоблачною ночью. Овины чувашскіе устраиваются, какъ и у Татаръ, *шишами*, которые для безопасности отъ пожаровъ обставляются съ той стороны, откуда дуетъ вѣтеръ, широкими лубьями. У многосемейныхъ, или

засѣявшихъ большое количество земли Чувашъ бываетъ на гумнахъ по два, по три овина, и въ многолюдныхъ семействахъ весьма часто въ одинъ день оканчивается трехъ-овинная молотьба. Къ исходу Ноября каждымъ, даже самымъ лѣнивымъ и маломощнымъ Чувашениномъ эта операція уже непремѣнно бываетъ окончена: хлѣбъ весь смолоченъ и убранъ въ амбары. А это и есть эпоха, съ которой начинается *кюрь-сыры*, т. е., осеннее пивовареніе и розговѣнье новымъ хлѣбомъ. Конецъ Ноября и весь Декабрь мѣсяцъ изстари предназначены были у Чувашъ для благодарственнаго богамъ жертвоприношенія (*чукъ*) за разныя ихъ благодѣянія, отъ чего Декабрь и доселѣ называется по-чувашски *чукъ-оихъ* *).

---

*) Замѣчательно, что чувашскія названія мѣсяцовъ (*оихъ*) указываютъ на работы и занятія, какія приличны тому или другому времени года. Исключеніе изъ этого правила составляютъ только три первые мѣсяца по нашему счету, а именно Январь называется у Чувашъ *мунъ-кырлачъ* (отъ *мунъ*, большой и татарскаго слова *ккырилакккъ*, все ниспровергать, низлагать, приводить въ оцѣпѣненіе, т. е., мѣсяцъ, приводящій природу въ сильное оцѣпѣненіе), Февраль — *кизинь-кырлачь* отъ *кизинь*, меньшій и того же татарскаго глагола, т. е., менѣе оцѣпеняющій, менѣе морозный) Мартъ — *корусъ-оихъ* (отъ древне-персидскаго слова *каурусъ*, новый годъ, который, какъ извѣстно, начинался у Персовъ съ нашего 9-го Марта). Но именованія слѣдующихъ затѣмъ мѣсяцовъ заключаютъ въ себѣ, такъ сказать, программу періодическихъ занятій Чувашъ. Апрѣль называется у нихъ *пожа-оихъ* (отъ *пожа*, незанятый, свободный, мѣсяцъ неземледѣльческій, свободный отъ земледѣльческихъ работъ), Май — *ана-оихъ* (отъ *анасъ*, сѣять, мѣсяцъ сѣянія яроваго хлѣба), Іюнь — *сю-оихъ* (отъ *сю*, лѣто, лѣтній мѣсяцъ), Іюль — *хирь-оихъ* (отъ *хирь*, дѣвица, мѣсяцъ дѣвичій, мѣсяцъ свадебъ, которыя и дѣйствительно у Чувашъ бываютъ большею частію въ Іюлѣ) или также *уда-оихъ* (отъ *уда*, сѣно, мѣсяцъ сѣнокоса), Августъ — *сіорла-оихъ* (отъ *сіорла*, серпъ, мѣсяцъ жатвъ) Сентябрь — *ьидинь-оихъ* (отъ *ьидинь*, ленъ, мѣсяцъ, въ который собира-

Далеко не такъ дѣятельны Русскіе и Татары въ уборкѣ хлѣба. У нихъ обыкновенно по три, по четыре года и даже болѣе хлѣбъ лежитъ на гумнахъ немолоченный, въ копнахъ, отъ чего, разумѣется, и сырость много портитъ его, и мышь не мало истребляетъ. Не думайте впрочемъ, что я хвалю Чувашъ и ихъ земледѣльческія достоинства, основываясь на какихъ-либо частныхъ случаяхъ, или на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ мною только въ нѣкоторыхъ чувашскихъ и русскихъ деревняхъ, или въ предѣлахъ одного какого-либо уѣзда. Нѣтъ, лѣность и мѣдленность русскихъ крестьянъ и Татаръ въ уборкѣ хлѣба и рьяная въ этомъ отношеніи дѣятельность Чувашъ составляютъ ихъ общія относительныя, характеристическія свойства. Эти свойства могутъ послужить Вамъ признакомъ, по которому Вы легко отличите чувашское жилье отъ русскаго и татарскаго. Я не шучу. Еще въѣзжая въ село или деревню, Вы и въ казанской, и въ симбирской, и оренбургской губерніяхъ заранѣе можете опредѣлить, кто въ этомъ или въ этой деревнѣ, Русскіе-ли, Татары-ли, или Чуваши: Вамъ стоитъ только взглянуть на гумна. Если Вы въ исходѣ Ноября или Декабря не замѣтите на гумнахъ ни одной хлѣбной копны, а только увидите воткнутый на верхушкѣ каждаго овиннаго шиша необмолоченный снопъ;*) то смѣло заключайте отсюда, что это селеніе

ютъ ленъ), Октябрь — *авынъ-оихъ* (овинный мѣсяцъ или мѣсяцъ молотьбы) Ноябрь — *гоба-оихъ* (отъ *іоба*, поминки, мѣмѣсяцъ поминовенія усопшихъ), Декабрь — *чукъ-оихъ* (мѣсяцъ жертво-приношеній, чукленья). — Годъ чувашскій начинается съ 15 Ноября, такъ, что послѣдняя половина Ноября и первая Декабря—*чукъ-оихъ* и т. д., Такимъ образомъ *кюрь-сыры* или праздникъ *Тора тыражинъ чуклесъ* совпадаетъ у Чувашъ съ празднованіемъ *ихъ* новаго года.

*) Съ незапамятныхъ временъ у Чувашъ ведется обычай, окончивъ молотьбу, оставлять на шишахъ по одному необмолоченному снопу. Это жертва птицамъ небеснымъ и вмѣстѣ знакъ, что хозяинъ гумна кончилъ свои тяжкія работы и

чувашское, а не татарское, и не русское. Если же на однихъ гумнахъ замѣтите копны немолоченнаго хлѣба, а на другихъ одну солому и неизбѣжный снопъ на верхушкѣ шиша; то примите это за несомнѣнный знакъ, что тутъ вмѣстѣ съ Чувашами живутъ либо Русскіе, либо Татары....

Само собою разумѣется, что спѣшная уборка хлѣба требуетъ со стороны Чувашъ напряженныхъ усилій, труда неутомимаго. И дѣйствительно весьма часто случается, что Чуваши, пользуясь хорошею погодою, по-двое и даже по-трое сутокъ сряду проводятъ въ работѣ на гумнѣ, почти не смыкая глазъ и едва успѣвая перекусить кое-что въ немногія минуты выдающагося имъ досуга; за то по общему ходу дѣлъ человѣческихъ чѣмъ больше маяты и труда, тѣмъ больше радости по его счастливомъ и успѣшномъ окончаніи. И Чувашенинъ естественно предается шумному веселью, окончивъ свои земледѣльческія работы и наполнивъ сусѣки своихъ амбаровъ разнаго рода житомъ. Это веселье онъ обнаруживаетъ разгуломъ и попойками на праздникѣ *чукленья* хлѣба.

Каждый »Василій Иванычь« счелъ бы себя величайшимъ грѣшникомъ, если бы сталъ употреблять новый хлѣбъ и новое пиво, не совершивъ предварительно *чукленья* или моленія о хлѣбѣ. Это моленіе Чуваши производятъ не всѣ вдругъ, но по-очередно и по предварительному взаимному соглашенію*). Къ заранѣе назна-

---

что добрый гость не будетъ ему въ тягость, а напротивъ доставитъ ему случай и удовольствіе выпить съ дорогимъ »досомъ« или любезнымъ знакомцемъ лишній ковшъ пива, съ обычнымъ доброжелательнымъ восклицаніемъ: *таву сана* (здоровье твое!) —

*) Въ *Запискахъ о Чувашахъ* (стр. 71) говорится, что въ хлѣбородные годы Чуваши начинаютъ хлѣбъ молить въ деревнѣ

ченному дню опредѣленное семейство изъ новаго солода и хмѣля въ большомъ количествѣ варитъ пиво, покупаетъ вино, — печетъ изъ новой муки хлѣбъ, изъ новой крупы варитъ кашу, заготовляетъ прочіе съѣстные припасы преимущественно изъ того, что родилось въ этотъ именно годъ, созываетъ изъ своей и другихъ деревень родныхъ, досовъ и пріятелей. Всѣ приготовленныя яства ставятся на большой столъ, посреди котораго горделиво красуется весьма почтенной величины кадка съ пивомъ, называемая *пызыкъ ляныхсъ*. Какъ скоро соберутся всѣ родные и всѣ приглашенные знакомые, то старшій въ семействѣ беретъ со стола каравай хлѣба и, держа его въ правой рукѣ, а въ лѣвой подъ мышкою — шапку, обращается къ нарочно растворяемой на этотъ случай

всѣ въ одинъ день. — Это не правда. Кто не пригласитъ къ себѣ на чукленье своихъ досовъ и пріятелей тотъ и самъ не будетъ приглашенъ. А у Чувашъ безъ досовъ и пріятелей и праздникъ не въ праздникъ: хлѣбъ въ кадыкѣ остановится, пиво и вино не войдетъ въ горло. — Да и сама наша почтенная писательница немножко противорѣчитъ себѣ. На тойже страницѣ она говоритъ, что для моленья хлѣба, *вся родня собирается въ избу къ старшему въ семействѣ*. А вѣдь весьма часто случается, что въ цѣлой деревнѣ нѣтъ ни одного чужого человѣка: всѣ родня между собою. По моему мнѣнію такую непослѣдовательность въ повѣствованіи можно объяснить только предположеніемъ, что А. А. Фуксъ описывала чувашское чукленье со словъ своего толмача *почтеннаго*, какъ она говоритъ, іомси Андрея Васильича, который между тѣмъ былъ большой мастеръ, по знаменательному выраженію Чувашъ, *соя-союсъ* (лгать съ цѣлію обмануть, надуть). Еслибы онъ не былъ обманщикъ, то не захотѣлъ бы нашу писательницу и ея читателей привести къ нелѣпому заключенію, будто цѣлая деревня, въ которой всѣ родня между собою, можетъ ограничиваться чукленьемъ въ одномъ домѣ. Хорошъ былъ бы праздникъ, да не чувашскій!...При томъ, сама же А. А. Фуксъ говоритъ, что *во всякомъ домѣ наростятъ изъ новаго хлѣба солоду, наварятъ пива* — для чукленья (ст. 71). — Какъ же тутъ можно *всѣмъ* въ деревнѣ *молить* въ *одинъ день*??

двери и открытому волоковому окну. Его примѣру слѣдуютъ и всѣ присутствующіе. Глава семейства читаетъ благодарственную за урожай хлѣба молитву Господу Богу и проситъ, чтобы Господь и на будущій годъ благословилъ труды ихъ обиліемъ, чтобы умножилъ ихъ скотъ, чтобы ниспосылалъ имъ во время и въ мѣру дождь и свѣтъ и чтобы даровалъ бѣдному своему народу миръ и тишину. Потомъ трижды осѣнивъ избу хлѣбомъ, глава семейства разрѣзываетъ его на кусочки, которые и предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ. Каждый обязанъ взять кусочекъ, одну половину его съѣсть, а другую бросить на печь. Та же исторія повторяется съ иггечами (сырцами), а затѣмъ съ кашею, съ тѣмъ только преимуществомъ въ пользу каши, что каждый съѣдаетъ цѣлую ложку ея, а на печь не бросаетъ. Въ заключеніе всѣ по примѣру старшаго въ семействѣ черпаютъ изъ лянгтыса пиво и съ ковшами въ рукахъ опять обращаются на востокъ съ тѣми же благодареніями и молитвами къ Господу Богу, къ Божіей Матери и къ ангеламъ-хранителямъ, произнося въ началѣ и въ концѣ каждой молитвы: *пиринъ сильызане кайзяръ*, *Тора*, *анбрагъ*, *сирлахъ*, т. е., остави намъ, Господи, грѣхи наши, спаси и помилуй! Потомъ каждый, отливъ немного пива въ лянггысъ изъ ковша, надъ которымъ совершалъ молитвословіе, выпиваетъ остальное. За этою трезвою и цѣломудренною частію празднества начинается уже шумная попойка, является соблазнитель-пузырьщикъ и съ нимъ пѣсни, пляски, — и пиръ идетъ горой.

Вотъ какъ въ настоящее время Чуваши чуклеютъ или молятъ хлѣбъ! Подобнымъ же образомъ празднуютъ они благополучное окончаніе всякаго вообще важнаго дѣла: только, разумѣется, содержаніе молитвъ и благодареній бываетъ тогда иное, принаровленное къ поводу празднества. Не спорю, что въ церемоніяхъ чукленья проглядываютъ еще слѣды языческаго вѣрованія Чувашъ,

Сюда относится, на пр., составляющее, какъ по всему видно, необходимую принадлежность чукленья обращеніе молящихся на востокъ къ дверямъ, а не къ иконѣ, которую впрочемъ въ темной, очень слабо освѣщенной, чувашской избѣ и разсмотрѣть довольно трудно. Но за то въ самыхъ молитвахъ и воззваніяхъ, употребляющихся при чукленьѣ, незамѣтно слѣдовъ паганизма. Если угодно, то я, пожалуй, приведу Вамъ, любезнѣйшій Ал. Ив., и примѣръ для объясненія слова — чуклесъ. У русскихъ простолюдиновъ казанской и симбирской губерніи Вы можете услышать слѣдующія, состряпанныя по чувашскому синтаксису, фразы: *я уже молилъ малину*; *я еще не молилъ орѣховъ*, *яблоковъ*, *арбузовъ* и проч.. Что же у русскихъ простолюдиновъ значитъ молить малину, орѣхи, яблоки, арбузы и проч? Ни больше, ни меньше, какъ разговѣться этими плодами, въ первый разъ въ году отвѣдать ихъ, разумѣется, предварительно перекрестясь и сотворивъ обычную молитву: *Господи благослови!* Равнымъ образомъ и чувашское: *Тора тыражинъ чуклесъ* значитъ: помолясь Богу, въ первый разъ отвѣдать новаго хлѣба и въ добавокъ погулять съ радости о счастливомъ окончаніи тяжкихъ трудовъ.

Но въ старину иначе совершалось чукленье. Въ молодости мнѣ случалось нѣсколько разъ видѣть эту церемонію въ ея вѣроятно старинномъ видѣ, съ странною однакожъ примѣсью молитвъ, обращенныхъ къ христіанскому Богу и къ христіанскимъ святымъ. Оргіи входили тогда въ самый составъ обряда; благодареніе воздавалось множеству языческихъ божествъ. Іомси были совершителями молитвословія*). Поставивъ Чувашъ строемъ передъ раство-

*) По старинному обычаю іомси приглашаются и нынѣ на всѣ праздники, но только за урядъ и изъ опасенія, чтобы они не накликали какой-либо бѣды. Нынѣ они далеко не такъ сильны, какъ были прежде. Нѣкогда они были и народными

ренною дверью, іомся съ вышеписанными мною обрядами читалъ молитвы надъ хлѣбомъ и вообше надъ снѣдями *Сюльди Торъ* (Верховному Богу). Но какъ скоро доходило дѣло до молитвъ надъ пивомъ, то боговъ являлось множество. *Іомся* провозглашалъ благодарныя молитвы богу верховному, матери боговъ, богу-творцу міра, богу-творцу душъ, богу солнца, богинѣ солнца, богу мѣсяца, богу, открывающемуся въ видѣніяхъ пророческихъ, богу-раздавателю счастливыхъ жребіевъ, богинѣ-раздавательницѣ счастливыхъ жребіевъ, богу грома и молніи, богу изобилія, богинѣ земли, богу благодѣяній, богу вѣтра, богинѣ вѣтра, богу водяному, лѣсному, домовому, богу домашняго скота, богу дорогъ и проч... Потомъ іомся обращался съ молитвами къ разнымъ кереметямъ, какъ-то: большой, средней, малой, серебряной, злой и проч., и проч.. По возглашеніи молитвы *каждому* богу и *каждой* кереметі, іомся и всѣ присутствующіе кланялись, приговаривая: *сирлагъ*, *анбрагъ* (помилуй и не оставь или спаси), а потомъ съ

врачами, употреблявшими для леченія болѣзней разныя симпатическія, антипатическія, ѳеургическія и другія средства, и жрецами, совершавшими общественное и частное богослуженіе, и совѣтниками народа, и вождями его. Бѣда ли бывало постигнетъ Чувашенина, или недуманно, негаданно привалитъ къ нему счастье, либо удача въ сомнительномъ дѣлѣ,— онъ сейчасъ съ подаркомъ къ іомсѣ, а тотъ назначаетъ ему, какое именно, животное и гдѣ, дома ли, или въ кереметі и какой именно, онъ долженъ принести богамъ умилостивительную, или благодарственную жертву. И нынѣ Чувашенинъ обращается къ іомсѣ за совѣтомъ въ случаѣ болѣзни, неурожая хлѣба, падежа скота и т. п., Но іомси, изъ опасенія видѣть неисполненными свои приказанія, уже не смѣютъ и заикнуться о жертвоприношеніяхъ. Теперь они обыкновенно совѣтуютъ ищущимъ ихъ помощи *либо* сходить въ село *Ишаки*, для поклоненія тамошней чудотворной иконѣ Святителя Николая, либо поставить Спасителю извѣстнаго достоинства свѣчу въ приходской церкви.

восклицаніемъ: *смелле**), пили по ковшу пива. Что люди пьютъ и пьютъ во имя Аллаха безъ счету, — это конечно еще не рѣдкость. Но вотъ что рѣдкость и что составляетъ замѣчательный примѣръ самообольщенія. Чуваши пили въ твердой, непоколебимой увѣренности, что это пьютъ не они, но сами боги и кереметы. Еще не дѣлая поклона богу, богинѣ или кереметы, они поднимали свои ковши съ пивомъ, какъ будто подчуя кого-либо, и говорили шопотомъ: *она корна барасъ* (ему, или ей, т. е., богу, или богинѣ, надо дать ковшъ пива)! Если бы Вы стали увѣрять Чувашенина, что боги не принимаютъ и не могутъ принимать участія въ его чукленьѣ, что не боги, но онъ самъ пьетъ уготованное для нихъ пиво; то онъ насмѣялся бы надъ Вами, какъ надъ человѣкомъ глупенькимъ, еще не способнымъ понимать дѣла. Примѣры такого страннаго самообольщенія, безъ сомнѣнія имѣющаго основаніе въ тайныхъ, либо затерянныхъ вѣрованіяхъ народа, мы будемъ имѣть случай разсказать еще разъ, когда станемъ говорить о чувашскомъ поминовеніи усопшихъ...Извините за отступленіе, которое впрочемъ если не теперь, то послѣ придетъ къ дѣлу. Продолжаю мой разсказъ. — Перебравши всѣхъ боговъ, богинь и всѣ кереметы и выпивъ за каждаго и за каждую по ковшу пива, молящіеся Чуваши, въ заключеніе обращались къ иконѣ, прилѣпивши къ ней восковую свѣчу; всѣ присутствующіе, сотворивъ крестное знаменіе, кланялись иконѣ, и іомся провозглашалъ: *вырысъ Тора! сирлагъ, анбрагъ* (русскій Богъ! спаси и помилуй), *Тора Амыжъ! сирлагъ, анбрагъ* (Божія Матерь! спаси и помилуй). *Пилюхси Тора! сирлагъ, анбрагъ* (Божій Ангелъ! спаси и помилуй), *Тора Никола! сирлагъ, анбрагъ* (Богъ Николай! спаси и помилуй). И за каждымъ возгласомъ слѣдовало новое пивопитіе. Къ концу

---

*) *Смелле* — сокращенное или пожалуй испорченое арабское: *бисмиллахъ* (воимя Аллаха)!

церемоніи многіе изъ Чувашъ уже едва держались на ногахъ. Повторяю, это были гнусныя оргіи, въ которыхъ религіозныя дѣйствія и обряды смѣшивались съ отвратительнымъ пьянствомъ. Если въ нынѣшнемъ чукленьѣ и проблескиваютъ еще слѣды прежней религіи Чувашъ; то по крайней мѣрѣ самый обрядъ молитвословія строго отдѣленъ отъ всего похожаго на вакханаліи. Немаловажно также и то, что въ немъ нѣтъ теперь прежняго смѣшенія языческихъ божеттвъ съ христіанскимъ Богомъ, съ христіанскими святыми и что Святитель Николай не называется уже Богомъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать, что я описалъ старинный обрядъ чукленья, исключительно руководясь моими воспоминаніями, можетъ быть, не во всѣхъ частяхъ вѣрными. Въ нынѣшнюю мою поѣздку въ Чувашландію, сколько я ни старался повѣрить ихъ съ живою дѣйствительностію, — все было напрасно: Чуваши и теперь чуклеютъ, да не постаринному! Какъ не позавидовать прежнимъ путешественникамъ!....

V.

Что значатъ по миѳологіи Чувашъ всѣ эти многочисленныя божества, которымъ возносились моленія во время чукленья? Въ какомъ отношеніи находились онѣ другъ къ другу и къ людямъ? Коротко, въ чемъ главнымъ образомъ заключалось древнее вѣроученіе Чувашъ? — спрашиваете меня Вы, любезный другъ!

Отвѣчать на эти вопросы не такъ легко, какъ представляется съ перваго взгляда. У Чувашъ не было ни религіознаго законодателя, ни храмовъ, ни идоловъ, съ которыми бы они неразрывно соединяли и отъ одного поколѣнія въ другому передали опредѣленныя религіозныя понятія; у нихъ не было и нѣтъ ни письменности, ни памятниковъ древности. Народъ этотъ долгое время былъ вовсе неизвѣстенъ и восточнымъ, и западнымъ историкамъ и географамъ; только въ половинѣ XVI столѣтія онъ вдругъ явился въ исторіи. По крайней мѣрѣ извѣстно, что имя *Чуваш* въ первый разъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ только въ 1551 году *). До этого времени ни греческіе, ни западно-европейскіе,

*) Описавъ основаніе Свіяжска (въ 1561 году), лѣтописецъ присовокупляетъ, что »*Чувашу* и Черемису и Мордву, и Можаровъ, и Тарахановъ привели къ правдѣ.« Карамзинъ, Ист. Гос. Рос. т. VIII примѣч. 232. — Карамзинъ упоминаетъ о Чувашахъ еще подъ 1524 годомъ (т. VII. стр. 128); но не сказываетъ, на какомъ основаніи онъ рядомъ съ Череми-

ни русскіе, ни арабскіе писатели, изъ которыхъ особенно послѣдніе были издавна очень хорошо знакомы съ здѣшнимъ краемъ, не говорятъ объ этомъ народѣ ни слова. Да и русскіе бытописатели съ 1551 года вносятъ иногда въ свои сказанія Чувашъ, ужъ конечно не для того, чтобы вдаваться въ расказы о »поганой и злочестивой вѣрѣ« этого народа. Откудаже заимствовать свѣдѣнія о ней?

Изъ преданій самаго народа? Да, за совершеннымъ отсутствіемъ у него письменныхъ памятниковъ, преданія народныя должны бы быть важнѣйшимъ и первостепеннымъ источникомъ для составителя древней чувашской миѳологіи. Но на дѣлѣ оказывается этотъ источникъ и мутнымъ, и скуднымъ, и вообще неудовлетворительнымъ. Уже сто лѣтъ прошло, какъ Чуваши обращены въ христіанство. Въ это время, подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ новой религіи во многомъ должны были измѣниться и языческія ихъ религіозныя понятія; многія повѣрья должны были или остаться вовсе забытыми, или принять новую форму. Правда, что до двадцатыхъ и даже тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія Чуваши были плохіе христіане, но вмѣстѣ съ тѣмъ они были плохіе ревнители и древней религіи: обыкновенная участь тѣхъ народовъ, которые принимаютъ новую какую-либо вѣру не по убѣжденію, а изъ корыстныхъ видовъ*), и у которыхъ индиффе-

сами, клявшимся въ вѣрности Сафа-Гирею, ставитъ имя и Чувашъ. Вѣроятно онъ употребляетъ его здѣсь per anticipationem. Впрочемъ о теперешнемъ названіи Чувашъ и объ народныхъ именахъ, подъ которыми они могли скрываться въ нашихъ лѣтописяхъ и у восточныхъ писателей, я буду говорить особо.

*) Мѣры, употребленныя для обращенія ихъ были слѣдующія: сначала указомъ 1743 года всѣ принявшіе и имѣющіе принять крещеніе освобождены отъ мурзъ, господъ своихъ;

рецтизмъ или совершенное равнодушіе и къ прежнему, и къ новому вѣроученію питается и поддерживается грубостію, невѣжествомъ всецѣлымъ погруженіемъ массы народа въ бытъ матеріальный, въ жизнь для удовлетворенія однимъ животнымъ потребностямъ. Долгое время Чувашенинъ не сознавалъ противоположности между обѣими своими вѣрами; внѣшніе обрды той и другой онъ безразлично исполнялъ потому единственно, что считалъ это средствомъ къ достиженію корыстныхъ, матеріальныхъ цѣлей, каковы, на пр., предовращеніе отъ себя извѣстныхъ болѣзней, испрошеніе у неба плодородія, богатства и проч.. Молясь въ случаѣ нужды богамъ языческимъ, онъ молился и Богу христіанскому. Отправляя вмѣстѣ съ Русскими христіанскія праздества, не питая ни особенной любви къ древнимъ, ни особеннаго отвращенія къ новымъ вѣрованіямъ, Чувашенинъ, такъ сказать, механически перенималъ отъ Русскихъ нѣкоторыя ихъ религіозныя понятія, привыкалъ обращаться съ молитвами къ христіанскимъ святымъ, особенно и достойно чествуемымъ нами, и постепенно забывалъ, или по крайней мѣрѣ исключалъ изъ своего молитвословія многія даже весьма значительныя въ древней миѳологіи божества. Такъ еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія выброшены были изъ употребляемыхъ при жертвоприношеніяхъ молитвъ имена даже принадлежавшихъ къ высшему разряду (къ числу небесныхъ) божествъ, каковы на примѣръ: *алыкъ азяпанъ* или *озянъ* (стражъ жилища

всѣмъ таковымъ же, живущимъ по крѣпостямъ у заимодавцевъ, въ уплату по заемному письму, сочтена служба заимодавцу съ оцѣнкою каждаго года въ 5. руб. Потомъ предоставлена была крестившимся свобода отъ податей, которыя и за принявшихъ христіанство собирались съ некрещеныхъ. Наконецъ положено было желающимъ принять крещеніе выдавать единовременную денежную награду. Разумѣется, что при этомъ случаѣ Чуваши крестились въ разныхъ мѣстахъ раза по два и по три. (См. Дневныя Записки путешествія Ив. Лепахина. ч. 1 стр. 168).

боговъ и блаженныхъ духовъ, до слова: отворяющій двери),*) *хурбанъ* (богъ жертвъ. т. е., богъ который переносилъ на небо молитвы, возносившіяся людьми при благодарственныхъ и умилительныхъ жертвоприношеніяхъ и которому въ старину приносилась жертва *прежде* всѣхъ другихъ боговъ) и нѣкоторыя другія.**) Вообще число языческихъ божествъ, къ которымъ Чувашенинъ обращался съ молитвами, уменьшалось по мѣрѣ того, какъ онъ узнавалъ новые предметы поклоненія въ лицѣ того или другаго христіанскаго святого мужа. Конечно и этимъ сдѣланъ былъ уже важный шагъ къ измѣненію его древняго вѣроученія. Но еще болѣе должны были измѣниться старинныя вѣрованія его, когда стеченіе разныхъ обстоятельствъ, а особенно послѣдовавшее въ началѣ текущаго столѣтія строгое воспрещеніе языческихъ жертвоприношеній и обрядовъ, вывели его изъ безразличнаго положенія въ отношеніи къ обѣимъ религіямъ. Отъ ознакомленія съ христіанскими вѣрованіями у Чувашъ (хотя и не всѣ они приняли крещеніе) многія языческія божества получили совершенно другое значеніе, нежели какое онѣ имѣли прежде: съ именами ихъ стали соединять почти такія же понятія, какія мы соединяемъ съ именами ангеловъ и нѣкоторыхъ угодниковъ божіихъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: *пюлюхси* (древній богъ-раздаватель счастливыхъ жребіевъ или внѣшнихъ благъ) въ вѣроученіи Чувашъ, еще приверженныхъ къ языческимъ заблужденіямъ и тайно враждовавшихъ

*) Нынѣ титулъ этотъ многіе изъ Чувашъ приписываютъ апостоламъ Петру и Павлу, какъ хранителямъ ключей царствія небеснаго.

**) Въ статьѣ о *Чувашахъ*, писанной во второй половинѣ прошлаго вѣка и помѣщенной въ Сѣверномъ Архивѣ за 1827 годъ (час. 27), о божествахъ этихъ нѣтъ и помину. Память объ нихъ сохранилась въ темномъ преданіи некрещеныхъ Чувашъ, которые впрочемъ ни жертвъ имъ не приносятъ, ни именъ ихъ не призываютъ въ своихъ молитвахъ.

противъ новой религіи, незамѣтно сдѣлался *почти* тѣмъ же, чѣмъ у христіанъ - Архангелъ; *пигамбаръ* *) (богъ, сообщающій видѣнія пророческія и вообще раздающій душевныя дарованія) превратился у однихъ во что-то похожее на Георгія Побѣдоносца, а у другихъ — на Илію пророка; понятіе о *сюльди - торъ - амышъ* (верховной богинѣ, матери боговъ) перенесено на Пресвятую Дѣву; понятіе о *торъ - ира* (богѣ благодѣяній) — на ангела-хранителя и т. д. — Что же отсюда слѣдуетъ? То, что не только теперь между Чувашами Вы не найдете ни одного знатока ихъ *древней* религіи, но не нашли бы и двадцать, даже тридцать лѣтъ тому назадъ. И такъ еслибы мы на основаніи *преданія*, или по *теперешнимъ* понятіямъ тѣхъ крещеныхъ Чувашъ, которые въ душѣ еще расположены къ древнему паганизму, составили себѣ понятіе о ихъ миѳологіи; то безъ всякаго сомнѣнія это была бы только слабая тѣнь *древней* ихъ миѳологіи: она не имѣла бы ни смысла, ни значенія стариннаго вѣроученія Чувашъ.

Но не сохранились ли, — спросите Вы, древнія преданія и вѣрованія у Чувашъ некрещеныхъ? — Не могу отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Я имѣлъ случай толковать о религіи съ нѣкоторыми изъ нихъ; но кромѣ давно извѣстныхъ вѣрованій и темныхъ преданій о трехъ божествахъ, которыхъ имена были мнѣ

---

*) И *пюлюхси* и *пигамбаръ* въ самой древней миѳологіи Чувашъ, еще до сближенія ихъ съ христіанскими понятіями, имѣли вовсе не то значеніе, какое получили въ послѣдствіи. Что первоначально *пюлюхси* былъ богъ податель внѣшнихъ, а *пигамбаръ* — внутреннихъ, душевныхъ благъ, — это подтверждается отчасти этимологическимъ производствомъ и первоначальнымъ значеніемъ ихъ названій, о которомъ я буду говорить въ своемъ мѣстѣ, а отчасти свидѣтельствомъ лицъ, жившихъ во времена близкія къ эпохѣ обращенія Чувашъ въ христіанство.

неизвѣстны и о которыхъ буду говорить въ своемъ мѣстѣ, — я не могъ узнать отъ нихъ ничего особеннаго. Ритуальныя какія-либо особенности, можетъ быть, у нихъ сохранились отъ древнихъ временъ, но догматическія вѣрованія — едва-ли. Въ этомъ я убѣжденъ между прочимъ и свидѣтельствомъ достовѣрныхъ людей, имѣющихъ частныя сношенія съ Чувашами, еще непросвѣщенными или только недавно просвѣщенными христіанствомъ. Число некрещенныхъ Чувашъ съ половины прошлаго вѣка было вовсе незначительно въ сравненіи съ цѣлою массою народа.*) Естественно, что они жили и живутъ одною жизнію съ этою массою и что ихъ религіозныя понятія подвергались тѣмъ же измѣненіямъ, какія испытали на себѣ вѣрованія ихъ крещеныхъ единоплеменниковъ. Притомъ не надобно опускать изъ виду и того, что язычествующіе Чуваши ни чуть не отличаются особенною привязанностію къ своей вѣрѣ, отъ которой не отрѣкаются только потому, что одному запрещаетъ это отецъ, другому — старуха-мать, третьему — опасеніе быть изгнаннымъ изъ родины, отдѣленнымъ отъ родственниковъ и тому подобныя, чисто внѣшнія, а отнюдь не внутреннія побужденія. Одинъ изъ чувашскихъ священниковъ симбирской епархіи, имѣющій въ своемъ приходѣ и новокрещеныхъ и старокрещеныхъ Чувашъ и хорошо знакомый

---

*) И до 1830 года въ казанской епархіи (т. е. въ губерніяхъ казанской и симбирской) число некрещеныхъ Чувашъ не восходило выше 4,250 человѣкъ. Но въ этомъ году знаменитый іерархъ нашъ, преосвященный Филаретъ, архіепископъ казанскій и симбирскій (нынѣ митрополитъ кіевскій) обратилъ въ христіанство и крестилъ 2,268 человѣкъ. Примѣръ благочестиваго пастыреначальника нашелъ подраженіе и въ подчиненныхъ ему служителяхъ алтаря, съ успѣхомъ продолжавшихъ и продолжающихъ начатое имъ дѣло. Теперь изъ 300,000 чел. Чувашъ живущихъ въ Казанской губерніи, (по 8-й ревизіи) едвали осталось некрещеныхъ до 2,000 человѣкъ.

съ ихъ язычествующими единоплеменниками, пишетъ ко мнѣ, что крещеные Чуваши по его замѣчанію ни теплы, ни холодны къ своей языческой вѣрѣ, новокрещеные оказываютъ къ ней глубокое, искреннее отвращеніе, но между старокрещенными есть еще, хоть не много, тайные ея приверженцы... Можетъ быть, отзывъ моего ученаго корреспондента о старокрещеныхъ Чувашахъ не совсѣмъ безпристрастенъ; но то, что онъ говорилъ о новокрещеныхъ, подтвердили мнѣ и нѣкоторые другіе чувашскіе священники, съ которыми я или лично бесѣдовалъ, или входилъ въ письменныя сношенія объ этомъ предметѣ. Конечно у необращенныхъ въ христіанство Чувашъ понятія Богѣ не такъ чисты, какъ у тѣхъ, которые совершенно оставили языческія заблужденія; но ни какъ нельзя сказать, чтобы они были ближе къ древнему вѣроученію, чѣмъ понятія, господствовавшія у крещеныхъ Чувашъ въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія. Другими словами: понятія эти ни языческія, ни христіанскія, но походятъ на тѣ и другія, приближаются къ нимъ, потому-что составлены изъ смѣси языческихъ и христіанскихъ элементовъ. А строго отдѣлить эти элементы одинъ отъ другого, показать, что принадлежитъ въ нихъ *древнѣйшему* вѣроученію и что принесено въ нихъ вновь вліяніемъ христіанства,—дѣло мудреное и даже не возможное, если не сыщемъ надежнаго руководителя. Выходитъ, что и преданія некрещеныхъ Чувашъ составляютъ очень скудный источникъ для того, кто хотѣлъ бы пріобрѣсть себѣ понятіе объ ихъ старинной вѣрѣ. Гдѣ же искать вѣрныхъ и несомнѣнныхъ источниковъ?....

Въ авторахъ, — подсказываете Вы, любезный другъ, — въ авторахъ, писавшихъ о Чувашахъ! — Послѣдуемъ вашему совѣту: посмотримъ, — я хотѣлъ сказать, — послушаемъ, *что* скажутъ они намъ о древней религіи Чувашъ, а мимоходомъ выскажемъ наше мнѣніе о достоинствѣ и другихъ сообщаемыхъ ими свѣ-

дѣніяхъ объ этомъ народѣ . . . . Но не пугайтесь, любезнѣйшій Ал. Ив., я буду такъ безпримѣрно добръ, такъ обязательно учтивъ, что не позволю себѣ вдаваться въ подробный пересмотръ стараго хлама, т. е. писаній давно минувшихъ дней: время мнѣ подумать наконецъ de captatione benevolentiae, о снисканіи благосклонности читатетелей . . . .

VI.

....Самыхъ интересныхъ свѣдѣній о Чувашахъ вообще и объ ихъ древней религіи въ особености слѣдовало бы конечно ожидать отъ тѣхъ авторовъ, которые до 1743 года изучали и описывали этотъ народъ. Они легко могли узнать его первоначальныя вѣрованія, ознакомиться съ его демонологіею, подвергнуть наблюденію сохранившіеся отъ отдаленной древности его обычаи, обряды, нравы и передать намъ самое удовлетворительное ихъ описаніе. Я говорю: *могли* предать, но передали-ли — это другой вопросъ, на который едва-ли приведется намъ отвѣчать утвердительно.

Намъ извѣстны только два описанія Чувашъ, составленныя ранѣе 1743 года, т. е., до обращенія этого народа въ христіанство.

Первое изъ нихъ принадлежитъ *Страленбергу*, Шведу, который взятъ былъ Рускими въ плѣнъ, если не ошибаюсь, въ Полтавской битвѣ, и въ плѣну составилъ историческое описаніе сѣверной и восточной части Европы и Азіи. Здѣсь не мѣсто входить въ разсужденія о томъ, до какой степени былъ справедливъ *Шлецеръ* отподчивавшій этого Шведа несовсѣмъ ласковыми и даже немножко крѣпковатыми эпитетами.*) Страленбергъ могъ конечно надѣлать много ошибокъ въ русской исторіи и статистикѣ; но могъ говорить

*) См. Несторъ, Ч. I. Введ. Отдѣлен. V. стр. 144.

и правду въ этнографіи Россіи, могъ вѣрно описать тѣ народы, которые видѣлъ лично и къ числу которыхъ между прочими принадлежатъ и инородцы здѣшней губерніи. Потому мнѣ кажется, что вовсе неосновательно поступали тѣ писатели, которые безъ разбора осуждали наповалъ всѣ свѣдѣнія о Чувашахъ, сообщаемыя Страленбергомъ. Такъ автору *Записокъ о Чувашахъ*, не потрудившемуся даже разсказать, въ чемъ заключаются извѣстія Страленберга объ этомъ народѣ, угодно было назвать ихъ *содержащими въ себѣ одно пустословіе**), — сужденіе, кажется, ужъ слишкомъ поспѣшное, ничѣмъ недоказанное и притомъ очевидно повторенное съ голосу другихъ. Очень сожалѣю, что у меня нѣтъ теперь подъ руками нѣмецкаго подлинника Страленбергова; но, сколько могу судить по сокращенному французскому переводу его историческаго описанія Россійской Имперіи, — Страленбергъ *пустословитъ* на счетъ Чувашъ не болѣе прочихъ писателей XVIII и даже XIX вѣка**). Скажу болѣе: тѣ именно пункты его извѣстій, которые наиболѣе подвергались осужденію послѣдующихъ писателей, — оказываются совершенно справедливыми. Такъ, на пр., многіе, поувѣренію Лепехина***), находили ложнымъ его сказаніе о томъ, что Чуваши подобно послѣдователямъ Зароастра обожали солнце, луну и прочія свѣтила небесныя и вообще видѣли въ свѣтѣ высочайшее существо и покланялись ему, не имѣя у себя ни храмовъ, ни алтарей, ни кумировъ. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что эти сказанія Страленберга точно имѣютъ свое основаніе въ древнихъ вѣрованіяхъ Чувашъ и что онѣ для разъясненія первоначальной жизни этого народа гораздо важнѣе многихъ широковѣщательныхъ

---

*) Зап. о Чуваш. и Черем. стран. 123.

**) Description historique de l'Empire Russien. 1757. Tome I. p. 278, 280, tome II. p. 152.

***) Дневныя Записки путешествія Ив. Лепехина. Ч. I. стр. 166.

и многошумящихъ разсказовъ о немъ позднѣйшихъ писателей. Миллеръ заносчиво преслѣдуетъ Страленберга почти на каждомъ шагу и, думая обличать его ошибки, ошибается самъ. Сказаніе, напр., Страленберга о томъ, что язычествовшіе Чуваши имѣли нѣкоторыя понятія о Христѣ и что они не безъ сознанія отправляли вмѣстѣ съ Русскими важнѣйшія христіанскія празднества, какъ-то: Рождество Христово, Пасху, Благовѣщеніе, Пятидесятницу и Николины дни, — Миллеръ признаетъ совершенно неосновательнымъ и — ошибается, потому что страленбергово извѣстіе подтверждается и свидѣтельствомъ другихъ писателей, напр. Лепехина и Рычкова, и примѣромъ теперешнихъ некрещеныхъ Чувашъ. Въ такого рода ошибки Миллеръ попадаетъ очень часто. Вотъ еще подобный случай. Страленбергъ пишетъ, что Чуваши на деревьяхъ кереметя вмѣстѣ съ кожами вѣшаютъ и кости жертвенныхъ животныхъ. Миллеръ, напротивъ, утверждаетъ, что *всѣ* кости жертвенныхъ животныхъ, а, по показанію г-жи Фуксъ*), даже и шкуры ихъ, *всегда* и *непремѣнно* сожигались. Оказывается, что Страленбергъ правъ, а Миллеръ и г-жа Фуксъ — не совсѣмъ. Чуваши точно вѣшали на деревьяхъ кереметей кожи, снятыя съ *лошадей***), принесенныхъ въ жертву; при кожѣ оставались непремѣнно всѣ головныя *кости*, грива, хвостъ и *ноги* лошади. — Вообще полемика Миллера противъ Страленберга неудачна. Это однакоже не значитъ, чтобы мы находили удовлетворительными сказанія Стрален-

*) Записки о Чувашахъ стран. 22.

**) Кожи другихъ жертвенныхъ животныхъ, быковъ, коровъ, овецъ, Чуваши иногда оставляли на время въ кереметяхъ, а иногда тотчасъ же уносили съ собою домой и продавали на базарахъ, а на вырученныя деньги покупали ножи либо котлы для употребленія въ кереметя, соль, муку, медъ, и т. п. припасы, для будущихъ жертвоприношеній — Черемисы никогда не продавали жертвенныхъ кожъ; они хранили ихъ у себя, какъ святыню.

берга. Ничего не бывало: мы считаемъ ихъ очень скудными, неполными, недостаточными. Но совершенно ложными мы признаемъ у него какія-нибудь два или три извѣстія; на пр., сказаніе о томъ, будто Чуваши строятъ свои домы дверями на полдень, или о томъ, будто у нихъ когда-то существовала самобытная письменность, на истребленіе которой, по словамъ Страленберга, указываетъ народная поговорка: *книги корова съѣла* (книгге-зане и-не сійза питерны). Не забудьте притомъ, что у другихъ писателей о Чувашахъ ошибки считаются не единицами, какъ у Страленберга, а десятками.

Другой авторъ, описывавшій Чувашъ до обращенія ихъ въ христіанство, есть извѣстный исторіографъ нашъ Г. Фр. *Миллеръ*. Возвращаясь въ 1743 году изъ ученаго путешествія по Сибири, онъ на нѣсколько времени остановился въ Казани, собралъ нѣсколько свѣдѣній объ инородцахъ здѣшней губерніи и составилъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то: Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ*, напечатанное сначала на Русскомъ языкѣ въ его журналѣ: Ежемѣсячныя Сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія (1756 года, за мѣсяцы іюль и августъ), потомъ на Нѣмецкомъ языкѣ (въ Sammlung Russischer Geschichte 1758. Th. III.), и наконецъ въ 1791 году особою книжкою со многими поправками противъ прежняго изданія. Въ этой книгѣ, говоря строго, мы не многое должны признать принадлежащимъ Миллеру: онъ безъ разбору вносилъ въ нее все, что слышалъ отъ толмачей, данныхъ ему изъ здѣшней губернской канцеляріи. Результатовъ, личныхъ наблюденій автора здѣсь почти вовсе невидно. Покрайней мѣрѣ свѣдѣнія о Чувашахъ онъ заимствовалъ исключительно изъ разсказовъ толмачей: онъ самъ признается, что ни въ одной чувашской деревнѣ не былъ. И нестранно ли, что собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія естественно не полныя и во многихъ отношеніяхъ невѣрныя, у насъ долгое время пользовались вовсе незаслуженною честію не-

оспоримаго авторитета, и что позднѣйшіе писатели очень часто цѣликомъ повторяли слова Миллера, хотя для того, чтобъ видѣть ихъ несправедливость, нужны были не особенная проницательность, не особенное остроуміе, не особенная наблюдательность, а просто здоровыя чувства зрѣнія и слуха — и только?... Вся брошюра Миллера раздѣляется на *восемь* главъ. *Первая* изъ нихъ подъ заглавіемъ: *О жительствѣ Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ*, представляетъ географическій очеркъ мѣстности, занимаемой этими народами, — очеркъ весьма неудовлетворительный. Такъ, на пр., авторъ говоритъ, что *жилища этихъ народовъ простираются до 200 верстъ выше и ниже города Казани.* — Очевидно ему неизвѣстно было, что Чуваши живутъ не только въ нынѣшнихъ губерніяхъ нижегородской, казанской, оренбурской, симбирской, но и въ губерніяхъ саратовскй и пензенской. Кажется, что Чувашъ, живущихъ ниже Симбирска въ нынѣшнихъ губерніяхъ симбирской, саратовской и пензенской, онъ считалъ Мордвою. *Во второй* главѣ говорится *о тѣлесныхъ и душевныхъ дарованіяхъ* Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ. Душевныя или нравственныя свойства ихъ авторъ цѣнитъ чохомъ, гуртомъ: всѣ упомянутые народы, по его словамъ, одинаково тупоумны, крайніе невѣжи, къ порокамъ весьма склонны, воры, отчаянные разбойники, горькіе пьяницы. Но во внѣшнихъ свойствахъ Миллеръ находитъ разницу между ними: *у Вотяковъ*, говоритъ онъ, *волосы темноватые, какъ и у Чухонцевъ, а у Чувашъ почти у всѣхъ желтыя или рыжія; бороды у послѣднихъ продолговаты клиномъ.* Замѣчательно, что и г-жа Фуксъ горько сѣтуетъ о томъ, что *не только у Чувашъ, но и у Русскихъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ Чувашами, она не видала ни одной окладистой бороды, что бороды у нихъ маленькія, клочкомъ, составленнымъ изъ нѣсколька волосъ.**) — Я не спорю за нравственныя

---

*) Записки о Чувашахъ. стран. 11.

качества, которыя Миллеръ приписываетъ Чувашамъ наравнѣ съ Черемисами и Вотяками, хотя и не могу умолчать, что этотъ грозный и гуртовой судъ нашего автора основанъ не на изученіи своего предмета, а просто на однихъ слухахъ и толкахъ, принятыхъ мимоходомъ, безъ всякой повѣрки, безъ всякаго соображенія съ дѣйствительностію. Но за волосы, за бороды Чувашъ, какъ за вещи очевидныя, для вѣрнаго описанія которыхъ не требуется, слава Аллаху, ни особеннаго изученія, ни особенной наблюдательности,—я объявляю рѣшительную войну и Миллеру, и г-жѣ Фуксъ, и во услышеніе всѣхъ читателей Вашей газеты утверждаю, что у Чувашъ волосы большею частію черноватые*) или темно-русые, что рыжіе между ними чрезвычайно рѣдки, что истинно-чувашская борода есть темно-русая, густая и довольно окладистая, что у нихъ весьма часто встрѣчаются бороды, отъ густоты волосъ свивающіяся прядями, на подобіе заплетенныхъ косъ,—и это почитается у Чувашъ, какъ и у русскихъ простолюдиновъ, признакомъ особеннаго благоволенія домового.—Въ *третьей* главѣ авторъ описываетъ одежду Чувашъ, Черемисъ и Вотяковъ, упоминаетъ о *тохъь*, называя ее *чепцомъ* (?), *хошпъ*, *сарпанъ*, *тевети*. Въ этой главѣ мнѣ особенно бросилось въ глаза два сказанія: *во первыхъ*, авторъ говоритъ, что *у Чувашекъ, какъ и Черемисокъ, рубахи вышиваются по подолу*. Это справедливо, но несовсѣмъ. *Рубашки* Чувашекъ всегда бываютъ вышиты разноцвѣтными шерстями, *либо* шелкомъ и бумагою *и* по подолу, *и* около шеи, *и* около груди. У дѣвокъ на груди бываетъ одна вышивка на подобіе креста съ вѣнкомъ, а у замужнихъ жен-

*) Скромность побуждаетъ меня сознаться, что не я первый открылъ черноватые волосы у Чувашъ. За 80 лѣтъ ранѣе меня Палласъ сказалъ: Man sieht auch bey den Tschuwaschen keine lichtbraune oder röthliche, sondern durchgängig, wie bey den Tataren, schwärzliche Haare. — Pallas: Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. 1-r Th. S. 87.

щинъ — двѣ. *Во вторыхъ* Миллеръ утверждаетъ, что *Чуваши ни въ чемъ не разнятся отъ Черемисъ, живущихъ въ Козмодемьянскомъ дистриктѣ.* Г-жа Фуксъ вѣроятно со словъ Миллера пишетъ, что *никакъ* (?) *невозможно* (sic!!) *путешественнику вдругъ отличить Чувашъ съ Черемисами* (т. е. отъ Черемисъ), *ни мужчинъ, ни женщинъ по ихъ наружности и костюму* *). — Помилуйте: отъ чего же не возможно? У Чувашенина кафтанъ (сукманъ) всегда сѣрый, а онучи черныя; у Черемисинина — кафтанъ бѣлый, да еще съ откиднымъ воротникомъ, и онучи также бѣлыя: вотъ вамъ и самый вѣрный и весьма неголоволомный признакъ, посредствомъ котораго весьма легко можете отличать Чувашенина отъ Черемисинина. Я уже не говорю о разницѣ въ женскихъ костюмахъ и въ физіономіи того и другого народа. — *Четвертая* глава: *о пищѣ, торгахъ и промыслахъ* есть по моему мнѣнію самая лучшая во всей книгѣ Миллера; жаль только, что она очень коротка, и что авторъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не входитъ въ подоробности, которыя для насъ могли бы быть очень интересны. Миллеръ говоритъ, что любимымъ кушаньемъ Чувашъ было — лошадиное мясо: это совершенно справедливо, потому-что и теперь некрещенные Чуваши большіе охотники до него, да и крещенные бывало лакомились имъ потихоньку, чтобъ не провѣдалъ объ этомъ приходскій священникъ. Свиней они у себя не держали и свининой брезговали, можетъ быть, изъ подражанія Татарамъ. **) Но вопреки обычаю татарскому они ѣли кровь; закалая скотину, особенно жертвенную, они сцѣживали изъ нея кровь весьма бережно и варили ее, смѣшавъ съ жиромъ и крупою, въ сычугѣ убитой скотины. ***) Во

*) Записки о Чувашахъ и Черемисахъ стран. 203.

**) Нынѣ уже ниодинъ Чувашенинъ не гнушается свининой.

***) Кушанье это, сколько я могу припомнить, называлось *толдармыжъ*, и было очень вкусно — для голоднаго. Иногда на крови жертвеннаго животнаго Чуваши мѣсили тѣсто и пекли изъ него

время Миллера Чуваши занимались больше скотоводствомъ и пчеловодствомъ, чѣмъ земледѣліемъ, которое, какъ работа менѣе другихъ прибыльная и важная, предоставлялась преимущественно женщинамъ. Но главнѣйшій промыселъ Чувашъ и единственное занятіе ихъ въ зимнее время составляла охота на медвѣдей, волковъ, лисицъ. Черемисы славились тогда умѣньемъ стрѣлять изъ луковъ, а Чуваши были мастера владѣть винтовкою. Впрочемъ, замѣчаетъ Миллеръ, большихъ звѣрей ловятъ они по большей части ямами, а мелкихъ — сѣтями.*) Все нужное для домашняго обихода, какъ-то: ножи, ножницы, шелехи, корольки, табакъ и проч., Чуваши на базарахъ вымѣнивали у Русскихъ на мѣха лисьи, бѣличьи, волчьи, медвѣжьи и т п. — *Пятая* глава: *о языкѣ*; *художествахъ и наукахъ*, очень скудна. Авторъ думаетъ, что нарѣчіе вотяцкое и особенно пермское сходно съ черемисскимъ, что черемисскій языкъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ финскимъ, а чувашскій больше близокъ къ татарскому. По тому поводу, что Чуваши Русскихъ называютъ *Вюрезъ* (т. е., Вырысъ), отъ татарскаго *Урусъ*, Миллеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что они къ татарскимъ сло-

---

лепешки, называемыя *юсманъ*. Отъ жертвенныхъ же кушаній ведетъ свое начало и *ширтанъ*, родъ колбасы. Вотъ какъ его готовили: разрѣзавъ остатки жертвеннаго мяса на мелкія части, посоливъ и изжаривъ ихъ, начиняли ими бараньи кишки, прокапчивали ихъ, и когда нужно было подавать на столъ, то снова поджаривали въ маслѣ. Ширтаномъ подчивали Чуваши только закадычныхъ друзей и досовъ. Толдармыжъ и юсманъ нынѣ вышли изъ употребленія; но ширтанъ готовятъ Чуваши и теперь только, разумѣется, не изъ жертвеннаго мяса. Многіе и изъ Русскихъ, даже изъ чиновниковъ большіе охотники до чувашскаго ширтана.

*) Здѣсь у Миллера опять недомолвка. Чуваши и Черемисы ловили большихъ звѣрей, особенно медвѣдей не ямами только, но и другими замысловатыми и забавными способами, похожими на тѣ, какіе Лепехинъ (Часть 1, стр. 193,) видѣлъ у Башкирцовъ. Большая часть ихъ основывалась на страстной приверженности Михайлы Ивановича къ горячимъ напит-

вамъ, начинающимся съ *о* и *у*, прибавляютъ в, напр., *десять* по-татарски *онъ*, по-чувашски *вонна*, *огонь* по-татарски *отъ*, по-чувашски *вотъ*, *лѣсъ* по-татарски *урманъ*, по-чувашски *вурманъ* и т. д. Потомъ авторъ переходитъ къ разнымъ названіямъ народовъ, городовъ и рѣкъ на языкахъ чувашскомъ, черемисскомъ и вотяцкомъ; разсказываетъ, что Казань по-чувашски называется *Хозанъ*, Свіяжскъ — *Свія*, Чебоксары — *Чобошкаръ* (т. е., *Шубашкаръ*), Козмодемьянскъ — *Чикленъ* (т. е., Чикмене), Цивильскъ — *Сюрби* (т. е., Сюрбю или Сюрбеве), Волга — *Аалъ* (т. е., Адылъ), Кама — *Шорогъ-Адалъ* (т. е., Шора-Адылъ, *бѣлая* Волга, потому что вода въ Камѣ свѣтлѣе и бѣлѣе, чѣмъ въ Волгѣ). Вотъ и все содержаніе главы *о языкѣ, художествахъ и наукахъ!* — *Шестая* глава посвящена *религіи* Чувашъ, Черемисъ и Вотяковъ. Главная, основная ошибка автора здѣсь заключается въ его ложномъ предположеніи, будто у всѣхъ этихъ народовъ совершенно одна и таже религія. Вѣрный этому предположенію, онъ нарочно изложилъ ее въ чертахъ столь общихъ, что онѣ могутъ быть отнесены чуть-ли не къ каждой языческой религіи, основанной на дуализмѣ. По словамъ его, Чуваши вѣрятъ, что есть Богъ, жи-

---

камъ и на его бѣдственной слабости къ сотовому меду. Впрочемъ всѣхъ чувашскихъ и черемисскихъ способовъ добывать его шкуру и не перескажешь. Замѣчу только, что многіе изъ нихъ можно назвать отчаянными, дерзкими до безразсудства. И доселѣ здравствуетъ въ Чувашландіи мой кумъ, старикъ *Іошка*, — Іовъ ли, или Іона настоящее имя его, — этого онъ и самъ не знаетъ, да и не интересуется этимъ. Но не въ имени дѣло. Вотъ какъ добывалъ онъ бывало шкуру и мясо Топтыгина: почуявъ приближеніе медвѣдя, онъ падалъ на землю, притворялся мертвымъ; медвѣдь подходилъ къ нему, обнюхивалъ, тормошилъ его, иногда невѣжничалъ надъ нимъ; а Іошка затаивалъ дыханіе до тѣхъ поръ, пока улучалъ самое удобное время разомъ распороть невѣждѣ брюхо ножемъ. Надобно впрочемъ, полагать, что это не всегда обходилось Іошкѣ даромъ, потому-что онъ крѣпко помятъ и изуродованъ.

вущій на небеси, видящій всѣ дѣла человѣческія, не только ниспосылающій людямъ всякое добро, но и отвращающій всякое зло и потому достопокланяемый, досточтимый; вѣрятъ также, что Богъ нераскаянныхъ грѣшниковъ наказываетъ разнаго рода несчастіями и лишеніями, а тѣхъ, которые обращаются къ нему съ молитвами объ отпущеніи грѣховъ, прощаетъ и благословляетъ богатствомъ и изобиліемъ. Потомъ Миллеръ разсказываетъ, что Чуваши признаютъ существованіе діавола, виновника всякаго зла въ мірѣ, которому также молятся и покланяются, чтобъ избавится отъ его навѣтовъ и козней. *Больше этого они въ дѣлѣ религіи ничего незнаютъ*, — заключаетъ Миллеръ. Но чрезъ нѣсколько страницъ далѣе урверждаетъ, что у нихъ есть малые божки, хранители и защитники особыхъ деревень и мѣстъ, что покровителемъ, на пр., Чебоксаръ и прилежащихъ къ этому городу чувашскихъ деревень считается богъ *бородонъ*.*) Если къ этимъ извѣстіямъ Миллера присоединивъ еще его совершенно ложное, какъ увидимъ въ послѣдствіи, сказаніе о томъ, будто Чуваши въ будущемъ *ничего ни надѣятся, ни боятся*; то получимъ все, что онъ сообщаетъ намъ о древней религіи Чувашъ. Неправда-ли, слишкомъ мало? — Въ *седьмой* и *восьмой* главахъ Миллеръ говоритъ о *религіозныхъ обрядахъ* и *свѣтскихъ обыкновеніяхъ* описываемыхъ имъ народовъ. Между религіозными обрядами первое мѣсто занимаютъ разумѣется жертвоприношенія и особенно тѣ, которыя совершаются въ кереметяхъ. Описаніе устройства керемети у Миллера такъ темно, что его нельзя и понять. А сказаніе его, будто *у каждой семьи есть по одной собственной керемети а у иной и болѣе*, — рѣшительно ложно**) и заставляетъ насъ *или*

---

*) Вѣроятно. искаженное Миллеромъ слово. Не сдѣлалъ-ли онъ его изъ чонъ-сіораданъ-тора или изъ сюдъ-сіораданъ-тора?

**) Можно полагать, что эта ошибка Миллера произошла отъ того, что онъ и его толмачъ не поняли другъ друга. Миллеръ спрашивалъ его о кереметяхъ, т. е., о мѣстахъ, на которыхъ

отказать автору въ логической послѣдовательности, *или* наперекоръ дѣйствительности предположить, что въ чувашской сторонѣ неприступныя мѣста встрѣчаются сплошъ да рядомъ; потому что, по словамъ самого Миллера, *Чуваши служатъ свою службу въ мѣстахъ, къ которымъ, за густыми лѣсами, не инако, какъ съ превеликою трудностію дойти можно.* О самыхъ жертвоприношеніяхъ толмачъ много сообщилъ невѣрнаго Миллеру, а Миллеръ — намъ. Съ чего, напр., взялъ онъ, будто *одной* кереметн приносится въ жертву крупный скотъ? И за чѣмъ онъ говоритъ: *у нихъ нѣтъ никакого особливаго дня, въ который бы они паче прочихъ къ отправленію божіей службы сходились* (стр. 43), а потомъ на страницѣ 55 самъ толкуетъ, опровергая Страленберга, о *большомъ чувашскомъ праздникѣ*, называя его *годовымъ*. Число *ой-чука*, *синзи*, *моленія хлѣба* и другихъ чувашскихъ праздниковъ было подвижное; но развѣ отъ того они переставали быть праздниками, *въ которые* Чуваши *паче прочихъ* дней *къ отправленію божіей службы сходились*? Правда, что время приношенія жертвы злымъ богамъ не было опредѣлено, а зависѣло отъ произвола каждаго, или лучше отъ случайностей частной жизни Чувашенина. Но жертва богамъ добрымъ приносилось въ особо-назначенныя времена года. — Далѣе Миллеръ пишетъ, будто Чувашки не участвовали ни въ общественныхъ, ни въ частныхъ жертвоприношеніяхъ, и будто имъ не позволялось вкушать ни какой жертвенной яствы. Палласъ и Георги исклю-

---

приносится жертва кереметн. А толмачъ подумалъ, что его спрашиваютъ либо о мѣстѣ жертвоприношеній вообще, либо о мѣстѣ домашнихъ частныхъ моленій, возсылаемыхъ *добрымъ* богамъ. Частныя жертвтприношенія Торѣ и другимъ добрымъ богамъ совершались преимущественно при *чукъ-ывысь*, т. е., при деревьяхъ, растущихъ на дворахъ чувашскихъ, близь жилыхъ покоевъ. На каждомъ дворѣ, или точнѣе у каждой семьи непремѣнно былъ собственный *чукъ-ывысь*, иногда одинъ, иногда два и болѣе. И теперь еще почти на каждомъ Чувашскомъ дворѣ найдете эти жертвенныя деревья. Чуваши не рубятъ ихъ, отчасти по суевѣрному страху, от-

чаютъ женщинъ изъ участія въ *однѣхъ* торжественныхъ жертвоприношеніяхъ въ кереметиʼ*). Г-жа Фуксъ утверждаетъ, будто *на моленіи синзи не бываетъ ни пива, ни вина, ни музыки, ни женщинъ, однимъ словомъ ничего соблазнительнаго* **). Все это неправда. Мнѣ нѣтъ надобности цитоваться здѣсь Лепехинымъ и другими писателями, утверждающими совершенно противное и Миллеру, и Палласу, и Г-жѣ Фуксъ. Въ молодости я не одинъ десятокъ разъ бывалъ и на общественныхъ, и на частныхъ жертвоприношеніяхъ и всегда видѣлъ на нихъ женщинъ. Грѣшный человѣкъ, я особенно любилъ ходить на жертвоприношенія во время *ой-чука* и *синзи*, потому-что у Чувашъ существовалъ похвальный обычай во время этихъ празднествъ дозволять молодежи *чѣобъ тувасъ пожтъ-витре*, т. е., цѣловаться съ дѣвушками черезъ кончики тонко-переплетенныхъ лычекъ. — Въ главѣ: *о свѣтскихъ поведеніяхъ, нравахъ и обыкновеніяхъ*, Миллеръ разсказываетъ объ обрядахъ, которые замѣняли у Чувашъ присягу, потомъ переходитъ къ обрядамъ, какіе совершаются у нихъ при рожденіи младенца, при бракосочетаніи, при похоронахъ, и въ заключеніе дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ ихъ играхъ и плясках. — Къ *присягѣ* язычествующихъ Чувашъ приводили въ судахъ слѣдующимъ образомъ: Посоливъ ***) и воткнувъ на ножъ кусокъ хлѣба, іомся клалъ его въ ротъ присягающему, который, съѣдая хлѣбъ, говорилъ:

части по привычкѣ къ нимъ, а отъ части и потому, что онѣ освѣжаютъ воздухъ.

*) Pallas: Reise durch verschiedene Provinzen des Russ. Reichs. 1-r Th. 5. 88.—Впрочемъ Палласъ по собственному его сознанію (590) не бывалъ на общественныхъ, да вѣроятно и на частныхъ жертвоприношеніяхъ. Миллеръ для него — авторитетъ.

**) Записки о Чувашахъ стр. 23.

***) Извѣстно, что и Аравитяне въ знакъ присяги ѣли хлѣбъ съ солью. Вообще у восточныхъ народовъ соль служитъ символомъ ненарушимой вѣрности и твердости союза. У Моисея Іегова говоритъ Аарону: *Завѣтъ соли вѣчныя есть предъ Господемъ, и сѣмени твоему по тебѣ.* Чис. XVIII. 19.

»чтобъ мнѣ никогда этого не видать, если я лгу, или если не исполню своего слова.« Вступающимъ въ военную службу вмѣсто присяги давали посоленые куски хлѣба концами двухъ палашей, сложенныхъ крестообразно*). — На чувашскихъ *родинахъ* вся це-

*) *Палласъ* иначе раскazываетъ обрядъ чувашской присяги. По его словамъ, обвиняемаго въ какомъ-либо проступкѣ приводили въ кереметь и тамъ заставливали съ разными заклинаніями ѣсть яшку. Чтобы еще болѣе удостовѣрится, не ложно-ли онъ клянется, его принуждали пить соленую воду: если онъ, выпивъ воду, начиналъ кашлять; то это знакъ, что онъ виноватъ. Pallas: Reise, 1-r Th. S. 93. Палласъ хотѣлъ, кажется, пополнить Миллера, описавшаго только *судебную* и *служебную* присягу и оставившаго безъ вниманія присягу *очистительную*, весьма часто употреблявшуюся у Чувашъ внѣ суда, въ дѣлахъ частныхъ. Но Палласу о послѣднемъ родѣ присяги сообщили свѣдѣнія неточныя и невѣрныя. — У Чувашъ, сколько мнѣ извѣстно, было два вида *очистительной* присяги одинъ древній, чисто-языческій, другой полу-христіанскій. Вотъ въ чемъ состоялъ первый. Если Чувашенина подозрѣвали въ какомъ-либо проступкѣ, въ которомъ онъ однако же не сознавался; то его заставляли перешагнуть чрезъ сухую, зажженную съ обоихъ концовъ лутожку, которая нарочно для этой цѣли *кереметь-пыхапаномъ* (директоромъ, или почетнымъ смотрителемъ кереметі) должна быть вырублена въ кереметі. Переступая черезъ лутожку, онъ долженъ сказать: »да буду я также сухъ, какъ эта палка (пожитъ-юсси), если говорю неправду,« потомъ, припавъ къ землѣ, выпить поставленный подлѣ лутожки стаканъ вина или соленой воды, поцѣловать землю и съѣсть съ конца ножа круто посоленный кусокъ хлѣба. Церемонія эта совершалась иногда на мірской сходкѣ, иногда внѣ села, въ виду кереметі, но всегда непремѣнно въ присутствіи многихъ свидѣтелей. Другой видъ очистительной присяги не требовалъ такой торжественности. Если одинъ Чувашенинъ обвинялъ другого въ томъ, что онъ невыполнилъ даннаго ему обѣщанія, а тотъ утверждалъ, что вовсе не давалъ этого обѣщанія; то обвиняющій покупалъ немного вина и приводилъ обвиняемаго къ церкви. Послѣдній, взглянувъ на крестъ церкви, долженъ былъ сказать: *Тобада Торжинъ*, *каламанъ* (сй Богу, не говорилъ, не обѣщался!) и выпить стаканъ

ремонія состояла, пословамъ Миллера, въ нарѣченіи имени младенцу. Всего чаще его называли именемъ того, кто первый по разрѣшеніи родильницы войдетъ въ домъ*). — Богатые чуваши женили своихъ сыновей пяти или шести лѣтъ. Многоженство у нихъ позволялось; но болѣе пяти женъ никто не имѣлъ. Законы род-

---

вина. Тѣмъ все дѣло и оканчивалось; обвинитель и обвиняемый по прежнему дѣлались пріятелями; а объ обѣщаніи между ними не могло уже быть и помину. Этотъ родъ клятвы былъ въ большомъ употребленіи у Чувашъ. Но надо припомнить, что честное слово. скрѣпленное рукобитьемъ (ала барасъ), замѣняло у нихъ всѣ наши контракты, договоры, условія, заемныя письма, купчія крѣпости и т. п., вещи.

*) Здѣсь Миллеръ дѣлаетъ заключеніе отъ части къ цѣлому. Только у бѣднѣйшихъ, у незапасливыхъ Чувашъ на родинахъ не было никакихъ церемоній, если онѣ случались въ страду, т. е., въ такое время, когда было не до варенья пива. А у достаточныхъ, слѣд. у большей части Чувашъ *всегда* соблюдались строго слѣдующія церемоніи: *вопервыхъ* родильницу посѣщали родные и знакомые, пили пиво и клали въ корггу (ковшъ) деньги на *колыбель* новорожденному. *Вовторыхъ* приглашался іомся, мужчина или женщина, смотря по полу новорожденнаго. Первымъ дѣломъ іомси было—лутожкою разбить надъ головою новорожденнаго два сырыя яйца, потомъ оторвать голову пѣтуху и выбросить все это за ворота. Это была неизбѣжная церемонія при трехъ важнѣйшихъ эпохахъ жизни человѣка: при рожденіи, бракосочетаніи и при смерти. Чуваши думали, что посредствомъ нея отгоняютъ шайтана отъ новорожденнаго, отъ новобрачнаго и отъ умершаго. Они внимательно наблюдали, станетъ-ли трепетать пѣтухъ послѣ того, какъ оторвутъ ему голову, или не станетъ. Если не станетъ трепетать, то это знакъ, что шайтанъ отогнанъ. Если же станетъ, то заключали отсюда, что шайтанъ еще предстоитъ лицу новорожденнаго, новобрачныхъ, умершаго. Въ такомъ случаѣ немедленно относили въ кереметь такъ называемыя *мамаля-окси*, кереметныя деньги. *Въ третьихъ* іомся читалъ надъ ковшомъ съ водою заклинанія, углубляся въ созерцаніе ея, видѣлъ въ ней всю будущую судьбу новорожденнаго и нарекалъ ему имя, сообразно съ этими пророческими видѣніями.

ства при бракосочетаніи соблюдались строго. Непозволялось жениться: 1) на родныхъ сестрахъ, 2) на сестриныхъ и братниныхъ дочеряхъ, 3) на двухъ сестрахъ двумъ братьямъ, 4) на свояченицѣ при жизни жены. Замѣчательно, что у Чувашъ существовалъ еврейскій законъ *ужичества*, но только съ слѣдующимъ ограниченіемъ: оставшуюся по смерти большаго брата во вдовствѣ жену бралъ за себя меньшой братъ, но большой братъ не могъ жениться на вдовѣ меньшаго брата. — *Хоронили* Чувашенина непремѣнно въ томъ платьѣ, какое онъ носилъ; въ могилу съ покойникомъ клали всякій домашній скарбъ, котлы, ложки, ножи и проч. На могилахъ Чуваши ставили деревянные столбы. Поминки отправлялись у нихъ не въ домахъ, какъ у Черемисъ, но на кладбищахъ*), гдѣ закалалась и съѣдалась родственниками покойнаго его любимая лошадь, при чемъ много бывало плача, игры, пляски и питья. *Пляску* чувашскую Миллеръ называетъ безпорядочною. Изъ музыкальныхъ инструментовъ Чувашамъ извѣстны были тогда: 1) *гусли* (гуслэ), перенятые, по словамъ Миллера, и Русскими, и Чувашами у Татаръ, какъ это доказываетъ татарское названіе ихъ**), 2) *волынка* (шипюръ, т. е., шибыръ) и 3) *варганъ* (кобызъ).

Къ концу книги Миллеровой приложенъ словарь на татарскомъ, черемисскомъ, чувашскомъ, вотяцкомъ, мордовскомъ, перм-

*) Мы увидимъ послѣ, что Чуваши совершаютъ поминки и дома, и на кладбищахъ и притомъ — въ опредѣленныя времена года.

**) Непонятно, какъ русскій исторіографъ могъ не знать, что *гусли* были извѣстны Славянамъ въ самой глубокой древности, задолго до знакомства ихъ съ Татарами. Гуслей мы ни отъ кого не перенимали: это инструментъ *всего свѣта*, какъ справедливо замѣчаетъ О. И. Сенковскій. А наше названіе ихъ — чисто славянское, котораго корень *гусли* т. е., издаю гулъ; наст. гуду, сохранился во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

скомъ и зырянскомъ языкахъ съ русскимъ переводомъ. Можетъ быть, вотяцкія, мордовскія, пермскія и зырянскія слова у Миллера вѣрны, но чувашскія очень изуродованы. Кто въ Миллеровыхъ: *ассіе*, *эркурпи*, *ксно-арне*, *ссоль*, *юлтанъ*, *бюхюръ*, *архипъ*, *обска*, *тарси*, *ссормъ*, *тилагъ*, *хаилышъ*, *херли-сирла*, *ссувъ*-узнаетъ чувашскія слова: *сизимъ* (молнія), *пуръ* (градъ), *киснепи-конъ* *) (четвергъ), *сіолъ* (дорога), *ылдымъ* (золото), *пыгыръ* (мѣдь), *арсинъ* (мужчина), *опушка* (мужъ, супругъ), *чора* (слуга), *сіортъ* (домъ), *тыйга* (жеребенокъ), *хачь* (ножницы), *сирь-сирлы* (земленика), *сю* (масло)?? — Едвали еще не больше искажены у него черемисскія слова. Такъ вмѣсто: *юшто* (студеный) онъ пишетъ: *юпста-шолоке*, вмѣсто: *куго* (высокій) — *куша*; вмѣсто: *шиль* (мясо) — *сіиль*; вмѣсто: *омпса* (дверь) — *омзіе*, вмѣсто: *кырашъ* (бить) — *кюрре*, вмѣсто: *шинзалъ* (соль) — *сюкъ-сѣель*, вмѣсто: *норебъ* **) (колодязь) — *мюребъ*, вмѣсто: *ю-ушкалъ* (коровье масло) — *скалю* и т. д.

Вотъ все, что находимъ о Чувашахъ въ авторахъ, описывавшихъ этотъ народъ до его обращенія въ христіанство! Очень немногое получимъ мы въ остаткѣ, если изъ этихъ описаній исключимъ все невѣрное и неточное. Но и за это немногое мы должны быть благодарны: лучше имѣть что нибудь, нежели ничего.

---

*) На книжномъ — я еще не успѣлъ, кажется, сказать, что и у чувашъ есть книжный языкъ, который состоитъ въ прелорядочномъ разладѣ съ разговорнымъ, живымъ — на книжномъ языкѣ чувашскіе стилисты растягиваютъ это слово такъ: *кизинь-арни-конъ*, чтобы можно было сей часъ же видѣть его этимологическое производство и значеніе: *младшій*, т. е., послѣдній *день недѣли*.

**) Впрочемъ ни Черемисы, ни Чуваши, сколько я знаю, колодцовъ у себя не устраиваютъ. Черемисское *норебъ* и чувашское *нюхребъ* собственно значитъ *погребъ*. Этимъ же словомъ въ переносномъ смыслѣ они называютъ и русскіе колодцы.

Обращаюсь теперь къ авторамъ, писавшимъ о Чувашахъ послѣ 1743 года.

Въ 1762 году вышла *Топографія Оренбургская* Петра Ивановича *Рычкова*. Въ ней находимъ слѣдующія этнографическія свѣдѣнія о Чувашахъ: Рѣка Кама по-чувашски называется Чолма*). *Чолматы* были Болгары. Слѣд. Татищевъ справедливо называетъ Чувашъ болгарскимъ народомъ. Наибольшее число ихъ живетъ въ казанской губерніи, а особенно въ свіяжскомъ и симбирскомъ уѣздахъ. До 500 семействъ чувашскихъ живетъ и въ оренбургской губерніи, а именно въ уфимской провинціи. Но по дѣламъ видно, что уфимскіе Чуваши изъ уѣздовъ казанскаго, курмышскаго и чебоксарскаго. Въ оренбургской губерніи ихъ называютъ *горными татарами* **); но по языку они столь же отличаются отъ Татаръ ***), какъ отъ Вотяковъ и Черемисъ. Закона у нихъ никакого нѣтъ: но Бога они исповѣдуютъ и приносятъ ему въ жертву лошадей, коровъ и овецъ †). — Большаго мы и не въ правѣ требовать отъ Рычкова: этнографія чувашская была для него дѣломъ второстепеннымъ, побочнымъ, чтобъ не сказать постороннимъ.

Спустя лѣтъ около десяти послѣ изданія топографіи Рычкова, вдругъ появляются въ свѣтъ пять описаній Чувашъ, и каждое изъ нихъ принадлежитъ перу академика. Въ 1768 — 1773 го-

---

*) Мнѣ никогда не случалось слышать, чтобы Чуваши Каму называли *Чолма*.

**) Замѣчательно, что и Черемисы называютъ Чувашъ Куркъ Мари, *горные* люди.

***) Нѣсколько разъ мнѣ случалось замѣчать, что Татаринъ, хоть кое-какъ, не вполнѣ, не всецѣло, но понимаетъ Чувашенина, но Вотяка и Черемисинина — никогда.

†) Рычкова Топографія Оренбургская. Ч. I. стр. 187 — 189.

дахъ по повелѣнію Государыни Императрицы Екатерины II-й многіе изъ членовъ С. Петербургской Академіи наукъ отправлены были въ ученое путешествіе по разнымъ частямъ Имперіи, для описанія ея во всѣхъ отношеніяхъ и для разныхъ наблюденій. Изъ нихъ *Паллась*, *Георги*, *Фалькъ*, *Рычковъ*, и *Лепехинъ* посѣтили и описали между прочимъ и здѣшній край. Они благосклонно удостоили своего вниманія и нашихъ Чувашъ. Правда Миллеръ былъ для нихъ — авторитетомъ. Вмѣсто того, чтобы повѣрять его описанія, они весьма часто ограничивались повтореніемъ сказаннаго имъ и такимъ образомъ утверждали и распространяли ложныя понятія о бѣдныхъ Чувашахъ,—понятія, которыя и доселѣ еще не перевелись. Но не смотря на свою излишнюю довѣренность къ Миллеру, они, или точнѣе первый и послѣдній изъ нихъ сообщаютъ намъ и нѣкоторыя новыя черты изъ жизни этого народа, иногда дополняютъ, иногда объясняютъ сказанія исторіографа. Надобно впрочемъ сказать, что это нестоило имъ и большого труда. Посредниками между Чувашами и учеными ихъ описателями теперь были уже не Богъ знаетъ какіе толмачи, но довольно образованное по тогдашнему времени духовенство православное. Русскіе духовные, тотчасъ по крещеніи Чувашъ водворившіеся между ними, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ безъ сомнѣнія успѣли уже весьма хорошо познакомиться и съ языкомъ, и съ бытомъ, и съ обычаями новой своей паствы. Многимъ чувашскимъ священникамъ даже не нужно было и заботиться объ ознакомленіи съ нею; потому-что они сами были природные Чуваши, получившіе образованіе въ духовной семинаріи, состоявшей при Зилантовомъ монастырѣ. Вообще ученые путешественники имѣли всѣ средства и пособія къ вѣрному и точному описанію здѣшняго края въ этнографическомъ отношеніи, и если мы находимъ промахи, ошибки, неточности въ ихъ описаніяхъ, то должны приписать это одной невнимательности гг. академиковъ къ своимъ обязанностямъ.

*Палласъ**) находитъ, что Чуваши по языку своему, по образу жизни, по постройкѣ домовъ, по женскимъ костюмамъ очень походятъ на Татаръ. Самыя черты лица ихъ обнаруживаютъ сильную примѣсь татарской крови. Подобно Татарамъ они празднуютъ пятницу, которую называютъ *арня-канъ***), недѣльный день. Въ деревняхъ, населенныхъ приверженцами старой, языческой вѣры, сотники въ четвергъ вечеромъ обходятъ домы съ объявленіемъ, что наступающій день есть праздничный. Утромъ въ пятницу Чуваши совершаютъ обычныя молитвы предъ *ирихомъ* и во весь этотъ день предаются праздности и удовольствіямъ. *Ирихъ*, по словамъ Палласа и Георги, есть не иное что, какъ пукъ прутьевъ шиповника, связанный лыкомъ, на которое привѣшивался кусочекъ олова; это святыня, къ которой, по словамъ Палласа, никто не смѣлъ прикасаться, а по словамъ Георги, даже и приближаться (so heilig geachtet werden, daß sich ihnen Keiner nähern darf***). — Чуваши въ домашней жизни опрятнѣе Мордвы. Палласъ находилъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ — чистыя избы, топимыя по бѣлому, и замѣтилъ, что только самые бѣдные изъ нихъ спятъ не на перинахъ, но на войлокахъ и рогожахъ. — Кромѣ хлѣбопашества и скотоводства Чуваши съ особеннымъ успѣхомъ занимаются пчеловодствомъ; потому на пирушкахъ они употребляютъ какъ пиво, такъ и вареный медъ, но никогда — кумысъ, любимый напитокъ Татаръ. Палласъ считаетъ излишнимъ распространятся въ описаніи чувашскихъ свадебныхъ пиршествъ, на кото-

*) Pallas: Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. 1-г Тѣ. S. 86 — 93.

**) Чувашское *арня*, недѣля происходитъ отъ *ярзясъ*, освобождаться отъ работъ, удосуживаться, успокоиваться. Слѣд. *арнякань* есть день покоя, суббота Еврейская.

***) Слѣд. и Палласъ и Георги подобно Г-жѣ Фуксъ случайное украшеніе ириха приняли за самаго ириха. Во второмъ письмѣ я объяснилъ, что такое были ирихи.

рыхъ лилось пивомедіе, и отсылаетъ читателя къ Миллеру. За то онъ исправляетъ сказаніе Миллера о чувашскомъ разводѣ. Исторіографъ утверждаетъ, что недовольный своею женою Чувашенинъ лишалъ ее своего ложа, дѣлалъ своею работницею, — и вся недолга. Палласъ разсказываетъ объ этомъ предметѣ иначе. Если мужъ былъ не доволенъ своею женою, то разрывалъ ея *сарпанъ* (головную повязку изъ длиннаго полотенца) на двѣ части; одну бралъ себѣ, а другую отдавалъ женѣ, которая вслѣдъ за тѣмъ должна была оставить домъ своего мужа*). Это извѣстіе Палласа во всей силѣ подтверждаютъ и послѣдующіе писатели. — Приступая къ довольно подробному описанію чувашскихъ кереметей, Палласъ говоритъ, что торжественное жертвоприношеніе *Торѣ* совершается въ нихъ *одинъ* разъ въ годъ, а именно, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, который потому Чуваши будто и называютъ *чукъ-оихъ***). Въ это время они за одинъ разъ закалаютъ въ *главной* кереметп:

*) И у Русскихъ въ старину при разводахъ *разрывъ* холста игралъ важную роль. *Рафаилъ Барберини* въ XVI вѣкѣ описываетъ древній обрядъ развода въ Россіи, который состоялъ въ томъ, что мужъ съ женою приходили къ проточной водѣ, становились каждый на противоположной сторонѣ и, взявши за концы тонкую холстину, тянули ее до тѣхъ поръ, пока не разрывали, такъ что у каждаго изъ нихъ оставалось по половинѣ холстины въ рукахъ. Послѣ того мужъ и жена расходились и дѣлались совершенно свободными. — И. М. Снигирева: Русскіе въ своихъ пословицахъ, кн. II, стр. 63.

**) Здѣсь что ни слово, то ошибка. *Во первыхъ* торжественное жертвоприношеніе Торѣ совершалось *не одинъ* разъ въ годъ, какъ повѣствуетъ Палласъ и г-жа Фуксъ (Зап. о Чув. стр. 76), а нѣсколько разъ. *Во вторыхъ* оно никогда не совершалось въ Сентябрѣ. *Въ третьихъ* мѣсяцомъ жертвоприношенія, *чукъ-оихъ*, называется не Сентябрь, а Декабрь. *Въ четвертыхъ* время приношенія жертвы *въ кереметп и кереметп* и торжественное жертвоприношеніе Торѣ, — это двѣ совершенно различныя вещи.

лошадь, быка, овцу *). Во время жертвоприношенія они обращаются на востокъ съ молитвами къ Торѣ и съ частыми ему поклоненіями. Кромѣ главнаго Бога, Торы, они молятся и другимъ нисшимъ, подчиненнымъ божествамъ. Палласъ сожалѣетъ, что изъ разсказовъ черни чувашской не могъ составить себѣ яснаго понятія объ ихъ демонологіи. Онъ узналъ только имена нѣкоторыхъ боговъ, каковы: *кереметь*, самое главное божество послѣ Торы, *Асмырь* (вѣроятно, либо *Асладій*, либо *Асланра-торъ*), *Ксниръ* **), *Пюлюхсы*, *Сюрдань* (вѣроятно, либо *чонъ-сюрадань*, либо *сходъ-сіорадань-тора*, т. е., Миллеровъ *бородань*), *Сирь* (вѣроятно, *Сирь — асше*, либо *Сирь-амыжъ*), *Сіолъ-сюрень-ирзамъ*, *Херле-сирь*, *Кебе*. — Можетъ быть, замѣчаетъ Палласъ, кромѣ этихъ божествъ есть еще и другія; изслѣдованіе ихъ свойствъ было бы любопытно. Замѣчательно, напр., то обстоятельство, что по мнѣнію Чувашъ у многихъ боговъ ихъ есть жены и дѣти, и что съ молитвами къ такимъ (т. е., семейнымъ) божествамъ Чуваши обращаются потрижды, восклицая: Тора-отецъ, или — кереметь-отецъ! помилуй! Тора-мать, или — кереметь-мать! помилуй! Дѣти-Торы, или дѣти-кереметы! помилуйте!

Георги ***) пишетъ, что Чуваши суть многочисленный народъ, который хотя большею частію обращенъ въ христіанство, но до-

*) *Лошадь*, *быка* и *овцу* закалали *въ главной* кереметы! Ужъ нейдетъ ли тутъ рѣчь объ жертвѣ въ *соборъ-кереметы*, о богомольѣ общемъ, на которое собиралось до 10 деревень и болѣе? Ну есть тутъ чѣмъ помазать глаза одной лошадью, однимъ быкомъ и одной овцою. Да этого мало и для одного околодка изъ 10 семействъ. Василій Иванычь можетъ цѣлую недѣлю довольствоваться двумя небольшими *шечами*, да короваемъ хлѣба; но ужъ если примется ѣсть на раздольѣ, то ѣсть чрезвычайно основательно...

**) Какого бога Палласъ передѣлалъ въ *Кснира*, — отгадать мудрено.

***) Joh. Gottl. Georgis Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. Zw. Band. S. 849 — 857.

селѣ удержалъ свой, происходящій отъ финскаго(?) языкъ, свои обычаи, свой національный костюмъ, свои суевѣрія и даже мѣста древнѣйшаго своего жительства*). Только въ образѣ жизни этого народа произошла весьма важная перемѣна: изъ номадовъ Чуваши сдѣлались осѣдлыми земледѣльцами; впрочемъ они и доселѣ еще презираютъ(?) города и живутъ въ небольшихъ деревняхъ**). По наружности Чуваши болѣе похожи на Татаръ, и въ нравственномъ характерѣ совершенно сходны съ Черемисами. только умомъ тупѣе послѣднихъ***). Домашняя экономія ихъ стѣснена до самой послѣдней степени†): отъ того они и живутъ и ѣдятъ,

*) Послѣднее — неправда. У здѣшнихъ Чувашъ есть преданіе, что предки ихъ, — очень много лѣтъ тому назадъ, — пришли съ юга: изъ-за Симбирска.

**) Что Георги хотѣлъ этимъ сказать и доказать? Если ту мысль что недалеко еще время, когда Чуваши были народомъ кочевымъ, то мысль эта ошибочна. Они издавна, можетъ быть еще до татарскаго владычества. вели жизнь осѣдлую и, занимаясь главнымъ образомъ скотоводствомъ и звѣроловствомъ, не чуждались и земледѣлія. Это видно между прочимъ и изъ ихъ древнихъ религіозныхъ установленій, напр., изъ праздника *моленія хлѣба*, изъ времени *ой-чука* и проч.

***) Это неправда. *Луговые* Черемисы грубѣе Чувашъ и ниже ихъ въ нравственномъ отношеніи. *Горные* крѣпче, виднѣе, развязнѣе своихъ луговыхъ единоплеменниковъ, но не выше Чувашъ въ умственнемъ отношеніи.

†) И хлѣба, и скота, и пива, и меду у Чувашъ всегда было вдоволь. Одними остатками годоваго запаса доброй чувашской семьи можно бы при нуждѣ цѣлый годъ прокормить два нѣмецкихъ крестьянскихъ семейства. Чуваши далеко запасливѣе русскихъ крестьянъ. Тотъ, у кого съѣстной провизіи заготовлено всего на одинъ годъ, у нихъ считался уже недостаточнымъ крестьяниномъ. А совершенныхъ бѣдняковъ, людей, что называется, безъ двора между ними не было, да и нѣтъ. Никогда, ни въ деревнѣ, ни въ городѣ не увидите вы нищаго — Чувашенина. Одѣвается Чувашенинъ нещеголевато, — это правда: да вѣдь тутъ свой разсчетъ. Иной

и одѣваются — грязно. Некрещенные употребляютъ въ пищу всѣхъ хищныхъ звѣрей, птицъ, даже падаль; крещенные хотя и болѣе разборчивы въ пищѣ, но и они ѣдятъ лисицъ*). — Описаніе чувашской свадьбы у Георги преисполнено ошибокъ, иногда очень странныхъ. Приведу нѣсколько примѣровъ. Георги въ отдѣлѣ о *маломъ* свадебномъ *поѣздѣ*, который онъ называетъ *Kostenes Kajas***), говоритъ, что для уплаты калыма женихъ и его родители пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты, привозя съ собою нѣсколько пшеничныхъ хлѣбовъ***). Что же дѣлаетъ тогда отецъ невѣсты?

Василій Иванычъ, пожалуй, сошилъ бы себѣ синій кафтанъ, купилъ бы и сапоги *съ морозомъ* (со скрипомъ) точно такіе, какъ у волостного писаря, да вотъ бѣда: о человѣкѣ въ такомъ пышномъ нарядѣ нельзя не подумать, что онъ — богачъ; а подумають добрые люди, — смотришь, — и притащутъ тебѣ *сухую бѣду*. Слѣд. благоразумнѣе не вылезать изъ благословенной сермяги и завѣтныхъ онучъ. — Правда также, что тѣ изъ чувашскихъ домовъ, которые топятся по черному, грязноваты; но Чуваши живутъ въ нихъ только зимою; во все остальное время года они помѣщаются въ холодныхъ строеніяхъ, на дворѣ, которые обыкновенно бываютъ и лучше устроены, и чище содержимы, чѣмъ русскіе дворы.

*) Чтобъ Чуваши ѣли *всѣхъ* хищныхъ звѣрей, всякую птицу даже падаль, — это неправда; медвѣжье и лисье мясо они ѣли, да такъ, что и самъ Георги не побрезговалъ бы имъ. Но чтобъ они употребляли въ пищу падаль, — для этого надобно бы предположить, что для нихъ мясо колотой скотины было — невидаль. Между тѣмъ несомнѣнно извѣстно, что цѣны на говядину и на дичину у Чувашъ были чрезвычайно низки. Лѣтъ около 25 тому назадъ я покупалъ на чувашскихъ базарахъ рябчиковъ по 4 коп. мѣди за штуку. Да и эта цѣна считалась тогда высокою: значитъ, прежде была еще ниже.

**) *Каясъ* — итти, а *костенесъ* если не русское *гостинецъ*, то не знаю что.

***) Не нѣсколько, а множество хлѣбцовъ, медъ и пиво. Но хлѣбцы играли особенно важную роль: они замѣняли у Чувашъ мѣсто нашихъ пригласительныхъ билетовъ.

Кладетъ, по словамъ Георги, *хлѣбы на столъ, идетъ въ баню, парится, моется, потомъ беретъ хлѣбы, да три ложки съ медомъ выходитъ на дворъ для жертвоприношенія Торъ и Торъ-амыжа* *). Авторъ очевидно хотѣлъ посмѣшить читателей, выставляя въ каррикатурномъ видѣ чувашскіе обряды: что же можетъ быть смѣшнѣе домохозяина и притомъ отца невѣсты, который до такой степени обрадовался гостямъ, что сей часъ же спѣшитъ укрыться отъ нихъ въ банѣ? Другой примѣръ. Георги разсказываетъ, что когда женихъ съ музыкою и съ пѣснями ведетъ свою невѣсту изъ дому ея родителей, то къ его поѣзду тотчасъ же, какъ взбалмошные, пристаютъ жители тѣхъ деревень, черезъ которыя ему лежитъ путь, *взявъ* однакоже для празднованія чужой свадьбы *собственные съѣстные и питейные припасы* **). Такъ и

*) Жертву эту приносилъ не невѣстинъ, а жениховъ отецъ и самъ женихъ. Для этой цѣли они наканунѣ поѣзда и должны были вымыться въ банѣ, потомъ пригласить къ себѣ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ односельцовъ, выбрать изъ нихъ дружку, поддружье и прочихъ поѣзжанъ, угостить какъ избранныхъ, такъ и все собраніе; а на другой день ѣхать къ невѣстѣ со всею свитою.

**) Авторъ и здѣсь передѣлалъ по своему сообщенныя ему свѣдѣнія. Дѣло вотъ въ чемъ: если женихъ былъ изъ одной деревни съ невѣстою, то поѣздъ его останавливался у нѣскольких ближайшихъ его родственниковъ, къ которымъ отъ него были посланы пшеничные сговореные хлѣбцы, и которые, угостивъ поѣзжанъ, приставали къ нимъ и отправлялись на брачный пиръ. Если же невѣста и женихъ были не изъ одного селенія, то свадебный поѣздъ дѣлалъ привалъ въ двухъ или трехъ лежащихъ на пути деревняхъ, у родныхъ или близкихъ знакомыхъ жениха, получившихъ отъ него въ знакъ приглашенія на свадьбу, и пшеничные хлѣбцы, и долженствовавшихъ на свадьбѣ отъ новобрачной получить либо шитую рубашку, либо другой какой-нибудь подарокъ. Угостивъ поѣзжанъ, они сами присоединялись къ поѣзду, захвативъ *для дороги* недопитое пиво и недоѣденныя яства. Вотъ и все! Теперь посмотрите, что изъ этого сдѣлалъ Георги?...

ждешь, что знаменитый натуралистъ прибавитъ: вѣдь Чуваши — не люди, а стадо овецъ, изъ которыхъ если одну принудите перепрыгнуть черезъ поставленную передъ нее палку, то непремѣнно станутъ на томъ же мѣстѣ прыгать и всѣ другія за ней идущія, хотя бы палки передъ ними уже не было. — Такія же невѣрности находимъ у Георги и въ описаніи чувашскихъ похоронъ и поминокъ. И о древней религіи чувашской онъ сообщаетъ свѣдѣнія очень скудныя, да вдобавокъ сбивчивыя. Онъ насчитываетъ 8 божествъ *добрыхъ*: *Тора*, *Тора-Амыжъ*, *Кереметь*??), *Пюлюкси*, *Херле-Сирь*, *Пигамбаръ*, *Сирь*, *Кебе*; а злыми божествами признаетъ: 1) *шойтана*, совершенно отдѣляя его отъ кереметн, 2) *лѣшаго*, называя его *обито* *). Чѣмъ отличается одно доброе божество отъ другого, какія характерическія свойства каждаго изъ нихъ, — объ этомъ не находимъ мы у автора ни полслова. Вообще Георги самый невѣрный, самый поверхностный описатель Чувашъ: онъ не выкупаетъ подобно Миллеру своихъ ошибокъ ни однимъ новымъ и дѣльнымъ извѣстіемъ **).

Фалькъ также не сообщаетъ ничего замѣчательнаго о Чувашахъ. Николай Петровичъ *Рычковъ* упоминаетъ о нихъ только мимоходомъ, повѣствуя очень подробно о Черемисахъ. Авторъ увѣренъ, что Чуваши, Черемисы и Вотяки суть коренные жители страны между Камою и Уральскими горами и что они суть прямые и законные потомки древнихъ Скиѳовъ и Сарматовъ***).

*) О богѣ *Обито* я ничего не слыхалъ отъ Чувашъ. Не принялъ ли Георги названіе обезьяны за названіе божка лѣсного. Обезьяна по чувашски — *обыде*.

**) Непонятно, какъ авторъ *Записокъ о Чувашахъ* могъ сказать: изъ всѣхъ писателей, повѣствовавшихъ о Чувашахъ, я почитаю Георгія лучшимъ. Стр. 121.

***) Рычкова: Журналъ или Дневныя Записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства. Стр. 29 — 30.

Иванъ Ивановичъ *Лепехинъ* вѣрно изобразилъ домашній бытъ Чувашъ*); только весьма немногія черты его изображенія относятся не ко всему этому народу, а принадлежатъ собственно тѣмъ Чувашамъ, которые живутъ по рѣкѣ Черемшану и которыхъ преимущественно наблюдалъ и изучалъ почтенный академикъ. Но въ описаніи обычаевъ этого народа онъ часто смѣшиваетъ Чувашъ съ Мордвою, и такъ какъ не все, что характеризуетъ послѣднюю, можетъ быть приписано и первымъ, то авторъ *или* ненамѣренно вводитъ читателя въ ошибку, заставляя его Чувашамъ приписывать обычаи мордовскіе, а Мордвамъ — чувашскіе, *или* намѣренно обобщаетъ нѣкоторыя описанія, сглаживаетъ рѣзкія, отличительныя народныя особенности, чтобы только поставить оба народа подъ одинъ уровень. *Перваго* рода ошибку находимъ въ статьяхъ автора, подъ рубриками: *о состояніи Мордвы и Чувашъ по крещеніи; объ обрядахъ при родинахъ; о свадьбахъ; о похоронахъ***). Читая эти статьи, незнакомый лично съ инородцами здѣшняго края не пойметъ, что въ нихъ относится къ Мордвѣ и что къ Чувашамъ. *Втораго* рода ошибку находимъ въ статьяхъ: *о коренной Чувашской и Мордовской вѣрѣ; о богомольныхъ обрядахъ; о времени богомолья; о частныхъ богомольяхъ; понятія о вѣрѣ****). Здѣсь авторъ торопливо отдѣлывается одними общими мѣстами, и, чтобъ быть вѣрнымъ своимъ рубрикамъ, опасается вдаваться въ частности, въ характеритескія особенности вѣрованія того и другого народа. Но то, въ чемъ дѣйствительно сходствовали Чуваши съ Мордвою и что равно принадлежало тому и другому народу, изображено у нашего автора почти во всѣхъ отношеніяхъ вѣрно. Таково, напр., его описаніе *кереметы*. Съ начала текущаго столѣтія у Чувашъ,

*) Дневныя Записки путешествія Ивана Лепехина. Ч. 1. стр. 117 — 154.

**) Дневныя Записки путешествія Лепехина ч. 1 стр. 168—178

***) Ibid стр. 162 — 167

говоря строго, уже не было кереметей: на нашей памяти этимъ именемъ назывались овраги и рощи, не отличавшіеся рѣшительно никакимъ особеннымъ признакомъ, свойственнымъ священному мѣсту. Не такъ было въ старину. Для любопытныхъ заимствуемъ изъ *Лепехина*, *Палласа* и *неизвѣстнаго* автора Сѣвернаго Архива описаніе устройства старинной кереметн. Но прежде всего скажемъ, что тѣ ошибаются, которые вмѣстѣ съ г-жею Фуксъ*) думаютъ, что кереметь у *Чувашъ есть тоже, что у насъ приходъ*, или вмѣстѣ съ Миллеромъ и Георги полагаютъ, что это есть мѣсто *всякаго торжественнаго* или *общественнаго* жертвоприношенія. — Нѣтъ, это мѣсто жертвоприношенія злымъ и *только злымъ* духамъ, потому что Торѣ и прочимъ добрымъ богамъ жертвы приносились или на открытомъ полѣ, или въ домахъ.

Кереметью или *ирзамомъ* по имени главнаго злого духа чувашскаго называлась четвероугольная площадь, огороженная заборомъ въ ростъ человѣческій; въ длину этотъ заборъ отъ запада къ востоку имѣлъ отъ 40 до 60 саженъ, а въ ширину отъ сѣвера къ югу — отъ 30 до 50 саженъ. Въ кереметн было трое воротъ: восточныя, западныя и сѣверныя. Въ сѣверныя приносилась необходимая для жертвоприношенія вода; въ западныя входили и выходили люди; а въ восточныя могли проходить только жертвенныя животныя. Совершивъ надъ ними входную молитву у восточныхъ воротъ, іомся и старѣйшины отводили ихъ къ сѣвернымъ. Здѣсь прежде всего водою испытывали достоинство жертвенныхъ животныхъ. На нихъ лили холодную воду до тѣхъ поръ, пока они своимъ трепетаніемъ доказывали присутствіе при нихъ кереметн и ея благоволеніе къ жертвѣ**). Узнавъ такимъ образомъ,

*) Записки о Чувашахъ, стран. 76.

**) Если послѣ всѣхъ обливаній животное не вздрагивало, то его зарѣзывали внѣ кереметн. Мясо его не считалось идоложертвеннымъ, хотя иногда съѣдалось и въ кереметн.

что животное пріятно кереметя, тотчасъ закалалали его, снимали съ него кожу, отдѣляли его голову и внутренности отъ жертвеннаго мяса и послѣднее раздѣляли на столько частей, сколько было богомольцевъ. Части эти по ихъ омытіи относились іомсею на жертвенникъ, который былъ не иное что, какъ столъ длиною отъ сѣвера къ югу въ полторы сажени, а шириною отъ запада къ востоку въ полтора аршина. Онъ устроивался обыкновенно по правую сторону западныхъ воротъ саженъ на шесть дальше отъ забора къ востоку. По обѣимъ сторонамъ жертвенника было врыто по два столба съ перекладинами, на которыя вѣшались котлы для варенія мяса жертвенныхъ животныхъ и которыя посредствомъ особыхъ отводинъ соединялись съ навѣсомъ, находившимся надъ жертвенникомъ. Чуваши вѣрили, что на жертвенникѣ во время ихъ молитвъ присутствуетъ Богъ, которому приносится жертва, а на отводинахъ его семейство. Моленіе начиналось тогда, когда іомси и старѣйшины опускали въ котлы съ водою мясо жертвенныхъ животныхъ, ихъ сычуги, наполненные жиромъ, крупою и кровью, соль и крупу, и когда дымъ отъ горящихъ подъ котлами дровъ сгущался около жертвенника. Положивъ шапки подъ лѣвую руку, Чуваши становились въ нѣсколько рядовъ около жертвенника и съ частыми поклонами просили *кереметь-отца*, *кереметь-мать*, *дѣтей кереметя* и *прочихъ злыхъ духовъ о помилованіи, объ избавленіи отъ горя, печали, болѣзней, отъ сухой бѣды* *).

---

*) *Сухая бѣда* (*шиpъ шаръ*) — всякое незаслуженное несчастіе, всякое бѣдствіе, котораго исходный пунктъ находился не въ волѣ и не въ дѣятельности бѣдствующаго. Засуха истребитъ прекрасные всходы хлѣба, лошадь падетъ у Чувашенина, корова сгибнетъ, умретъ безъ исповѣди старикъ-отецъ, старуха-мать, либо взрослый сынъ, мертвое тѣло, неизвѣстно какъ и откуда явится на сельскомъ погостѣ,—все это *сухая бѣда*. Но въ тѣснѣйшемъ смыслѣ техническій терминъ: *тащить* человѣку *сухую бѣду*, значитъ заставить его потерпѣть неза-

Моленіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока куски мяса обыкновенно очень большіе совершенно уваривались, а иногда и долѣе, смотря по распоряженію іомси, который провозглашалъ молитвы, повторяемыя народомъ. На западъ отъ жертвенника и отъ мѣста, гдѣ варилось жертвенное мясо, почти у самаго забора кереметя тянулось крытое зданіе, имѣвшее только три стѣны — западную, сѣверную и южную, а къ востоку совершенно открытое. Въ немъ Чуваши ѣли мясо жертвенное, сидя на лавкахъ, устроенныхъ вдоль западной и отчасти сѣверной и южной стѣны, и имѣя лица, обращенныя на востокъ, какъ и во время моленья. Черемисы имѣли обязанность съѣсть хоть черезъ душу все идоложертвенное. Чуваши напротивъ остатки жертвеннаго мяса уносили домой и изъ нихъ приготовляли ширтанъ. По окончаніи трапезы Чуваши сожигали на мѣстѣ жетрвоприношенія внутренности животныхъ и нѣкоторыя ихъ кости. На деревья, растущія въ кереметя, они вѣшали, какъ мы сказали выше, головныя и ножныя кости, и также кожи животныхъ, нѣкоторыя на время, а другія навсегда. Въ дупло одного или двухъ деревъ въ кереметя, а иногда и въ нарочно-устроенный для того ящикъ каждый приносящій жертву клалъ деньги, смотря по своему достатку. Деньги эти назывались *мамаля-окси* (*окси*, или *окея* отъ татарскаго *акча*, деньги, а *мамаля* — отъ арабскаго *малъ*, имущество, либо отъ словъ: *ма маля*, то, что имѣетъ кто-нибудь). Выходящія за мужъ дѣвки кромѣ обыкновенныхъ жертвъ приносили въ керемѣть и вѣшали на деревьяхъ по аршину холста своего тканья. Все имущество кереметя считалось священнымъ, неприкосновеннымъ; ни лѣсу рубить, ни травы косить, ни звѣрей бить въ ней не дозволялось. Смотрѣніе за цѣлостію и сохранностью ея поручалось обществомъ вы-

---

служенное парѣканіе, или, еще тѣснѣе, ни за-что, ни про-что отдать его подъ судъ, запутать въ судебное слѣдствіе.

борному, довѣренному человѣку, называвшемуся *кереметь-пыхананъ* (почетный смотритель керемети). Впрочемъ всѣ зданія, находившіяся въ ней, ни подъ какимъ предлогомъ не могли быть поправляемы или починиваемы: кажется, что дальновидные Чуваши опасались искушать безкорыстіе директоровъ или смотрителей керемети во вредъ ея пансіонерамъ *). Когда зданія керемети приходили въ совершенную вѣтхость, то іомси сожигали ихъ и потомъ приказывали построить новыя по образцу прежнихъ.

Многіе изъ стариковъ—Чувашъ помнятъ еще древнее устройство керемети. Къ нимъ-то обращался я съ моими распросами и недоумѣніями, когда находилъ разнорѣчіе у Палласа, Лепехина и неизвѣстнаго автора Сѣвернаго Архива.

Послѣдній изъ упомянутыхъ авторовъ есть также писатель XVIII вѣка и если не предшественникъ, то современникъ Палласа и Лепехина. Хотя статья его о *Чувашахъ* напечатана только въ 1827 году; но по увѣренію издателей Сѣвернаго Архива, которые уже сами подновили ея слогъ, она написана такимъ языкомъ, какимъ у насъ писали въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Не можемъ, да и не имѣемъ нималѣйшей причины не вѣрить свидѣтельству такихъ много-опытныхъ знатоковъ исторіи отечественнаго языка, каковы гг. Гречь и Булгаринъ, хотя и горько сѣтуемъ на нихъ *во первыхъ* за то, что они, плохо зная чувашскій языкъ, а можетъ быть (чего добраго!) и ничего въ

*) Миллеръ пишетъ, что Чуваши въ старину *мамаля-окси* употребляли между прочимъ *на общественныя расходы* (стр. 61). Можно догадываться, какіе это были общественные расходы. Калеки, бѣдняки, лишенные физической возможности добывать себѣ пропитаніе, называются у Чувашъ *мамаля*. Вѣроятно это названіе они получили отъ того, что значительная часть *мамаля-окси* шла на нихъ, какъ на пансіонеровъ керемети.

немъ не смысля, дозволили варвару-типографщику безпощадно изуродовать самыя благозвучныя, самыя отборныя Чувашскія фразы. А *во вторыхъ* за то, что они необъяснили, какимъ образомъ и отъ кого досталась имъ эта апокрифическая статья. А она стоила того: это есть лучшее произведеніе изъ всего, что доселѣ писано о Чувашахъ. Правда многіе обычаи, обряды и учрежденія, въ этой статьѣ упоминаемыя, теперь уже не существуетъ, — многія божества, о которыхъ она разсказываетъ, теперь уже забыты и некрещеными Чувашами; но тѣмъ-то въ особенности она и драгоцѣнна, что сообщаетъ намъ обстоятельныя свѣдѣнія о древнихъ обычаяхъ, о древней религіи этого народа. Авторъ не мимоходомъ взглянулъ на свой предметъ, какъ вышеупомянутые путешественники и нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей, но изучилъ его совершенно. Примѣтно, что онъ долгое время жилъ среди Чувашъ и былъ знакомъ съ ихъ языкомъ и притомъ съ ядринскимъ его нарѣчіемъ, какъ это доказываютъ нѣкоторыя грамматическія особенности его чувашскихъ фразъ. Обстоятельство не совсѣмъ маловажное: нарѣчіемъ этимъ говорятъ въ уѣздахъ ядринскомъ, буинскомъ, курмышскомъ и отчасти цивильскомъ, т. е., въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ Чуваши живутъ почти совершенно отдѣльно, не смѣшиваясь съ другими инородцами, и въ которыхъ долѣе, чѣмъ въ другихъ сохранялись старинные обычаи. Въ этихъ мѣстахъ не былъ ни одинъ изъ помянутыхъ нами академиковъ. Можетъ быть, и самыя мѣстныя условія знакомства нашего автора съ Чувашами, независимо отъ другихъ его преимуществъ, доставили ему возможность далеко подробнѣе и вѣрнѣе академиковъ описать этотъ народъ. — Для насъ особенно интересны его извѣстія о древней демонологіи Чувашъ. Онъ насчитываетъ добрыхъ Чувашскихъ боговъ до 31; но изъ этого числа двухъ боговъ гг. Гречь и Булгаринъ исключили, можетъ быть, за неблагозвучное, либо неразборчиво написанное ихъ названіе, а можетъ быть

и по своему убѣжденію въ томъ, что для каждаго порядочнаго язычника довольно уже и 29 боговъ*). Что касается до меня, то я, пожалуй, сократилъ бы и это число. Злыхъ боговъ у Чувашъ такъ много, что нельзя и перечислить ихъ именъ; авторъ ограничивается раздѣленіемъ ихъ на главныхъ, среднихъ и малыхъ. Нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ сказанія автора объ этомъ предметѣ, каковы, напр., толки его объ особой кереметн, подъ названіемъ *мамаля*, или повѣствованіе объ ирихѣ, или разсказъ объ апотеозѣ какого-то Чувашенина *Чемена*, который, сколько можно понять изъ словъ нашего автора, хотѣлъ между Чувашами разыграть роль возраждающагося Далай-Ламы или покрайней мѣрѣ Кутухты, — произошли или отъ того, что онъ недостаточно выразумѣлъ сообщенныя ему свѣдѣнія, или отъ того, что вдавался въ произвольныя ихъ толкованія. Но за то авторъ съ надлежащею подробностью и отчетливостію описываетъ, какая жертва приносилась тому или другому доброму богу и какая — злымъ. Я нарочно читалъ нѣкоторымъ старикамъ это описаніе: имена однихъ боговъ они совсѣмъ непонимали, названія другихъ смутно помнили. Но когда доходило дѣло до обрядовъ и жертвъ памятному или непамятному богу, то всѣ мои слушатели единогласно подтверждали совершенную справедливость словъ автора; только никакъ не могли повѣрить, чтобы это писалъ Русскій, а не Чувашанинъ и притомъ не *іомся*. Вотъ Вамъ и критика, да еще какая? Шутка-ли: писано самимъ *іомсей*?.. Да лучшей похвалы сочиненію на свѣтѣ, я думаю, и быть не можетъ!

Въ 1799 году изданъ на русскомъ языкѣ во многомъ противъ подлинника исправленный переводъ *Георгіева описанія всѣхъ*

---

*) Въ Сѣверномъ Архивѣ при исчисленіи Чувашскихъ боговъ, за *первымъ* и *вторымъ* прямо слѣдуетъ *пятый*. Впрочемъ знакомому съ чувашскою миѳологіею не трудно отгадать, какія именно божества здѣсь пропущены.

обитающихъ въ Россійскомъ Государствѣ народовъ. Здѣсь, въ статьѣ *о Чувашахъ*, исправлено очень не многое, а новыхъ невѣрностей внесено довольно. Такъ, напр., намъ разсказываютъ, будто *чукъ-тоата* по чувашски значитъ — разумный старикъ, будто *ой-чукъ* есть благодарственная жертва, приносимая въ *кереметии* (по-русски это выдетъ такъ: *полевая* жертва, приносимая *въ лѣсу*), будто у Чувашъ есть какіе-то кереметные праздники и т. д.

У Θедора Христіановича *Эрдмана*, въ его Beiträge zur Kenntniß des Innern von Rußland (изд. въ 1822 году) находимъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній о Чувашахъ. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ его физіологическія доказательства въ пользу предположенія, что Чуваши суть народъ финскаго происхожденія. Объ этихъ доказательствахъ мы будемъ говорить подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Въ 1829 году напечатаны были въ *Казанскомъ Вѣстникѣ* двѣ статьи о Чувашахъ; но въ обѣихъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Антагонизмъ обоихъ авторовъ обращенъ — на пустяки.

Въ *Статистическомъ описаніи Саратовской губерніи* Г. *Леопольдова*, изданномъ въ 1839 году, мы предполагали найти интересныя свѣдѣнія о Чувашахъ, потому-что саратовскіе Чуваши, живущіе въ уѣздахъ кузнецкомъ и петровскомъ, во многомъ, какъ мы слышали, разнятся отъ здѣшнихъ своихъ единоплеменниковъ. Но, увы! г. Леопольдовъ свою статью о Чувашахъ цѣликомъ взялъ, или, какъ нынѣ обыкновенно говорятъ, *завоевалъ* у описывавшаго нашихъ же Чувашъ *Палласа*, не чихнувъ даже ему въ знакъ благодарности. Это бы впрочемъ еще не бѣда, если бы г. Леопольдовъ только просто завоевывалъ, но посудите сами: онъ портитъ, онъ уродуетъ, онъ выворачиваетъ наизнанку бѣднаго

Палласа. *Въ Чувашахъ*, говоритъ г. Леопольдовъ, — *есть еще слѣды идолопоклонства. Они помнятъ боговъ своихъ: Кереметн, Азлыра, Кенира, Пюллыса, Сира, Сіюлегорена-Ирзене, Хилзира-Кебе* и пр. — Вотъ это и значитъ отподчивать пріятеля! *Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, который Чуваши называютъ Чухунасъ* (ужъ лучше бы: чухъ у Васъ)! *они приносятъ въ благодарность великую жертву, закалываютъ въ большомъ кереметѣ въ одно время лошадь, быка и барана.* — Это уже значитъ заколоть пріятеля. Но и этого мало г. Леопольдову. Потрудитесь припомнить замѣчаніе Палласа, что у многихъ боговъ Чувашскихъ есть жены и дѣти, и что къ такимъ (т. е., семейнымъ) богамъ Чуваши въ своихъ молитвахъ обращаются по трижды, призывая бога-отца, бога-мать и ихъ дѣтей. Вотъ какъ изуродовалъ это мѣсто г. Леопольдовъ: *примѣчанія*, говоритъ онъ, *достойно, что Чуваши называютъ* (у Палласа dreimal anrufen) *три*(???) *божества: Торъ или Кереметь-амъ — Богъ-Отецъ, Кереметь-Амже — Богъ-Мать, Кереметь-Цевли* (у Палласа: Üewli, правильнѣе, ывылъ-замъ) — *Богъ-Сынъ, впрочемъ не могутъ ни объяснить, ни доказать, откуда заимствовано и на чемъ основано понятіе объ этомъ.* — Въ одномъ только мѣстѣ г. Леопольдовъ говоритъ о Чувашахъ a sc. Палласъ сказалъ, что у большой части ихъ непремѣнно есть gute Federbetten, und nur die Aermsten schlafen auf Matten, welche sie von Wasserplumpen (typha pallustris) zu diesem und anderm ökonomischen Gebrauch verfertigen, — и это правда. Г. Леопольдовъ повѣствуетъ, что у Чувашъ постели скудныя, сплетенныя изъ травы, — и это, съ позволенія сказать, чистая ложь *).

Въ 1840 году изданы *Записки о Чувашахъ А. А. Фуксъ.* Я уже сказалъ мое мнѣніе о нихъ; не отказываюсь отъ него

*) Статистическое описаніе Саратовской губерніи Андрея Леопольдова. Ч. I. стр. 41 — 46.

и теперь. Книга г-жи Фуксъ въ свое время была пріятнымъ явленіемъ уже и потому, что подала О. И. Сенковскому поводъ написать рецензію, которая вышла (какъ это нерѣдко случается съ его рецензіями) дѣльнѣе самой книги. Но тѣже *Записки о Чувашахъ* ввели въ ошибки многихъ ученыхъ, на слово повѣрившихъ г-жѣ Фуксъ. Такъ еще очень недавно ученый оріенталистъ нашъ, П. С. Савельевъ, на основаніи сказаній нашей писательницы, вывелъ заключенія, которыхъ не хотѣлось бы видѣть въ такой прекрасной книгѣ, какова »Мухаммеданская Нумизматика«*). Вотъ почему я позволяю себѣ по временамъ дѣлать указанія на неточности и невѣрности г-жи Фуксъ. Вотъ почему и теперь считаю нужнымъ замѣтить, что напрасно мы стали бы искать у нея свѣдѣнія, которыя могли бы вести изслѣдователя къ серіознымъ, важнымъ выводамъ. Описать костюмъ чувашскій, потолковать съ апайкою о разныхъ житейскихъ мелочахъ, разсказать, какъ Чуваши принимаютъ и подчуютъ своихъ гостей, — это г-жа Фуксъ, пожалуй, исполнитъ ловко, граціозно и даже вѣрно, если только извѣстная по заволжью поэтическая муза ея не подброситъ ей подъ перо *краснаго словечка***). Но какъ скоро она начинаетъ го-

*) Объ этихъ заключеніяхъ мы еще поговоримъ въ своемъ мѣстѣ подробнѣе.

**) А *красныя словеса* у г-жи Фуксъ ни по чемъ Такъ напр. пріѣхавъ въ *Исенево*, — деревню, лежащую въ *двухъ* верстахъ отъ большой дороги и отъ самаго шумнаго въ чувашской сторонѣ, андреевскаго базара, г-жа Фуксъ говоритъ, что она заѣхала въ *глушь*, гдѣ чувашскіе *обряды совершаются гораздо смѣлѣе, нежели въ деревняхъ, лежащихъ при большихъ дорогахъ* (стр. 11). Развѣ это не поэзія? Не красное словечко? — О тойже деревнѣ, которая населена сплошь *одними Русскими*, г-жа Фуксъ говоритъ: *проѣздъ Русскаго мужика здѣсь диковина* (стр. 11). — Видите, какая эта поэзія: неподдѣльная, самородная, чистая, 84 пробы. — На стр. 58-й Г-жа Фуксъ говоритъ: *ежели у Чувашъ печется хлѣбъ, то они безпрестанно заглядываютъ въ печь, наблюдая, не тре-*

ворить о чемъ-либо серіозномъ, то сейчасъ обнаруживается, что это не ея сфера. Вотъ, напр., какъ она объясняетъ генетическое происхожденіе разныхъ чувашскихъ боговъ: *полудикій Чувашенинъ не можетъ имѣть понятія о происхожденіи вещей* (?), *не придавъ своимъ божествамъ мать, т. е., по нашему, природу*; далѣе: *Тора медлителенъ и не имѣетъ остраго зрѣнія* (sic!!!); *по той причинѣ у него есть помощникъ* (*пюллюхсъ*) и проч. — Сказавъ, что у Чувашъ *Тора — главный богъ, Тора-Аможе — мать его, Пиликсе-помощникъ Бога, пиликсе-аможе-мать его*, и перечисливъ названія еще 11 боговъ, изъ которыхъ у трехъ также есть матери, г-жа Фуксъ восклицаетъ: *какъ странно! у всякаго бога есть мать; я спрашиваю, кто отецъ? — они не знаютъ.* — Странно то, что этимъ и оканчиваются всѣ изслѣдованія ея о богословіи чувашскомъ, а не то, что Чуваши почти каждому богу даютъ мать. У нихъ, какъ и у другихъ восточныхъ народовъ, слова: *жена, супруга*, не употребляются, когда говорится о высшихъ лицахъ: *мать Тора, кереметн, пюлюхси*, — это эллиптическія выраженія, которыя должно переводить: *мать дѣтей Тора, кереметн, пюлюхси* и т. д., Со времени покоренія Русскими казанскаго царства Чуваши обоготворяли каждаго изъ нашихъ государей (падша), но супругу его называли не *падша-арымъ*, супруга государя, но *падша-амыжъ, мать государя*, т. е., мать дѣтей государя.

Говорить-ли мнѣ о статьѣ чебоксарскаго доктора *Кронгейма*: Die Tschuwaschen, помѣщенной въ Эрдмановомъ Archiv für wissenschaftliche Kunde von Rußland (1843, 1stes Heft). Это голосло-

---

снетъ ли у котораго корка, и ежели это случается, то тотчасъ изъ печи хлѣбъ вонъ и въ оврагъ. — Вотъ и это извѣстіе такъ и просится въ стихи и въ піитику г. Георгіевскаго для примѣра — чистаго вымысла. — Да всѣхъ поэтическихъ вымысловъ, разсѣянныхъ въ Запискахъ о Чувашахъ, — и не перечтешь....

вная и безсовѣстная выписка изъ записокъ г-жи Фуксъ, которая впрочемъ чрезъ то не только ничего не выигрыла, но напротивъ очень много потеряла, потому-что въ нѣмецкомъ переводѣ недостатки ея представляются еще выпуклѣе, чѣмъ въ русскомъ подлинникѣ. Вотъ вамъ и доказательство. Г-жа Фуксъ, также хорошо знающая бытъ Русскаго какъ и Чувашскаго человѣка, пріѣхавъ въ свою русскую деревню *Новинскъ*, описываетъ *капустку* и называетъ ее *народнымъ праздникомъ*, *принадлежащимъ собственно однимъ* (???!) *Чебоксарамъ и его уѣзду*. Ученый Кронгеймъ не понялъ, что у г-жи Фуксъ крестьяне русскіе и со словъ ея преподробно описываетъ *чувашскій* праздникъ — Das Kohl-Fest, праздникъ, котораго Чуваши знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ.— Даже и *семикъ* у г. Кронгейма чувашскій праздникъ.

Въ 1843 году издано *краткое описаніе суевѣрій Чувашъ* Александра Степановича Протопонова, — книжечка маленькая, крохотная и дѣльная на столько, на сколько можно быть дѣльной книженочкѣ въ 24 крошечныя страницы крупной и разгонистой печати.

Въ 1846 году въ Вашей газетѣ напечатана была прекрасная статья: *О религіозныхъ повѣрьяхъ Чувашъ*, Протоіерея Виктора Петровича Вишневскаго. Авторъ подробно описываетъ *нынѣшнія* повѣрья Чувашъ. Отъ древнихъ онѣ существенно отличаются тѣмъ, что въ нихъ всѣ божества сосредоточиваются въ одномъ Торѣ, и что свойства божественныя, прежде ѵпостасировавшіяся въ отдѣльныхъ божествахъ теперь перенесены на одного бога. Нынѣшнія религіозныя повѣрья чувашскія представляютъ собою чистый дуализмъ. Другими словами: Чуваши въ настоящихъ своихъ вѣрованіяхъ пришли къ той же точкѣ, съ которой началось развитіе ихъ религіознаго ученія. Вліяніе христіанскихъ понятій на нынѣшнія ихъ повѣрья—очевидно. Но ученый отецъ Вишневскій вовсе неконсеквентно вывелъ отсюда

мысль, будто и вся древняя религіозная система ихъ не иное что, какъ искаженіе христіанскихъ и мухамеданскихъ вѣрованій. Это слабая сторона превосходной во всѣхъ другихъ отношеніяхъ статьи достопочтеннаго отца протоіерея, который совершенно справедливо пользуется славою отличнаго знатока Чувашъ и ихъ языка. Объ его чувашской грамматикѣ и чувашскомъ словарѣ мы съ особеннымъ удовольствіемъ поговоримъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

VII.

Основываясь на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ неизвѣстнымъ авторомъ Сѣвернаго Архива, и на вѣрованіяхъ теперешнихъ некрещеныхъ Чувашъ, мы можемъ составить себѣ вѣрное и довольно подробное понятіе объ ихъ древней религіи.

У народовъ, чуждыхъ всякаго образованія, обыкновенно находимъ господствующимъ болѣе или менѣе грубый фетишизмъ. Но у Чувашъ нѣтъ ничего похожаго на этомъ первоначальный видъ языческой религіи; по крайней мѣрѣ ничто не напоминаетъ объ немъ изслѣдователю, разсматривающему внимательно и языкъ, и нравы, и повѣрья этого народа и сличающему свои наблюденія со сказаніями авторовъ, писавшихъ о Чувашахъ.

Едва-ли также можно предполагать, чтобы они первоначально обоготворяли однѣ силы природы. Божества — представители этихъ силъ входили въ ихъ религіозное ученіе по мѣрѣ того, какъ Чуваши дѣлались грубѣе и диче. Въ ихъ языческихъ повѣрьяхъ, какія намъ извѣстны, нельзя не различать два, такъ сказать, слоя, изъ которыхъ одинъ, первоначальный довольно чистъ и могъ принадлежать народу образованному, а другой, наносный грубъ и образовался отъ постепеннаго погруженія массы народа въ невѣжество и грубость.

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что у Чувашъ первоначально господствовалъ чистый дуализмъ, можетъ быть, заимствованный либо отъ послѣдователей древней зороастровой религіи, либо отъ сосѣднихъ нѣкогда Чувашамъ Хазаръ, исповѣдывавшихъ еврейскую, вѣроятно не совсѣмъ чистую религію. Дуализмъ этотъ состоялъ въ поклоненіи двумъ враждебнымъ одна другой божественнымъ силамъ, т. е., *Торѣ* и *шайтану*. *Тора* былъ богъ добра и свѣта; мѣсто жительства его — высочайшая область свѣта. *Шайтанъ* — богъ зла и мрака; мѣстопребываніе его — въ безднѣ, въ хаосѣ. Мнѣ нѣтъ никакой надобности объяснять Вамъ, любезнѣйшій Ал. Ив., титулатуру этихъ боговъ. Какъ старый и съ позволенія сказать закоснѣлый оріенталистъ, Вы очень хорошо знаете, что *шайтанъ* есть слово, извѣстное всѣмъ семетическимъ племенамъ, и безъ всякаго сомнѣнія имѣетъ свой корень въ еврейско-финикійскомъ *шатанъ* (противиться), откуда вышелъ и намъ извѣстный *сатана*. — Что касается до названія *Торы*, то онъ, какъ мнѣ кажется, не имѣетъ никакой связи съ скандинавскимъ Торомъ, хотя многимъ добрымъ людямъ страхъ какъ хочется вывести отсюда доказательство финскаго происхожденія Чувашъ, не смотря на то, что Норманны, у которыхъ точно былъ богъ Торъ, и Финны, вовсе не знавшіе Тора, отнюдь не одно и тоже. Скорѣе же въ чувашскомъ Торѣ можно слышать отголосокъ монголо-татарскаго *Тангри*, *Тари*; знающимъ языки чувашскій и татарскій очень хорошо извѣстно, что татарское *ан* и *а* въ чувашскомъ языкѣ по большой части переходятъ въ *о*.

Въ областяхъ какъ добраго, такъ и злого бога по вѣрованію Чувашъ были духи служебные. Изъ нихъ-то Чуваши въ послѣдствіи времени сдѣлали особенныя, самостоятельныя божества.— Такимъ образомъ изъ единаго добраго бога составилось нѣсколько боговъ, изъ которыхъ каждый представлялъ собою одно какое-

либо свойство прежняго, единаго добраго божества, и каждый носилъ названіе *Тора* съ прибавленіемъ свойства, имъ представляемаго. — Къ этимъ божествамъ присоединились потомъ и боготворенныя силы природы и за ними напослѣдокъ явились боги-покровители полей, домовъ, лѣсовъ, урочищъ и проч. — Все это было *регрессивнымъ* движеніемъ народа въ развитіи религіозномъ. И все это долженствуетъ служить доказательствомъ, что Чуваши нѣкогда были несовсѣмъ недоступны образованію, что ихъ жизнь и дѣятельность была далеко значительнѣе той, какую влачатъ ихъ настоящіе потомки...

Наконецъ вотъ какъ развѣтвился первоначальный дуализмъ этого народа.

Боги чувашскіе, какъ сказано выше, раздѣлялись на *добрыхъ* и *злыхъ*. Тѣмъ и другимъ приписывалась взаимная другъ отъ друга независимость. — Боги добрые подраздѣлялись на два разряда: а) на *небесныхъ*, или живущихъ на небѣ, и б) на *земныхъ*, имѣющихъ мѣстопребываніе на землѣ.

А) *Небесные добрые* боги были:

1) *Сюльди-Тора* высочайшій богъ. У него жена — *Сюльди-Торъ-амыжъ* и дѣти, *Сюльди-Торъ-ывыль-зэмъ*. Это самое верховное божественное семейство. — Предикатъ: *сюльди* происходитъ, какъ я полагаю, отъ татарскаго слова *юлдусъ*, звѣзда, по Чувашски *сюлдыръ*, по Черемиски *шюдыръ*. Въ такомъ случаѣ Сюльди-Тора будетъ буквальный переводъ еврейскаго *Іегова-Цебаотъ*, или по чтенію LXX *саваоѳъ*, богъ звѣздъ. *Сюльди-Тора* есть властитель и распорядитель всего надзвѣзднаго, духовнаго міра; съ земнымъ же онъ сообщается неиначе, какъ чрезъ посредство другихъ небесныхъ боговѣ.

2) *Сюдъ-Тунзы-Тора*, творецъ свѣта, богъ, во власти котораго посылать людямъ свѣтъ и теплоту.

3) *Чонъ-сiорадань-Тора*, (отъ персидскаго *джонъ*-душа,) богъ, дающiй младенцамъ души. Чуваши допускали предсуществованiе (praeexistentiam) послѣднихъ и вѣрили, что души человѣческiя сотворены высочайшимъ Богомъ *посредствомъ чонъ-сiорадань-Торы* и до соединенiя своего съ тѣломъ живутъ въ удивительно-прелестной, богатой и плодородной сторонѣ, лежащей къ юго-востоку отъ Чувашландiи.

4) *Асла-аддiй-Тора*, богъ грома и молнiи. *Асла-аддiй-Тора* до слова значитъ: *богъ-дѣдъ*. Отъ чего богъ грома и молнiи получилъ такое названiе, занимая ни чуть не первое мѣсто въ демонологiи чувашской, — неизвѣстно. Знаемъ только, что громъ и доселѣ у Чувашъ называется дѣдъ (*Асла-адiй*). Чувашскiя выраженiя *асла адiй аудать* (дѣдъ поетъ, или слышится), *асла адiй хыда аудать* (дѣдъ громко поетъ) значатъ: *громъ гремитъ*, *сильный громъ гремитъ*.

5) *Кебе*, судьба, (вѣроятно отъ арабскаго *кадза*, судьба, предопредѣленiе, рокъ), богъ, управляющiй всѣми земными и подземными дѣлами и особенно судьбами рода человѣческаго. Ему содѣйствуютъ два небесныя божества: *пюлюхси* и *пигамбаръ*.

6) *Пюлюхси* есть небесный богъ, который по назначенiю *Кебе* раздаетъ людямъ счастливые или несчастные жребiи, богатство или скудость земными благами. — Это семейный богъ, какъ и *Сюльдп-Тора*, т. е., у него есть жена и дѣти.—И корень и грамматическая форма слова: *пюлюхси* едва-ли могутъ быть объяснены изъ финскихъ нарѣчiй. Тутъ все намоминаетъ *семитизмъ* и *туреччину*. У арабскихъ писателей, на прим. у Лебида, слово *касимъ* употребляется въ смыслѣ бога-раздавателя счастливыхъ и несчастныхъ жребiевъ. У Шайха Саади въ его предисловiи къ Гюлистану Мухаммедъ носитъ также почетное прозванiе *касима* (раздѣлителя); а происходящимъ отсюда словамъ: *мукассаматъ*,

Аравитяне называютъ ангеловъ, имѣющихъ попеченіе о доставленіи людямъ насущныхъ благъ. Татары названіе *касимъ* буквально перевели словомъ *булюкчи* (отъ *бульмякъ*, раздѣлять). Чуваши по обыкновенію перемѣнили ненавистное *б* въ *п*, замѣнили окончаніе *чи**), означающее въ тюркскихъ нарѣчіяхъ дѣйствователя, производителя, владѣтеля, своимъ любимымъ партиципіальнымъ окончаніемъ *ссы* или сокращенно *си*, и вотъ изъ татарскаго *бюлюкчи* явился чувашскій *пюлюхси*. Черемисскій *пюлюкше*, духъ, ангелъ, очевидно взятъ у Чувашъ.

7) *Пигамбаръ*, богъ, по опредѣленію *Кебе* раздающій людямъ душевныя качества и сообщающій іомсямъ видѣнія пророческія.— Самое названіе этого бога, очевидно происходящее отъ персидскихъ словъ *пэйгамъ* (радостная вѣсть) и *бюрденъ* (нести), значитъ пророка. Присовокупимъ къ этому чисто-персидскому происхожденію *Пигамбара* и то весьма важное обстоятельство, что онъ былъ первоначально богъ и огня. Потомъ низвели его на степень бога пастуховъ и наконецъ понизили въ званіе покровителя скотовъ. Sic trangit gloria deorum paganorum! Отъ завѣдыванія прекрасными душевными качествами низойти до завѣдыванія скотами — шагъ нѣсколько крупноватый; намъ здается даже, что здѣсь между прочимъ должно искать новаго доказательства не прогрессивнаго, а регрессивнаго движенія религіознаго образованія у Чувашъ.

8) *Ира-Тора* богъ благодѣяній, покровитель жизни супру-

---

*) Наши существительныя, кончащіяся на *чій* или *чей*, составлены подъ очевиднымъ вліяніемъ семетизма. Таковы на пр. слова *казначей*, *кормчій*, *стряпчій*, *пѣвчій* и тому подобныя.— Первое изъ этихъ словъ даже есть чисто-арабское, происходящее отъ *хазана* (казна) и *чи* имѣющій, производящій.

жеской, семейной. Онъ устрояетъ браки, старается сдѣлать счастливою жизнь супруговъ и во всѣхъ отношеніяхъ обезпечиваетъ ихъ домашній бытъ.

9) *Перепеть-Тора,* его жена и дѣти. Это боги изобилія, преимущественно предъ другими многочадные. Во власти *Перепеть-Торы* давать людямъ изобиліе въ жизненныхъ потребностяхъ, въ счастливомъ поддержаніи супружества и преумноженіи земныхъ плодовъ. Онъ же оберегатель сохраняемыхъ въ землѣ кладовъ. — Названіе *Перепеть* есть очевидно арабское *берекетъ*; то и другое значитъ — изобиліе. Корень его въ еврейско-финикійскомъ *барахъ* или *баракъ*, что значитъ благословлять, обогащать.

10) *Хвель-Тора* богъ солнца, *Хвель-амыжъ*, его жена; *Хвель-ывыль-зэмъ* — его дѣти.

11) *Оихъ-Тора* его жена и дѣти. *Оихъ* по-чувашски значитъ мѣсяцъ, по-татарски онъ называется *Ой.*

12) *Пертерли,* богъ одновидный. Корень названія его заключается въ татарскомъ *беръ* (одинъ) и арабскомъ *тауръ* (видъ, разъ); а частица: *ли,* какъ извѣстно употребляется въ тюркскихъ нарѣчіяхъ для образованія именъ прилагательныхъ. Это богъ-покровитель мануфактурныхъ издѣлій. Онъ же употребляемую Чувашами пищу дѣлаетъ безвредною.

13) *Сюланъ,* отъ татарскаго *иланъ*, *джиланъ*, змѣй, богъ, летающій въ воздухѣ и сообщающій женщинамъ даръ плодородія.

14) *Сирь-асые,* его жена и дѣти. Это богъ создавшій землю. Земля по-чувашски *сирь,* по-татарски *ирь* или *джирь.*

15) *Силь-Тора*, его жена и дѣти. Это боги вѣтра (отъ чувашскаго *силь* или отъ татарскаго *иль*, что значитъ вѣтеръ).

16) *Сюрень-Тора* (*сюрень* или *сюренень* отъ чувашскаго *сюрясь*, имѣющаго корень въ татарскомъ *юрмакъ*, ходить, странствовать, гулять), богъ, странствующій по воздуху и подающій помощь тѣмъ, которыхъ постигаетъ непредвидѣнное, нечаянное и незаслуженное бѣдствіе. Въ особенности онъ покровительствуетъ странствующимъ по водамъ и спасаетъ утопающихъ.

17) *Херле-Сирь-Тора*, богъ красной, плодородной земли, т. е., оплодотворяющій землю.

18) *Хурбанъ-Тора* (отъ арабскаго *курбанъ*, жертва), богъ жертвоприношеній. Когда Чуваши хотѣли приносить жертву высшимъ небеснымъ богамъ, то прежде всего особымъ жертвоприношеніемъ просили Хурбана, чтобы онъ внялъ ихъ моленьямъ. Потомъ уже начиналось жертвоприношеніе въ честь высшимъ богамъ, къ которымъ одинъ только Хурбанъ-Тора могъ переносить молитвы жертвоприносителей.

19) *Алыкъ-озянь-Тора*, отворяющій двери небеснаго жилища боговъ, охранитель небесныхъ вратъ.

В) *Земными* добрыми богами считались:

1) *Сирди-падша*, *сирди-падша-амыжъ*, *сирди-падша-ывылъ-зэмъ*, земной царь, земная царица и дѣти ихъ. Язычествовавшіе Чуваши боготворили каждаго изъ земныхъ своихъ владыкъ, считая ихъ представителями высочайшаго бога и приписывая имъ чисто божественную натуру. На торжественныхъ жертвоприноше-

ніяхъ имя земнаго царя и его семейства произносилось въ молитвахъ сряду послѣ имени высочайшаго бога, прежде всѣхъ другихъ небесныхъ божествъ.

2) *Сіолъ-Тора*, отъ чувашскаго *сіолъ* или татарскаго *юлъ*, дорога, — богъ покровитель дорогъ и путешествующихъ по нимъ.

3) *Кильранъ-Тора* (отъ *киль* домъ), домовой.

4) *Кардранъ-Тора* (отъ *карда*, загородка, хлѣвъ, скотный дворъ) — покровитель и защитникъ домашнихъ животныхъ.

5) *Вурманъ-Тора* (отъ чувашскаго *вурманъ* или татарскаго *урманъ*, лѣсъ) — хранитель лѣсовъ, не имѣющій впрочемъ ничего общаго съ кереметью.

6) *Хирранъ-Тора* (отъ татарскаго *ккыръ*, поле, степь, откуда *киргизъ*, степной человѣкъ) — блюститель пашней и вообще полей.

Всѣ эти боги суть, какъ мы сказали выше, анализъ и представленіе разнородныхъ свойствъ одного, прежде обожаемаго Чувашами высочайшаго существа. Всѣ они составляли одну божественную семью. Доказательствомъ этому можетъ служить уже и то обстоятельство, что торжественныя молитвы у Чувашъ всегда сопровождались жертвоприношеніями и всѣмъ прочимъ добрымъ богамъ.

Изъ этихъ торжественныхъ жертвоприношеній два совершались въ полѣ: одно передъ *яровою*, другое — передъ *озимою* пашнею. Первое называлось *ой-чукъ*, полевая жертва, второе — *синзя* (недѣловая пора). То и другое совершалось *въ полѣ*, съ такими же обрядами, какъ и описанное мною кереметное жертвоприношеніе. Вотъ въ чемъ только разница: въ кереметномъ *чукѣ* не

бываетъ ни музыки, ни плясокъ. Напротивъ праздники *ой-чукъ* и *синзи* начинались музыкою и оканчивались пляскою и веселыми играми.

Третье жертвоприношеніе есть уже извѣстное Вамъ *Тора-тыра-жинъ чуклесъ*, моленье о хлѣбѣ. Оно отличается тѣмъ, что при немъ кромѣ добрыхъ боговъ призываютъ и злыхъ.

О четвертомъ жертвоприношеніи я потолкую особо, когда поведу рѣчь о поминовеніи усопшихъ.

VIII.

Въ седьмомъ письмѣ моемъ я сообщилъ Вамъ, любезнѣйшій А. Ив., перечень добрыхъ чувашскихъ боговъ. Число ихъ, какъ Вы изволили видѣть, не малое. Но *злымъ* богамъ ужъ и счета нѣтъ, и я затрудняюсь, какъ Вамъ передать понятіе о чувашской діабологіи или чертовщинѣ. Дѣло въ томъ, что добрые боги были одни и тѣже у всѣхъ Чувашъ, а злые напротивъ не вездѣ одни и тѣже. Каждая чувашская деревня кромѣ общихъ злыхъ духовъ признавала еще свои мѣстныя злыя божества, которымъ преимущественно и покланялась. Составить полную перечень ихъ нѣтъ никакой возможности, тѣмъ болѣе что число ихъ у некрещенныхъ, а отъ части и у нѣкоторыхъ крещенныхъ Чувашъ и теперь еще постоянно продолжаетъ увеличиваться. Извините же меня, почтеннѣйшій Ал. Ив., если въ настоящемъ письмѣ найдете далеко не полную перечень чувашскихъ злыхъ боговъ. Я по необходимости принужденъ ограничиться очеркомъ общаго ученія Чувашъ о злыхъ богахъ.

Я сказалъ уже, что въ древнемъ дуалистическомъ чувашскомъ вѣроученіи *шайтанъ* былъ злымъ началомъ. Но въ послѣдствіи времени понятіе о шайтанѣ подобно понятію о Торѣ распалось на нѣсколько частей: явилось множество злыхъ боговъ, которымъ всѣмъ приличествовалъ предикатъ шайтана. По мѣрѣ того какъ

Чувашенинъ погружался въ грубость и невѣжество, онъ старался приблизить къ себѣ какъ добрыя, такъ и злыя божества, окружать себя ими, внести ихъ въ сферу своей жизни, чтобы удобнѣе можно было имѣть сношеніе съ ними и умилостивлять ихъ. Такимъ образомъ два первоначальныя божества, Тора и шайтанъ, сдѣлались божествами абстрактными, неимѣющими совершенно ни какого сношенія съ людьми и съ міромъ видимымъ. Это сношеніе есть дѣло боговъ — творцовъ или представителей отдѣльныхъ силъ природы и боговъ, живущихъ на землѣ, добрыхъ и злыхъ.

Мы видѣли, что ближайшія къ высшему Богу, къ *Сіольди-Тора*, добрыя божества образовались изъ служебныхъ духовъ, созданныхъ первоверховнымъ добрымъ началомъ. Напротивъ въ области злыхъ боговъ служебныя существа, произшедшія отъ первобытнаго злого начала, занимаютъ низшее мѣсто; а высшее принадлежитъ существу по происхожденію доброму, но сдѣлавшемуся злымъ отъ стеченія различныхъ обстоятельствъ. Это высшее злое существо, первенствующее въ царствѣ злыхъ боговъ, есть *кереметь**) (вѣроятно, отъ арабскаго слова *гюреметъ*, означающаго все неприкосновенное, священное). Вотъ что расказываютъ Чуваши о происхожденіи этого грознаго существа:

Кереметью первоначально назывался сынъ верховнаго бога, первенецъ его. Люди, подстрѣкаемые шайтаномъ, убили его въ то время, когда онъ въ пышной колесницѣ, запряженной бѣлыми конями, разъѣзжалъ по землѣ, всюду принося съ собою плодородіе, обиліе благъ земныхъ, довольство, счастіе. Чтобы скрыть отъ верховнаго бога свое ужасное преступленіе, люди сожгли тѣло

*) Почитаніе кереметн вѣроятно уже отъ Чувашъ перешло къ Черемисамъ, Вотякамъ и нѣкоторымъ другимъ финскимъ племенамъ.

убитаго сына его и прахъ его развѣяли по вѣтру. Но тамъ, гдѣ палъ на землю этотъ прахъ, выросли деревья, а съ ними возродился и сынъ бога уже не въ одномъ лицѣ, но во множествѣ враждебныхъ человѣку существъ, которыя впрочемъ сдѣлались уже, такъ сказать, привязанными къ землѣ и лишились возможности жить въ сообществѣ съ добрыми небесными богами. Такимъ образомъ произошло множество кереметей; число ихъ размножилось потомъ еще болѣе, когда кереметы переженились и произвели отъ себя длинную вереницу потомковъ.

Вообще кереметь есть существо озлобленное, мстящее людямъ за свое убіеніе, за потерю права на небесное жилище, — существо, готовое поражать преступный родъ человѣческій всѣми возможными бѣдствіями и страданіями. Всякая невзгода, всякое частное и общественное бѣдствіе происходитъ отъ керемеми. Чуваши вѣрили, что люди давнымъ давно были бы стерты съ лица земли со всѣмъ ихъ имуществомъ, если бы только не умилостивляли кереметь жертвоприношеніями.

У каждой чувашской деревни непремѣнно была своя кереметь, въ многолюдныхъ селахъ ихъ было по двѣ, по три и болѣе. Названіе свое онѣ получали или отъ своихъ отличительныхъ свойствъ, или отъ деревни, либо отъ рѣки, къ которой прилежали, а иногда отъ имени іомси, либо старика, который первый посредствомъ пророческаго сновидѣнія или какимъ-нибудь другимъ чудеснымъ образомъ открывалъ кереметь въ томъ или другомъ мѣстѣ. Какъ скоро народонаселеніе въ той или другой деревнѣ умножается до такой степени, что количество пахатной земли оказывается недостаточнымъ для всѣхъ, и потому нѣкоторые изъ обывателей принуждены бываютъ выселятся на новыя мѣста; то и нѣкоторыя изъ кереметей или ихъ дѣтей переходятъ съ ними на эти новыя мѣста, поселяются въ близь ле-

жащихъ рощахъ и ѣздятъ оттуда каждую ночь въ великолѣпныхъ колесницахъ къ своимъ сродникамъ для свиданія*). — Каждая кереметь кромѣ дѣтей имѣетъ своихъ служебныхъ, также какъ и сама она, злыхъ духовъ, исполняющихъ ея приказанія.

Наиболѣе общими у Чувашъ были слѣдующія керемети:

1) *Асли-кереметь* (слово: *асла* по чувашски значитъ большой и имѣетъ свой корень въ арабскомъ *асли*, коренной, главный, знаменитый), главная, соборная кереметь. Въ частныхъ кереметяхъ, почитаемыхъ тою или другою деревнею, приносились по назначенію іомси жертвы, если эти семейства впадали въ какое-либо несчастіе. Но если Чувашъ постигало общественное бѣдствіе, напр., засуха, голодъ, моровая язва, то деревень до десяти и болѣе собирались по приглашенію іомсей въ главную или соборную кереметь, и съ описанными мною выше обрядами приносили ей въ жертву нѣсколько лошадей, три или четыре бѣлыхъ коровы и около дюжины овецъ также непремѣнно бѣлыхъ.

2) *Кюмюль-кереметь* (слово: *кюмюль*, происходящее отъ татарскаго *кюмушь*, значитъ серебро), серебреная кереметь. Если Чувашенинъ замышлялъ какую-либо спекуляцію, отъ которой надѣялся получить значительныя выгоды; то считалъ обязанностію предварительно умилостивить кюмюль-кереметь и принести ей въ даръ нѣсколько серебряныхъ монетъ или покрайней мѣрѣ тухлинокъ (оловянныхъ кружечковъ), чтобы она не обратила въ прахъ всѣхъ его разсчетовъ и чтобы не заставила вмѣсто ожидаемыхъ отъ предпріятія барышей понести значительный убытокъ.

3) *Пиликъ-тюбе-кереметь* (отъ *пиликъ*, пять, и *тюбе*, что и по-чувашски, и по-татарски значитъ холмъ, вершина), кереметь,

*) Сѣв. Арх. 1827. ч. XXVII. стр. 216.

расположенная на пяти холмахъ. Число пять у Чувашъ нѣкогда было, какъ кажется, священнымъ, и потому пиликъ-тюбе-кереметь пользовалась значительнымъ уваженіемъ. Ей въ жертву приносился бѣлый баранъ.

4) *Чиришлаварь-кереметь* (отъ *чиришъ*, ель), кереметь, находящаяся въ елевомъ лѣсу. Ей въ жертву приносился бѣлый баранъ и гусь.

5) *Херле-сирь-кереметь*, т. е., кереметь, отъ которой зависитъ плодородіе земли. Ее не должно смѣшивать съ добрымъ небеснымъ богомъ — *Херле-сирь-Тора*. Послѣдній старается оплодотворить землю, напротивъ первая усиливается лишить ее плодотворной силы. Чтобы предотвратить пагубныя слѣдствія тлетворнаго вліянія херле-сирь-кереметя на обработываемыя поля, каждый Чувашенинъ долженъ былъ черезъ каждые пять лѣтъ приносить ей въ жертву жеребенка. Раза два мнѣ случилось быть при такихъ жертвоприношеніяхъ, и въ оба раза я съ изумленіемъ слышалъ, что въ молитвахъ, обращаемыхъ къ херле-сирь-кереметя, Чуваши упоминали имя Николы-Торы, т. е., Николая Чудотворца. Никто не могъ объяснить мнѣ, какъ и почему въ эти именно молитвы включено имя христіанскаго святителя.

6) *Ывашъ-кереметь*, смирная кереметь. Если она и причиняетъ людямъ вредъ, то самый легкій и охотно вознаграждаетъ его, какъ скоро ей принесено будетъ какое-либо, даже мелкое животное. Это существо ни доброе, ни злое. Совершенную противуположность ей представляетъ —

7) *Хаяръ-кереметь*, злая кереметь. Это самое свирѣпое и самое грозное божество. Наноситъ людямъ всевозможныя бѣдствія

и страданія для хаяръ-кереметы — наслажденіе. Чтобы отклонить отъ себя караіющую ея руку надобно было принести ей въ жертву либо черную лошадь, либо чернаго быка, либо черную овцу, смотря по тяжести ниспосланнаго ею бѣдствія и по совѣту іомси. Но для того, чтобы Чувашенинъ могъ заставить ее покарать своего недруга, обрушить на его голову всѣ возможныя скорби и бѣдствія, не нужно было жертвсприношеній: ему стоило только явиться въ хаяръ-кереметь и съ извѣстными заклинаніями попросить ее наказать и даже, если нужно, умертвить его недруга, — и все исполнялось по его желанію. Заклинатель своими молитвами распалялъ ея гнѣвъ и ярость до такой степени, что она въ бѣшеномъ ослѣпленіи готова была поразить всякаго, кто попадется ей подъ руки. Горе Чувашенину, который будетъ находится въ хаяръ-кереметы или близь нея въ то время, когда заклинатель будетъ просить ее наказать своего врага! Ужасъ, внушаемый ею, былъ причиною того, что только весьма немногіе изъ Чувашъ осмѣливались являться предъ нее для заклинанія или призванія бѣдствій на своихъ враговъ. Большинство Чувашъ не знало даже, въ чемъ оно заключается, какія тайныя молитвы должны быть проговорены при этомъ случаѣ и какими символическими дѣйствіями должно сопровождаться произнесеніе этихъ молитвъ. Не думаю, чтобы и изъ Русскихъ многіе имѣли ясное и опредѣлительное понятіе о заклинаніи, можетъ быть, и потому уже, что оно всегда совершалось въ глубокой тайнѣ. По крайней мѣрѣ, я знаю, что изъ всѣхъ авторовъ, доселѣ писавшихъ что нибудь о Чувашахъ, ни одинъ ни слова не упоминаетъ объ этомъ предметѣ. Мнѣ случайно и вовсе неожиданно удалось быть свидѣтелемъ заклинанія.

Это было въ 1828 году. Я медленно тащился по проселочнымъ дорогамъ Чувашландіи. Цѣлію моею были два села, изъ

которыхъ въ одномъ я хотѣлъ получить должныя мнѣ однимъ духовнымъ лицемъ деньги, а въ другомъ — повидаться съ моими родственниками. Къ послѣдней цѣли я былъ уже близокъ; мнѣ оставалось сдѣлать до нея не болѣе шести верстъ. Но на пространствѣ этихъ шести верстъ почти вплоть до селенія, въ которое лежалъ мой путь, съ большими перерывами тянулся густой лѣсъ. Прекрасный іюльскій вечеръ, прескверная проселочная дорога, которая дѣлалась тѣмъ хуже, чѣмъ больше мы углублялись въ лѣсъ, усталость моихъ коней, а пуще всего обиліе малины въ этомъ лѣсу — всѣ это вмѣстѣ заставило меня вылезать изъ кибитки. Я велѣлъ моему ямщику, *Нягосю* (Егору) ѣхать, какъ можно тише, и самъ пошелъ лѣсомъ, собирая мѣстами малину. Примѣръ мой соблазнилъ и Нягося: онъ по временамъ останавливалъ лошадей, сходилъ съ козелъ и также собиралъ малину. Видя, что онъ меня не торопитъ, я углубился въ лѣсъ болѣе, нежели на двѣсти шаговъ отъ дороги. Наполнивъ бурачокъ ягодами, я собирался было вытти на дорогу, какъ вдругъ замѣтилъ шагахъ въ 20-ти отъ меня одного знакомаго мнѣ Чувашенина *Козюшку* (Касьяна). Онъ, пересѣкая мнѣ дорогу, торопливо пробирался въ глубь лѣса. На немъ, какъ говорится, лица не было. Я зналъ, что онъ считался *вобуромъ* *), и за то не рѣдко подвергался тяжкимъ оскорбленіямъ отъ своихъ односельцовъ. Мнѣ представилось, что измученный этими оскорбленіями, онъ по примѣру многихъ своихъ соплеменниковъ хочетъ наложить на себя руки и теперь пріискиваетъ себѣ мѣстечко, гдѣ бы удобнѣе, покойнѣе и безпрепятственнѣе было удавиться. Я тихонько пошелъ за нимъ въ намѣреніи кликнуть Нягося, если мое предположеніе окажется справедливымъ,

---

*) *Вобуръ* у Чувашъ тотъ, кто скрадываетъ и съѣдаетъ мѣсяцъ. Слово это очевидно происходитъ отъ татарскаго *убыръ* — колдунья, вѣдьма, ягая баба. Отсюда же вѣроятно ведетъ свое начало и малороссійскій *упырь*.

и общими силами удержать сумасброда отъ самоубійства Но скоро обнаружилось, что Казюкъ спѣшилъ не къ петлѣ. Онъ вышелъ на небольшую поляну, сбросилъ съ головы шляпу и грянулся оземь, произнося вполголоса какую-то молитву. Вставши на ноги, онъ распоясался, скинулъ рукавицы, кафтанъ, рубашку, снялъ съ ногъ лапти и онучи и остался, въ чемъ мать родила. Нѣсколько времени онъ совершенно нагой стоялъ и шепталъ что-то про-себя, вперивъ глаза на востокъ и изрѣдка покачивая головою. Потомъ вдругъ завылъ дикимъ, пронзительнымъ, раздирающимъ душу голосомъ. Вопли его прерывались восклицаніями: *Халрь-кереметь! озаль кереметь! Манынь сумахь ильделе! чазрахь тыдь она, виллярь она*, т. е., *злая кереметь, лихая кереметь! услышь мою молитву, немедленно излови, умертви его!* — Произнося эти слова, онъ рвалъ на себѣ волосы, валялся по землѣ, кувыркался, руками и зубами рылъ землю, судорожно корчилъ руки и ноги, скрежеталъ зубами. Этотъ дикій вой, это кувырканье, эти заклинанія продолжались съ полчаса времени. Не будучи замѣчаемъ Казюкомъ, я смотрѣлъ на это изъ-за густого орѣховаго куста, и, признаюсь, въ жизнь мою не видывалъ человѣка въ подобномъ отвратительно-странномъ положеніи. Глаза налились кровью и сверкали, какъ горячіе уголья; пѣна клубомъ билась изо рта; волосы на головѣ и бородѣ были всклочены и осыпаны землею; лицо, руки, ноги и вообще все тѣло исцарапано до крови и покрыто пылью и грязью.

Окончивъ заклинанія, Казюкъ всталъ, опять что-то прошепталъ, поклонился въ поясъ на востокъ и, поспѣшно надѣвъ на себя рубашку и обувшись въ лапти, захватилъ въ охабку всю остальную свою одежду, и стремглавъ бросился изъ лѣсу. Окликать и останавливать его съ моей стороны было бы величайшимъ неблагоразуміемъ: въ бѣшеной ярости своей, онъ могъ бы принять

меня за своего врага и задушить въ одинъ мигъ. Я неподвижно простоялъ за кустомъ до тѣхъ поръ, пока замолкъ шелестъ его шаговъ. Вышедши на большую дорогу, я не нашелъ уже тамъ моего Нягося и принужденъ былъ около пяти верстъ итти пѣшкомъ. По прибытіи въ село я узналъ, что Нягось въ совершенной исправности сдалъ моимъ роднымъ принадлежащія мнѣ вещи, но никакъ не хотѣлъ дожидаться расплаты и уѣхалъ въ свою деревню, лежащую въ двухъ верстахъ отъ села. — Почему бы ему не подождать меня? — спросилъ я у моей сестры.

— До того-ли ему. Онъ чуть живъ; лихорадка такъ подымя и треплетъ его....

— Какъ лихорадка? Да онъ часа полтора тому назадъ былъ здоровъ, какъ быкъ.

— Ну, вотъ! ты еще станешъ спорить. Я говорю тебѣ, что онъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ. Бѣдный Нягось около трехъ лѣтъ не бывалъ въ Казани, которую я съ твоего позволенія считаю резиденціею всѣхъ красавицъ — иродовыхъ дочерей, и съ непривычки къ тамошнему климату схватилъ лихорадку. Вотъ и все!

Слова сестры моей были подтверждены свидѣтельствомъ людей, принимавшихъ отъ Нягося мои вещи.

Дней черезъ пять я увидалъ моего ямщика въ церкви. По всему видно было, что онъ едва успѣлъ избавиться отъ тяжкой, изнурительной болѣзни. Я велѣлъ ему притти къ себѣ для разсчету.

— Что это тебѣ вздумалось бросить меня въ лѣсу? — спросилъ я Нягося, отдавая ему слѣдующія по разсчету деньги.

— О, *тибь болдырь* *). Тутъ стоять бы намъ не надо. И я, дуракъ, забудь, что тутъ недалеко хаяръ-кереметь. Право *ухмакъ* (дуракъ). Надо бы ѣхать, да ѣхать. И здоровъ бы я былъ, и кереметь бы меня не ломала, и черный быкъ мой былъ бы цѣлъ....

— Тебя ломала кереметь?

— Какъ же? Только я услышалъ вой въ кереметѣ, какъ она и напала на меня, да и ну корчить всѣ мои суставы такъ, что я совсѣмъ *аптраль* (изъ силъ выбился). Я не помню, какъ пріѣхалъ сюда, отдалъ твои *ябалы* (вещи), какъ вернулся домой и пролежалъ на печи, говорятъ, двое сутокъ. Ужъ Илюкъ-іомся пришелъ къ намъ, велѣлъ заколоть чернаго быка, сдѣлать *чукъ*. Ну кереметь и отступила отъ меня. Вотъ теперь я и пришелъ кончить чукъ, *кюдесра-Тора* **) *сіорда лардасъ*, иконѣ (обыкновенно,

*) *Тибь болдырь* — бранная поговорка, въ родѣ нашей: *чортъ возми*! Слово *тибь* очевидно не иное что, какъ арабское *тэббъ*, погибель. И у Арабовъ есть поговорка: *тэббълека*; она значитъ: гибель тебѣ, пропадай ты! Слѣд. чувашское присловье: *тибь болдырь* до слова значитъ: гибель да будетъ!

**) *Кюдесра-Тора* буквально значитъ богъ угла, т. е., икона, образъ, обыкновенно находящійся въ переднемъ углу избы. Священники чувашскіе всегда настаивали на томъ, чтобы въ каждомъ домѣ непремѣнно была икона. Чувашамъ это очень не нравилось. Они думали, что иконы находятся въ какомъ-то таинственномъ сношеніи со священниками и сообщаютъ имъ обо всемъ, что дѣлается у нихъ въ домахъ. Случалось, напр., что священникъ по запаху въ избахъ узнавалъ, что Чуваши ѣли скоромное въ постные дни и за то порядкомъ пожуривалъ своихъ духовныхъ дѣтей. Чуваши думали, что это икона передаетъ все священнику, и потому желая полакомиться скоромнымъ въ постный день во время обѣда или ужина обращали икону ликомъ къ стѣнѣ: не увидитъ-де и не скажетъ бачкѣ!

Спасителя, либо Николая Чудотворца) свѣчу поставить. А все этотъ, *тибь болдырь*, проклятый *тогатмышъ*!!..

— Тогатмышъ? что это за тогатмышъ?.

— Да вотъ колдунъ, что въ хаяръ кереметн намаливаетъ на другихъ болѣзнь и даже смерть....

— Стало быть, Казюшка не только *вобуръ*, но и *тогатмышъ* (заклинаталь, намаливатель)?..

— А такъ это былъ Казюшка? *Хопланна* (пострѣлъ)! *Сысна-сюри* (свиной сынъ, поросенокъ)!!

— Да, это былъ Казюшка, твой *хорондашъ* (родственникъ) и *досъ* (другъ). Можешь быть увѣренъ, что онъ не на тебя намаливалъ и что ты перепугался совершенно по-напрасну. Болѣзнь твоя произошла не отъ кереметн и не отъ тогатмыша, а отъ суевѣрнаго, пустого страху и отъ сильнаго душевнаго потрясенія...

— Эхъ, *оксахъ* (хромой), какъ ты не знаешь, что хаяръ-кереметь, когда ее намаливаютъ, злится на всякаго, кто находится близь нея, корчитъ его, ломаетъ, а подъ часъ и совсѣмъ карачунъ ему даетъ (умерщвляетъ)?

— Но вѣдь я самъ былъ не только близь кереметн, какъ ты, но въ самой кереметн, стоялъ въ двадцати шагахъ отъ Казюшки во все время, пока онъ намаливалъ, все видѣлъ и все слышалъ. Отъ чего же со мною ничего не сдѣлала твоя мнимая хаяръ-кереметь?

Казалось, возраженіе мое смутило Нягося: онъ призадумался. Я рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ убѣдить моего пріятеля въ неосновательности его религіозныхъ убѣжденій.

— Послушай, Нягось, — сказалъ я, — ты малый умный и, можно сказать, дошлый: не разъ ходилъ бурлачить на Волгу: два года былъ въ Сундырѣ работникомъ у богатаго и смышленаго русскаго крестьянина; три года держалъ ямъ въ Чебоксарахъ, однимъ словомъ, обтерся между Русскими. Тебѣ-то именно и сдыдно было бы вѣрить въ такіе пустяки, какъ кереметь. Ну что это за злой богъ, который караетъ да милуетъ однихъ Чувашъ, Черемисъ и Вотяковъ, а къ Русскимъ, къ Татарамъ и къ Нѣмцамъ и подступить не смѣетъ? Если бы онъ точно существовалъ, то могъ бы карать всѣхъ людей. Да и за что онъ по вашему мнѣнію васъ наказываетъ? Посуди самъ: неужели ты столько виноватъ и грѣшенъ потому, что невзначай услышалъ вой какого-нибудь сумасшедшаго Казюшки? Такъ могутъ говорить только ваши дураки-іомси, эти плуты, обманщики, объѣдалы, которымъ при чукахъ только бы попировать на чужой счетъ. А такой умный человѣкъ, какъ ты, долженъ быть увѣренъ, что кереметь есть выдумка іомсей, вздоръ, пустяки, небывальщина...

— *Чимъ-ла, оксахъ* (погодика-ка, хромой), сердито перебилъ меня Нягось. — Ты не грѣши: грѣшить не надобно. Чего незнаешь, о томъ не калякай. Ты не видалъ кереметя, такъ и говоришь, что ее нѣтъ, а я видѣлъ ее самъ.

— Во снѣ?

— Нѣтъ, видѣлъ на яву, вотъ этими глазами, видѣлъ самоё хаяръ-кереметь, какъ тебя теперь вижу.

— Гдѣ же, когда и какъ это было?

Сначала мой Нягось зартачился было и не хотѣлъ отвѣчать на мои вопросы. Но добрый стаканъ водки развязалъ ему языкъ.

— Лѣтъ семь тому назадъ, — началъ Нягось, — я ѣхалъ домой со свадебнаго пира отъ одного моего доса, который женилъ тогда сына. Мнѣ надобно было либо сдѣлать большой крюкъ, либо проѣхать лѣсомъ, мимо хаяръ-кереметь. Начинало уже смеркаться, и я рѣшился на послѣднее. Недоѣзжая сажень около полтараста до кереметь, вдругъ вижу карету, большую, черную, блестящую. Ее везли десять черныхъ, какъ смоль, лошадей. Я заранѣе своротилъ съ дороги и остановился въ сторонкѣ, снявъ изъ уваженія къ хозяину кареты, который могъ быть и самъ исправникъ, — шапку, и привставъ на корточки. Въ это самое время изъ каретнаго окошка высунулось лицо сѣдока. Уфъ!!! это была сама хаяръ-кереметь, точь въ точь такая, какъ сказывалъ объ ней Семка іомся. Я чуть не померъ отъ страха. А помню и лицо и платье ея. Рыло у нея продолговато; борода большая, висящая сплетшимися прядями на подобіе сосулекъ; на головѣ красный колпакъ, сквозь который торчали козьи рога и на каждомъ изъ нихъ привѣшено по звонкому колокольчику; глаза ея сверкали, какъ молнія; кафтанъ на ней былъ красный, какъ огонь. Ужасъ мой увеличила моя лошадь: она затряслась, зафыркала, начала бить ногами. Когда карета приблизилась ко мнѣ, я чуть живой упалъ ницъ на телегу. Звонъ колокольчиковъ, шумъ, хлопанье кнутами, крикъ, вопли, съ которыми ѣхала кереметь, едва не оглушили меня и долго отзывались въ ушахъ моихъ и послѣ того, какъ она далеко умчалась отъ меня. Совершенно разслабленный, чуть владѣя руками и ногами, я кое-какъ добрался до нашей деревни, — и прямо къ Семкѣ-іомсѣ. Тотъ велѣлъ мнѣ сдѣлать чукъ чернымъ бараномъ; а у меня были только бѣлые. Дѣлать нечего:

заплатилъ за барана втридорога*) и принужденъ былъ на этотъ годъ отказаться отъ намѣренія купить себѣ третью лошадь. *Акъ минь больчеманъ-би* (вотъ что случилось сомною)!!..

— Вѣрю Нягось, что все это правда. Но вѣдь ты говоришь, что ѣхалъ со свадебнаго пира?

— *Сяпла* (да)!!

— Ну а на свадьбѣ, чай, было довольно и пѣто, и пито? Я думаю, и ты на свою руку не положилъ охулки, и *перь-такъ усре болдынъ* (былъ немножко пьянъ)?

— *Болмазыръ* (какъ не быть)?...

— И выѣхавши отъ доса думалъ, что дорога твоя будетъ лежать мимо хаяръ-кереметы, и заранѣе ожидалъ встрѣтить на ней что-нибудь необыкновенное?

— Да какъ же и недумать объ этомъ? Вѣдь хаяръ-кереметь — не свой братъ.

— Ну, такъ видишь ли: можетъ быть, и дѣйствительно ты встрѣтился съ какою-нибудь колымагой или каретой, въ которой сидѣлъ такой же человѣкъ какъ ты и я, а *санынъ чонъ*, твоя душа, твое воображеніе, разгоряченное виномъ, представило тебѣ этого человѣка въ такомъ именно видѣ, какъ Семка-іомся когда-то

*) Если назначенное іомсею для жертвы животное Чувашенинъ долженъ былъ купить, то не могъ ни подъ какимъ видомъ торговаться съ продавцомъ. Надобно было непремѣнно заплатить столько, сколько послѣдній запроситъ: иначе жертва будетъ недѣйствительна. Нужно ли сказывать, что продавцы скота, особеннно русскіе, мастерски умѣли пользоваться этимъ обстоятельствомъ и набивать свои карманы, благодаря суевѣрію Чувашъ?

описывалъ тебѣ хаяръ-кереметь. Все необыкновенное въ этомъ очень обыкновенномъ событіи тебѣ, хмѣльному, почудилось, померещилось. Вотъ и вся недолга!

Нягось, непостигавшій и возможности сомнѣваться въ дѣйствительности своего чуднаго видѣнія, слушалъ меня, разинувъ ротъ, выпуча на меня свои большіе черные глаза, и наконецъ изъ своего довольно благообразнаго лица сдѣлалъ такую забавно-уморительную рожу, что я покатился со смѣху. Оскорбленный этимъ, онъ махнулъ рукою и вышелъ отъ меня, сильно хлопнувъ дверью. Съ тѣхъ поръ я никакъ и ничѣмъ не могъ заставить его толковать со мною о старой чувашской вѣрѣ.

Припоминая теперь это событіе, я невольно прихожу къ вопросу: какъ это случилось, что большинство Чувашъ теперь трактуетъ кереметь, какъ мечту, какъ заблужденіе своихъ предковъ? Прежніе ли Чуваши были ужъ черезъ чуръ глупы, или нынѣшніе въ двадцать лѣтъ успѣли слишкомъ много поумнѣть? Ни то, ни другое. Дѣло, кажется, было вотъ какъ: Русскіе по распоряженію правительства вырубили кереметы. Сначала Чуваши съ ужасомъ смотрѣли на это богопротивное по ихъ мнѣнію оскорбленіе святыни и были увѣрены, что боги сами накажутъ дерзкихъ оскорбителей кереметы. Но когда кереметы были вырублены, а истребители ихъ остались здравы и невредимы; то вѣра большинства Чувашъ сначала въ неприкосновенность, потомъ въ святость, а наконецъ и въ существованіе кереметей поколебалась въ самомъ основаніи своемъ. Вотъ сто-первое доказательство той истины, что въ дѣлѣ истребленія суевѣрій argumenta ad hominem гораздо важнѣе и дѣйствительнѣе всѣхъ установленныхъ и отвлеченныхъ доказательствъ, какъ бы послѣднія ни были основательны и консеквентны!

Обращаюсь къ прочимъ злымъ богамъ, которые по прямой линіи происходятъ уже отъ шайтана. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаетъ. —

1) *Есрель*. Это есть не иное что, какъ арабскій *Азраилъ*, ангелъ смерти. *Есрель* по мнѣнію Чувашъ поражаетъ людей и животныхъ внезапною, но тѣмъ не менѣе мучительною смертію. Онъ независимо ни отъ какого другаго божества, по своему личному усмотрѣнію губитъ людей и выборъ его падаетъ на тѣхъ, которые не приносятъ ему жертвъ. *Есрелю* Чуваши приносили въ жертву черныхъ барановъ въ такомъ количествѣ, какое назначалъ іомся. Притомъ барановъ этихъ не кололи, не ѣли и даже шкуръ съ нихъ не снимали; но, разрубивъ каждаго изъ нихъ на три части, оставляли въ лѣсу или въ оврагѣ, смотря по указанію іомси, въ пищу самому Есрелю.

2) *Аръ-сюри*, лѣшій. Слово это происходитъ отъ татарскаго *аръ* или *еръ*, мужъ, и *юри*, ходящій или *юрмакъ*, ходить. *Аръ-сюри* не убиваетъ людей, подобно Есрелю, а только поражаетъ ихъ разными болѣзнями, производитъ въ нихъ разслабленіе, онѣмѣніе членовъ. Онъ живетъ въ лѣсу и часто кричитъ въ немъ филиномъ. Къ селамъ и деревнямъ *Аръ-сюри* не смѣетъ приближаться, потому-что боится собакъ, которыхъ у Чувашъ всегда бываетъ множество. Видомъ онъ похожъ на стогъ сѣна и особенно отличается большими глазами (*кабанъ-бекъ-корнать*). Ему въ жертву приносятся блины, игтечи, хлѣбъ и пиво: все это ставится въ опредѣленномъ іомсею мѣстѣ въ пищу лѣшему.

3) *Ирихъ*, божество, насылающее на людей разныя наружныя болѣзни, какъ-то: оспу, корь, чирьи, коросты, глазную боль и проч. Кого постигаетъ одна изъ такихъ болѣзней, тотъ долженъ принести ириху въ жертву гороховой кисель и нѣсколько

ягнятъ по назначенію юмси. У одного изъ ягнятъ отнимаютъ голову и кладутъ ее въ особый кузовъ, который обыкновенно вѣшается въ углу амбара, украшается разными вѣтвями, блесками и мелкими серебряными деньгами, и который называется также *ирихомъ* и служитъ предохранительнымъ средствомъ отъ вышеупомянутыхъ болѣзней.

4) *Ий-э*, домовой, существо, не столько злое, сколько насмѣшливое. Оно живетъ въ домахъ подъ печками и въ баняхъ. Въ послѣднихъ оно повыраженію Чувашъ играетъ съ людьми, сталкиваетъ ихъ съ полковъ, вывихиваетъ имъ руки, дѣлаетъ глаза ихъ роскосыми. Но оно же и обогащаетъ Чувашенина, умножаетъ его скотъ, хранитъ его домъ отъ огня, покровительствуетъ его пчеловодству, заботится объ его торговыхъ оборотахъ. Ему-то въ жертву Чуваши во время домашнихъ жертвоприношеній бросаютъ на печь кусочки хлѣба, игтеча и проч.

Оканчиваю этимъ мой разсказъ о демоногогіи чувашской. Въ слѣдующемъ письмѣ постараюсь изложить понятія Чувашъ о происхожденіи человѣка и о будущей жизни.

IX.

.....Космогоническія понятія Чувашъ довольно сбивчивы и неопредѣленны. Если вы обратитесь къ ихъ старымъ іомсямъ съ вопросомъ о происхожденіи міра, то услышите самые разнорѣчивые толки. Кажется что космологическое ученіе ихъ измѣнялось съ измѣненіемъ ученія о самыхъ богахъ. Держась строгаго дуализма, они вѣрили, что миръ видимый также вѣченъ, какъ вѣчны Тора и шайтанъ, что вселенная искони служитъ поприщемъ, на которомъ происходило, происходитъ и вѣчно будетъ происходить столкновеніе и борьба этихъ двухъ враждебныхъ божествъ. Вотъ почему неизвѣстный авторъ Сѣвернаго Архива замѣчаетъ, что вселенная и стихіи по словамъ *нѣкоторыхъ* престарѣлыхъ жрецовъ чувашскихъ не сотворены никѣмъ, а суть *вѣчно пребывающія и непостижимыя* *). Тоже можете и теперь услышать отъ *нѣкоторыхъ* и изъ нынѣшнихъ некрещенныхъ Чувашъ, вѣрныхъ стародавнему ученію. — Но когда изъ дуализма образовалась система многосложнаго политеизма, то почти каждому изъ главныхъ боговъ большинство Чувашъ стало приписывать созданіе той или другой части вселенной. Такъ *Сюльди-Тора* по ихъ мнѣнію сотворилъ звѣзды и небесное жилище боговъ; *другой* верховный богъ, *Сюдъ-Тунзы Тора*, по волѣ *Сюльди-Торы* создалъ свѣтъ, *Хвель-*

*) Сѣв. Арх. 1827 г. Ч. XXVII, стран. 216.

Тора — солнце, *Сирь-Асиь* — землю, *Оихъ-Тора* — луну, *Силь-Тора* — вѣтеръ и т. д. — Наконецъ въ новѣйшее время, когда всѣ означенныя божества подъ вліяніемъ христіанскихъ понятіи снова слились въ одно божество, называемое *Сюльди-Тора*, *Сюдъ-сяндалыкъ тыдананъ* (содержащій вселенную), *Мунъ-ира-Тора* (вышній богъ благодѣяній), *Сюдъ-сюльде-вырдананъ* (въ верховномъ свѣтѣ почивающій), то уже одному этому Богу стали приписывать какъ сотвореніе всего, что̀ существуетъ во вселенной, такъ и промышленіе о ней.

Гораздо определительнѣе и постояннѣе было ученіе о происхожденіи человѣка и его назначеніи. По мнѣнію Чувашъ люди созданы были изъ земли самимъ первоверховнымъ богомъ, Сюльди-Торою. Но это были существа слабыя, безобразныя, безсмысленныя, ходившія на четвереньках, питавшіяся одними растеніями, ничѣмъ незащищенныя отъ вредоноснаго вліянія стихій и отъ лютости хищныхъ звѣрей. Сюльди-Тора сжалился надъ этими бѣдными созданіями своими: по его волѣ, *третій* верховный богъ, *чонъ-сіорадань-Тора*, т. е. творящій души богъ, создалъ безчисленное множество духовныхъ существъ и нѣкоторые изъ нихъ соединилъ съ новосозданными людьми, а другія оставилъ въ райской обители для дѣтей и потомковъ первыхъ людей. Какъ скоро душа соединилась съ человѣкомъ, — онъ сдѣлался существомъ умнымъ, сталъ ходить на ногахъ, укрощать дикихъ животныхъ, питаться ихъ мясомъ, владѣть землею и всѣмъ, что на ней находится.

Первобытное состояніе людей было блаженное. Земля произращала имъ всякаго рода хлѣбъ и плоды въ дивномъ изобиліи, ни чуть не требуя отъ нихъ ни удобренія, ни воздѣлыванія; скота у каждаго было множество; имущество у всѣхъ было равное

мли лучше равно изобильное; они не знали ни труда изнурительнаго, ни тяжкихъ лишеній и нуждъ, ни горя, ни печали, ни болѣзней. Но не долго пользовались люди этимъ блаженствомъ: самое богатство обратилось имъ въ пагубу. Они облѣнились, упали духомъ и тѣломъ, выдумали хмѣльные напитки — пиво и медъ, отъ нечего дѣлать предались пьянству и обжорству, а въ пьяномъ видѣ начали заводить между собою распрю, ссоры, драки; каждый хотѣлъ быть больше другого, каждый хотѣлъ властвовать надъ всѣми. Наконецъ, отуманенные гордостію и хмѣльными напитками, они поддались вліянію шайтана и совершили ужаснѣйшее преступленіе, убивъ первенца Сюльди-Торы. Тогда-то Сюльди-Тора разсѣялъ ихъ по лицу земли и поручилъ *четвертому* верховному богу, *кебе*, назначать людямъ различные жребіи. Съ того времени явилось между людьми различіе состояній, племенъ и языковъ; послѣдніе въ числѣ семидесяти семи изобрѣтены для разныхъ народовъ самимъ высочайшимъ Богомъ. Съ тѣхъ поръ *кебе* при рожденіи каждаго младенца назначаетъ ему счастливую или несчастную участь, сообразно съ будущимъ его образомъ жизни, который кебе, какъ верховный богъ, ясно провидитъ. *Пюлюхси* и *пигамбаръ* приводятъ въ исполненіе это назначеніе, раздавая людямъ внѣшнія и внутреннія блага и совершенства. Для того чтобы водворить между людьми спокойствіе, порядокъ, благоустройство, Сюльди-Тора поставилъ надъ ними *сирдц-падшу* (земного царя), который, какъ видимый образъ высочайшаго Бога, облеченъ божественною властію творить между своими подданными судъ и расправу, водворять между смертными благочиніе и добродѣтель и карать всякое преступленіе, а особенно нарушеніе правъ собственности и присвоеніе кѣмъ-либо изъ его подданыхъ такихъ правъ, преимуществъ и достояній, которыя не назначены ему отъ *кебе* и не даны ни *пюлюхси*, ни *пигамбаромъ*. По этой причинѣ земному царю и дана свыше особенная природа или лучше осо-

бенный божественный духъ, который можетъ имѣть таинственное сношеніе съ высшими богами небесными, и который не переходитъ вмѣстѣ съ нимъ на тотъ свѣтъ, но остается въ наслѣдіе его преемнику. Когда всѣ люди при содѣйствіи сирди-падши сдѣлаются добродѣтельными, то для нихъ еще на землѣ настанетъ блаженная жизнь. — Въ чемъ же состоитъ *добродѣтель*?

Въ почитаніи боговъ и принесеніи имъ обычныхъ и назначаемымъ іомсями жертвъ, въ исполненіи повелѣній царскихъ, въ уваженіи къ старшимъ и особенно къ іомсямъ; въ любви къ равнымъ, въ снисходительности къ нисшимъ, въ довольствѣ своимъ жребіемъ, въ неприсвоеніи себѣ ничего чужого, въ гостепріимствѣ, въ трудолюбіи и наконецъ въ празднованіи пятницы и воздержаніи себя въ этотъ день отъ всякой работы.

Люди добродѣтельные предназначены наслаждаться счастіемъ не только въ настоящей, но и въ будущей жизни. Они и по смерти поселятся въ *мамыкъ-сирь**), въ свѣтлой, удобренной странѣ. Тамъ у нихъ будутъ красивые домы; хлѣба, разнаго рода скота, товаровъ, денегъ, роскошной и праздничной одежды, пива и вина, однимъ словомъ всего будетъ вдоволь и даже съ избыткомъ: въ чувственныхъ веселостяхъ, въ свѣтлыхъ ликованіяхъ они станутъ проводить нескончаемую жизнь. Напротивъ грѣшному человѣку на томъ свѣтѣ будетъ и горько, и голодно, и скорбно. Его отведутъ

*) *Мамыкъ* и по чувашски, и по татарски, собственно значитъ пухъ, бумагу хлопчатую. *Мамыкъ-сирь* — земля, пуховая, мягкая, какъ пухъ, т. е., удобренная, плодородная. Не происходитъ ли *мамыкъ* отъ персидскаго *памбэ*, откуда латинское bombax—хлопчатая бумага? Или отъ турецкаго *пумухъ*, *бумбугъ*, *пумугъ*, откуда произошла и наша *бумага*? Примѣры перехода губной *п* въ *м* и вообще губной въ губную очень нерѣдки въ чувашскомъ языкѣ.

въ *тамыкъ-хоранъ* *), въ котлообразную бездну, въ адъ. Напрасно будетъ онъ употреблять всѣ усилія выстроить себѣ домъ, воздѣлать землю, обзавестись добрымъ хозяйствомъ, — ни въ чемъ ему не будетъ спорыньи. Напрасно станетъ онъ вызывать съ этого свѣта къ себѣ въ помощники своихъ дѣтей, родственниковъ и досовъ: одни изъ нихъ, именно добрые поселятся въ раю и слѣд. не будутъ имѣть съ нимъ никакого сношенія, а другіе, порочные, будутъ такими же бѣдными, горемычными скитальцами, такими же вѣчно бѣдствующими и вѣчно мучимыми голодомъ и жаждою обитателями ада, какъ и онъ самъ.

Какъ добродѣтельные, такъ особенно злые люди, при переходѣ въ другую жизнь, должны быть напутствованы и снабжены всѣмъ, что нужно имъ для многотруднаго перехода на тотъ свѣтъ и для первоначальнаго тамъ обзаведенія самыми необходимыми вещами. Если при погребеніи Чувашенина опущена будетъ какая-либо церемонія, если съ нимъ въ могилу не положатъ всего, что по обыкновенію считается нужнымъ; то мертвецъ не дастъ покоя оставшимся въ живыхъ родственникамъ своимъ, будетъ имъ являться и въ сновидѣніяхъ, и на яву, и нашлетъ на нихъ тяжкія болѣзни, какъ-то: рѣзь въ животѣ и боль въ поясницѣ. Вотъ почему Чуваши, и по переходѣ въ христіанство и по оставленіи всѣхъ другихъ суевѣрій, считали да и теперь считаютъ, (разумѣется, далеко не всѣ) обязанностію свято соблюдать важнѣйшія, если не всѣ церемоніи языческаго погребенія.

Какъ скоро умиралъ Чувашенинъ, то одна изъ родственницъ

*) *Тамыкъ* значитъ бездна, отъ татарскаго *тамукъ*, адъ; а *хоранъ* есть татарское же *казанъ*, котелъ. Татарскій звукъ *з* у Чувашъ часто переходитъ въ *р*. Напр., восемь у Татаръ *секезъ*, у Чувашъ *сакыръ*, девять у Татаръ—*токузъ*, у Чувашъ *токуръ* или *тухуръ* и проч.

его должна была разбить надъ головою его сырыя яица, а іомся или старшій въ семействѣ оторвать голову пѣтуху и все это выбросить за ворота въ жертву злымъ духамѣ, которыхъ потомъ просили не препятствовать переходу умершаго на тотъ свѣтъ. Лѣтомъ выносили покойника для омытія на дворъ, а зимою это дѣлалось въ самыхъ избахъ. Потомъ наряжали его въ праздничное платье, надѣвали на него бѣлую рубаху и порты, ноги обували непремѣнно въ новые лапти и онучи, на руки надѣвали рукавицы, на голову шапку и, подпоясавъ кушакомъ, клали его въ гробъ; въ ротъ, за щеки всовывали ему нѣсколько серебряныхъ монетъ. Въ гробъ хоть понемногу клали всего, что покойникъ особенно любилъ, чѣмъ забавлялся и чѣмъ занимался. Если онъ курилъ или нюхалъ табакъ, то непремѣнно надобно было положить трубку съ листовымъ или рожокъ съ молотымъ табакомъ. Если онъ занимался плетеніемъ лаптей, то въ гробъ клали кочедыкъ, ножикъ и лыки; если онъ былъ *шибырзе* (т. е., виртуозъ, игравшій на пузырѣ), то — пузырь; если плотникъ, то — топоръ и т. д. Само собою разумѣется, что при этомъ не забываемо было и вино, потому-что всѣ Чуваши были большіе охотники до него. Такъ же точно поступали и съ женщинами: облекали ихъ въ парадное, праздничное платье, на голову надѣвали шапку, на руки — рукавицы; въ гробъ ихъ клали иглы съ разными нитками, веретена, нѣсколько льну, шерсти, шелку и холста. Все это считалось необходимымъ для перваго ихъ обзаведенія на томъ свѣтѣ, гдѣ по мнѣнію Чувашъ люди занимаются тѣми же самыми ремеслами, какъ и здѣсь, имѣютъ тѣ же наклонности и ведутъ ту же чувственную жизнь, какъ и на землѣ. Кромѣ того, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, ноздри, ротъ, глаза и уши затыкаютъ шелкомъ. Чуваши не могли мнѣ положительно объяснить значеніе послѣдняго обряда. *Одни* говорили, что это выражаетъ ихъ желаніе изобилія покойному. *Другіе* утверждали, что это необходимо ну-

жно сдѣлать для того, чтобы покойникъ на судѣ Торы могъ извиниться въ грѣхахъ своихъ невѣдѣніемъ и сказать, что слышать не слышалъ, видѣть не видѣлъ, говорить не говорилъ и вообще не чувствовалъ и не понималъ всего, что ему слѣдовало знать на счетъ своихъ обязанностей. *Третьи* наконецъ, не принимая ни того, ни другого объясненія, просто говорили: *иликв сяпла туны*; *авалли юла сяпла*, т. е., прежде такъ дѣлали; это по прежней вѣрѣ.

Прежде Чуваши хоронили покойниковъ въ тотъ день, въ который онъ умиралъ. Когда выносили его изъ дому, то родственники бросали въ слѣдъ ему зажженное тряпье, либо раскаленный и облитый водою камень. Это выражало ихъ желаніе, чтобы душа умершаго также быстро унеслась на небо, какъ улетаетъ дымъ отъ горящаго тряпья или раскаленнаго и облитого водою камня. Принесши гробъ на кладбище и опустивъ его въ могилу (при чемъ наблюдается, что бы голова умершаго была обращена на западъ), родственники и провожатые начинаютъ прощаться съ покойникомъ и поручаютъ кланятся отъ нихъ прежде отшедшимъ роднымъ и знакомымъ своимъ. Зарывъ могилу, вколачиваютъ въ нее съ западной и восточной стороны по столбу, въ ростъ умершаго. Къ этимъ столбамъ провожатые приставляютъ зажженные восковыя свѣчи въ честь умершихъ своихъ родственниковъ и друзей. Тогда, какъ бы въ присутствіи послѣднихъ и вмѣстѣ съ ними начинаютъ ѣсть приготовленные на этотъ случай блины, иггечи, лепешки, яйца, вареную курятину и пить пиво: каждый, откусивъ трижды отъ блина, иггеча и т. д., остальное кладетъ на могилу въ снѣдь умершимъ, и трижды прихлебнувъ пиво изъ ковша, остальное выливаетъ также на могилу.

По возвращеніи съ кладбища, домашніе покойнаго прежде

всего относятъ на *мазарки* *) платье, въ которомъ онъ умеръ, его постелю, посуду, изъ которой его обмывали, а также и нѣкоторыя другія вещи, преимущественно у него бывшія въ употребленіи, чтобы покойникъ по привычкѣ къ этимъ вещамъ не воротился за ними въ свой домъ. Потомъ идутъ въ баню мыться и париться и перемѣнять платье, потому-что признаютъ и себя, и одежду свою отъ прикосновенія къ трупу нечистыми. Наконецъ начинается попойка, составляющая прологъ къ цѣлому ряду поминокъ, о которыхъ поговорю съ Вами, любезнѣйшій Ал. Ив., особо, въ слѣдующемъ письмѣ.

*) Г-жа Фуксъ совершенно несправедливо говоритъ, будто чувашскія *кладбища* называются *мазарки* (Зап. о Чув. стр. 17). *Мазарки* — это отдѣльныя отъ кладбищъ, нѣкогда считавшіяся священными мѣста, на которыхъ складывались принадлежавшія покойникамъ вещи и въ которыхъ *никогда* не хоронили мертвыхъ. Умершіе по мнѣнію Чувашъ любили посѣщать эти мѣста, гдѣ лежали вещи, дорогія для нихъ по соединеннымъ съ ними воспоминаніямъ. Потому Чуваши часто приносили сюда хлѣбъ, лепешки, пиво для угощенія умершихъ. Корень слова *мазарки* находится въ арабскомъ *зоръ, посѣщалъ*, откуда происходитъ *мезаръ*, *мезаратъ*, посѣщеніе, мѣста которыя посѣщаются людьми благочестивыми. По персидски мѣсто посѣщенія — *мезаръ-кагь*. Отсюда — чувашскіе *мазарки*. Впрочемъ у магометанъ мѣстами посѣщенія называются преимущественно гробницы угодниковъ божіихъ. Но у Чувашъ слово мазарки никогда не значило кладбища. Послѣднее называютъ они *обамаръ* и *сюва*. Обамаръ, вѣроятно, есть испорченное арабское *моаммаръ*, или *мааморъ*, жилище долговременное, вѣчное, — отъ корня *амаръ*, жилъ долгое время. — *Сюва*, кажется, происходитъ отъ татарскаго *евъ* или *джевъ*, домъ.

X.

Въ самой глубинѣ природы человѣческой скрывается потребность вѣрить, что со смертію тѣла мы не оканчиваемъ нашего бытія, что человѣкъ *долженъ* жить и послѣ того, какъ его тѣлесный составъ разрушится и обратится въ прахъ и что между людьми, живущими на землѣ, и людьми, прешедшими отъ здѣшней жизни, *должна* быть какая-то таинственная, непостижимая, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная связь. Потому у всѣхъ народовъ, за исключеніемъ самыхъ грубыхъ дикарей, находимъ учрежденія, въ которыхъ выражается эта вѣра. Натурально, что свойство этихъ учрежденій всегда опредѣляется свойствомъ самаго вѣрованія въ будущую жизнь.

Мы видѣли, что Чуваши считали будущую жизнь продолженіемъ настоящей, чувственной, животной. Они вѣрили, что добрые люди, хотя и живутъ на томъ свѣтѣ счастливо и во всемъ довольствѣ, но по любви къ оставшимся на землѣ родственникамъ и пріятелямъ своимъ съ удовольствіемъ посѣщаютъ пиршества и праздники, въ честь ихъ учреждаемые на землѣ, и принимаютъ въ нихъ живое участіе. Злые же мертвецы имѣютъ и особенную причину присутствовать на этихъ пиршествахъ: въ аду особенно на первыхъ порахъ имъ ѣсть почти нечего; они тамъ голодуютъ ужаснѣйшимъ образомъ и отводятъ душу только тѣмъ, чѣмъ воспол-

зуются на учреждаемыхъ въ честь ихъ поминкахъ. — Притомъ Чуваши были убѣждены, что животныя, закалаемыя и съѣдаемыя ими на поминкахъ, переходятъ на тотъ свѣтъ и дѣлаются тамъ собственностію поминаемыхъ ими родственниковъ, — собственностію не лишнею и для добрыхъ, а для злыхъ, имѣвшихъ несчастіе попасть въ адъ, совершенно необходимою. Вотъ вѣрованія, изъ которыхъ можно объяснить какъ происхожденіе и свойство чувашскаго поминовенія усопшихъ, такъ и причину, почему оно совершается у нихъ довольно часто.

Поминки чувашскіе раздѣляются на *частные* и *общіе*.

А) *Частные* совершаются по вновь умершимъ а) въ третій день послѣ его похоронъ, b) въ седьмой день, c) въ каждый четвертокъ до шести недѣль по смерти покойника,*) d) въ сороковой день.

Въ *третій*, въ *седьмой* день послѣ похоронъ и *по четвергамъ* богатые Чуваши варятъ въ яшкѣ курицъ, стряпаютъ блины, сырцы и проч., а бѣдные довольствуются заготовленіемъ *хыбарды*, — небольшихъ хлѣбцовъ пшеничныхъ, испеченныхъ безъ соли и сверху помазанныхъ масломъ, — и *перемечи*, — ватрушекъ наливаемыхъ мятымъ и растворенымъ въ маслѣ либо въ молокѣ картофелемъ. Къ вечеру эти кушанья и *чирясъ* (выдолбленная изъ липоваго дерева бадья) съ пивомъ ставятся на столъ у волокового окна. Всѣ члены

*) Многіе изъ престарѣлыхъ Чувашъ сказывали мнѣ, что прежде поминки по *четвергамъ* продолжались до полугода и болѣе. Если похороны были послѣ ноября, то поминовеніе по умершимъ въ старину совершалось каждый четвертокъ до *семика*; а если похороны были послѣ семика, то поминки четверговые продолжались до ноября мѣсяца. Можетъ быть, это обыкновеніе и по-нынѣ сохранилось у некрещенныхъ Чувашъ.

семейства отдѣляютъ руками, безъ пособія ножа, по куску отъ каждаго кушанья для новоумершаго и кладутъ въ особую чашку, а потомъ прихлебнувъ пива изъ ковша, остальное выливаютъ въ другую чашку и обѣ выносятъ на дворъ собакамъ. За тѣмъ обыкновеннымъ порядкомъ идетъ ужинъ и пивопитіе, но ни музыки, ни пѣсней, ни плясокъ при этомъ случаѣ никогда не бываетъ.

Сорочины исправляются у Чуващъ съ особенною торжественностію и съ весьма обильными возліяніями пива и вина. Это для родственниковъ умершаго день розговѣнья и разрѣшенія на *все*: въ теченіе шести недѣль послѣ похоронъ, они не могли ни пѣть, ни плясать, ни свистать, ни бить въ ладоши; родственницы умершаго не смѣли во все это время спать съ мужьями, прясть шерсть, мыть бѣлье, надѣвать на себя новыя или праздничныя одежды, мазать печь или чинить ее, хотя бы она значительно попортилась; имъ дозволялось только стряпать самыя необходимыя кушанья, ходить за скотомъ и прясть куделю. Вообще во все время продолженія шести недѣль показывать видъ довольства, веселости—*іорамасть*, не ладно, не годится. Только въ сороковой день послѣ похоронъ это *іорамасть*, этотъ освященный стародавнимъ обыкновеніемъ и примѣромъ предковъ законъ о трaурѣ теряетъ свою силу. Въ этотъ день совершались тройственные поминки: на кладбищѣ, на мазаркахъ и на дому; но за то на нихъ Чувашенинъ могъ уже свободно и пѣть, и плясать, и утѣшаться національною музыкою.— Начиналось тѣмъ, что родственники умершаго приглашали іомсю или какого-либо сторонняго человѣка, который закалалъ овцу, либо козу, либо корову, обыкновенно передъ кончиною назначавшуюся для этой цѣли самимъ умершимъ, и который за то получалъ шкуру заколотаго имъ животнаго и право участвовать въ семейномъ пиршествѣ. Сваривъ мясо этого животнаго, одну половину его, равно какъ половину

изъ приготовленныхъ блиновъ, сырцовъ, лепешекъ, каши, вина и пива оставляютъ дома для ночного поминовенія, а съ другою родственники умершаго, приглашенные ими досы и музыканты около полудня отправляются на *кладбище*. Здѣсь прежде всего каждый изъ родственниковъ съ обычными поклонами говоритъ *тану* (здравствуй) умершему, потомъ отливаетъ полковша пива и полстакана вина на его могилу и откладываетъ на нее по куску изъ предлагаемыхъ ему хлѣбныхъ и мясныхъ яствъ, приговаривая: *омынче болдыръ* (будь передъ тобою)! Исполнившіе эту церемонію, отойдя нѣсколько шаговъ отъ могилы, начинаютъ вопить въ истошный голосъ, кланяясь на сѣверъ и призывая умершаго принять участіе въ ихъ трапезѣ. Какъ скоро всѣ окончатъ обрядъ возліянія и приношенія, то собаки бросаются на могилы, начинаютъ драться и визжать. И этотъ визгъ считается самымъ благопріятнымъ знакомъ. Чуваши думаютъ, что души покойниковъ входятъ въ это время въ собакъ, что пожираемое послѣдними съѣдается умершими, что визгомъ собакъ покойники изъявляютъ свое удовольствіе поминающимъ ихъ родственникамъ. Доказательствомъ такого вѣрованія Чувашъ во временный метампсихозъ, или во временное переселеніе душъ умершихъ въ собакъ, служитъ уже и то, что послѣднія во время поминокъ пользуются правами неприкосновенности; ни одинъ Чувашенинъ не осмѣлится отогнать отъ могилы собаку, отнять у нея лакомый кусокъ или ударить ее, хотя бы она очень невѣжливо стала рвать хлѣбъ или мясо изъ его рукъ. Надобно полагать, что нарицательное имя собаки (*ида*, по татарски *этъ*) сдѣлалось у Чувашъ браннымъ словомъ въ позднѣйшее время, изъ подражанія Татарамъ; вѣроятно, что въ древнія времена это животное считалось если не священнымъ, то по крайней мѣрѣ и непрезрѣннымъ. Мы видѣли уже, что собаки признавались у Чувашъ защитниками противъ нападокъ *Ар-сюри*, лѣшаго; теперь видимъ ихъ органами умершихъ и

ублажаемыхъ родственниковъ: та и другая роль не могла приличествовать существамъ презрѣннымъ. Какъ бы то ни было, только изъ визга собакъ Чуваши заключали, что умершіе явились лично на поминки и раздѣляютъ съ ними трапезу. Это мгновенно прелагало печаль и сѣтованіе поминающихъ на шумную радость и веселое разгулье. Музыканты тотчасъ принимались за свое дѣло, пирующіе постепенно увеличивали пріемы пива и вина: начинались пѣсни, хлопанье въ ладоши, пляска, отъ которой даже самые дряхлые старики не могли отказываться. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока истощался весь назначенный для кладбищныхъ поминокъ запасъ яствъ, пива и вина. Тогда приглашенные родственники и досы отправляются въ домъ покойнаго, а старшій или старшая въ семействѣ въ сопровожденіи музыкантовъ и самыхъ близкихъ своихъ родныхъ ѣдетъ на *мазарки*. Тамъ устроивается небольшой одноножный столикъ. Сдѣлавъ нѣсколько поклоновъ на сѣверъ, старшій или старшая въ семействѣ ставитъ на этотъ столикъ чирясъ пива, блюдо съ кашею, кладетъ на него небольшой кусокъ холста, которымъ поминаемый мертвецъ, напившись и наѣвшись, долженъ утереться, кидаетъ собакамъ нѣсколько кусковъ хлѣбныхъ и мясныхъ кушаньевъ, приговаривая: *сій*, *ись*, *атте*, *анне*, *пичче*, *аппа* и проч. (т. е., ѣшь, пей, батюшка, или матушка, или братецъ, или сестрица и т. п.), и наконецъ, ударяя въ ладоши, начинаетъ плясать вокругъ стола. Примѣру старшаго послѣдуютъ и всѣ присутствующіе. Въ сумерки пляска оканчивается, присутствующіе низко кланяются передъ столомъ на сѣверъ и, оставя чашку съ кашей и чирясъ съ пивомъ на мазаркахъ, ѣдутъ домой.

Въ *домѣ* умершаго начинаются новыя церемоніи. У дверей, подлѣ волокового окна ставятъ столъ съ нужными длъ поминокъ кушаньями и питіями; къ волоковому окну въ память умершаго

прилѣпляютъ зажженную восковую свѣчу. Каждый изъ родственниковъ по старшинству лѣтъ садится за столъ, отвѣдываетъ кушаньевъ, отпиваетъ пива и вина, отдѣляя для умершаго въ одинъ чирясъ пиво, а въ другой — хлѣбные и мясные куски; потомъ, сдѣлавъ поклонъ умершему, который въ это время по вѣрованію Чувашъ сидитъ за трапезою, а также поклонившись и всѣмъ присутствующимъ, начинаетъ плясать. Когда каждый изъ домашнихъ и приглашенныхъ родныхъ совершитъ этотъ обрядъ поминовенія; то очередь опять начинается со старшаго, и такимъ образомъ поминовеніе продолжается во всю ночь. На разсвѣтѣ столъ съ чирясами пива и кушанья для умершаго выносятъ на дворъ и ставятъ около крыльца. Вокругъ стола снова начинается пляска и продолжается до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ пляшущихъ, какъ бы невзначай, не опрокинетъ ногою стола, объявивъ притомъ, что покойникъ все *сійза-исьза-да-питерны*, съѣлъ и выпилъ и совершенно доволенъ сдѣланнымъ ему угощеніемъ.

Къ *частнымъ* поминкамъ относятся и *экстренные*, совершающіеся въ различныя времена года. Поводами къ нимъ бываютъ слѣдующіе случаи:

1) Если Чувашенинъ, проѣзжая мимо мазарокъ, почувствуетъ себя дурно, или ежели у скота его, побывавшаго на мазаркахъ, заболѣетъ что-либо; то это явный знакъ, что мертвецы просятъ себѣ поминокъ. Въ такомъ случаѣ Чувашенинъ относитъ на мазарки чашку накрошеннаго хлѣба и чирясъ пива. Тѣмъ все дѣло и оканчивается. Но гораздо убыточнѣе были экстренные поминки, совершавшіеся по нижеслѣдующему поводу:

2) Случалось очень часто, что Чувашенинъ, порядкомъ подгулявъ на поминкахъ у сосѣда, либо у доса, засыпалъ съ

мыслію о давно или недавно умершемъ родственникѣ своемъ и видѣлъ во снѣ, что покойникъ требовалъ себѣ отъ него для приплоду и заведенія на томъ свѣтѣ извѣстное домашнее животное, на пр., лошадь, корову, овцу. Нельзя было не исполнить этого требованія: иначе покойникъ преждевременно возметъ непослушнаго къ себѣ, на тотъ свѣтъ, а скотъ его истребитъ посредствомъ змѣй, либо перебьетъ каменьемъ. Volens nolens Чувашенинъ колетъ требуемую скотину, варитъ пиво, приготовляетъ всѣ нужные для поминовенія запасы и отвозитъ на кладбище, гдѣ всѣ родственники и приглашенные досы, упавъ на землю около могилы поминаемаго, слезно умоляютъ его не тревожить ихъ видѣніями и не брать къ себѣ преждевременно. Потомъ съ тѣми же обрядами, какъ и въ сорочины, пьютъ пиво и вино, приготовленныя яства, братски раздѣляя трапезу съ собаками, и въ заключеніе поютъ и пляшутъ вокругъ могилы.

3) Чуваши вѣрятъ, что мертвые не посредствомъ однихъ сновидѣній, но и другими способами могутъ требовать себѣ поминокъ. Есть, на пр., болѣзни, происхожденіе которыхъ чувашская патологія не можетъ объяснить себѣ иначе, какъ предположивъ, что онѣ насылаются на живыхъ мертвецами, требующими себѣ поминовенія. Таковы: боль въ поясницѣ и рѣзь въ животѣ. Кто почувствуетъ ихъ, хотя бы давнымъ давно не былъ на мазаркахъ, тотъ долженъ совершить по умершимъ своимъ родственникамъ поминки точно также, какъ и видѣвшій во снѣ покойника, требующаго себѣ извѣстное животное.

В) *Общіе* или *годовые* поминки совершаются у Чувашъ трижды въ годъ и притомъ около того же времени, какъ и у насъ. Мы творимъ поминовеніе по усопшимъ въ субботу передъ Пятидесятницею, въ субботу же между Дмитріевымъ днемъ и Ка-

занской и въ Өоминъ вторникъ. У Чувашъ общіе поминки бываютъ: а) въ семикъ, в) въ ноябрѣ мѣсяцѣ (*юба оихъ*, мѣсяцъ поминовенія усопшихъ) и с) во второй или въ третій день Пасхи. Общими мы называемъ ихъ какъ потому, что на нихъ поминаются всѣ умершіе, такъ и потому, что въ нихъ болѣе или менѣе участвуетъ весь народъ.

Въ *Семикъ* Чуваши имѣютъ обязанность отправлять поминки непремѣнно на кладбищахъ, если со смерти одного изъ ближайшихъ родственниковъ ихъ (какъ-то: отца, матери, тестя, тещи, свекра, свекрови, мужа, жены, брата, сестры) не прошло *трехъ* лѣтъ. Слѣдовательно число отправляющихъ въ этотъ день поминки на могилахъ долженствовало бы быть не велико. Но къ нимъ для компаніи всегда присоединяются и дальніе родственники и знакомые, у которыхъ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ не умирало ни одного близкаго родственника. Они, чтобъ не быть въ тягость ближнимъ родственникамъ новоумершаго, приносятъ съ собою свое пиво, свое вино и свои съѣстные припасы. Только бѣдняки, да люди безъ роду и племени поминаютъ въ этотъ день своихъ давно умершихъ родственниковъ у себя дома, съ обрядами, какіе употребляются при поминкахъ въ *третій* и въ *седьмой* день послѣ похоронъ, скромно довольствуясь небольшимъ количествомъ пива, *хыбарды* и *перемечи*. Лица начальственныя, головы, засѣдатели, добросовѣстные и проч., также по большей части остаются дома изъ опасенія въ заключительной семиковой свалкѣ уронить свое чиновное достоинство. А богатая и обрусѣлая аристократія правитъ свои поминки вмѣстѣ съ Русскими и по-русскому обычаю. Но за то все среднее сословіе, т. е., все, что занимаетъ средину между высшимъ чувашскимъ обществомъ и бобылями, съ такимъ же удобствомъ, съ такимъ же успѣхомъ отыскиваетъ случай творить поминки на могилахъ, съ какимъ

лѣнтяй всегда находитъ поводъ лѣниться, а пьяница — напиться.... Такимъ образомъ чувашскія кладбища въ семикъ около полдня бываютъ биткомъ набиты народомъ, привезшимъ съ собой во множествѣ съѣстные и питейные запасы. Каждое семейство располагается вокругъ могилы новоумершаго своего родственника, разстилаетъ около нея холсты и кафтаны и разставляетъ пойла и кушанья. Сдѣлавъ три низскихъ поклона передъ могилой, поминающіе начинаютъ выть и оплакивать новоумершаго, *восхваляя* его достоинства и добродѣтели. Потомъ къ могильному столбу привѣшиваютъ полотенцо въ знакъ открытія поминокъ, дѣлаютъ въ головахъ покойника ямку и, наливъ въ ковши пива, *говорятъ*: »*таву сана* (здравствуй), молись о нашемъ здоровьѣ, храни насъ отъ бѣдствій, живи на томъ свѣтѣ хорошо, богато и весело и не бери насъ къ себѣ до маститой старости«! Каждый изъ поминающихъ отливаетъ въ ямку пива и вина и кладетъ въ нее по куску отъ каждаго изъ предлагаемыхъ ему яствъ, разумѣется, на пользу и потребленіе собакъ. Пока съ плачемъ, воплемъ и причитаньями поминаютъ новоумершаго, до тѣхъ поръ пьютъ и ѣдятъ принесенное его ближайшими родственниками. А какъ скоро начинаютъ поминать давноумершихъ, то на сцену являются запасы, принесенные дальними родственниками новоумершаго. О давно умершемъ уже не плачутъ и не воютъ; въ честь ихъ поютъ пѣсни, хлопаютъ въ ладоши и пляшутъ подъ музыку. Поливая могилки ихъ пивомъ и виномъ, Чуваши мало по-малу и сами въ буквальномъ смыслѣ *напиваются* до такой степени, что у самыхъ усердныхъ поминальщиковъ и поминальщицъ на рукахъ одинъ палецъ не сходится съ другимъ, сосѣднимъ. Сцена изъ забавной постепенно дѣлается болѣе и болѣе отвратительною. Шумъ, гамъ, вопли плачущихъ, веселыя восклицанія пирующихъ, крики ссорящихся между собою, нестройная игра *шибырзе* и гусельщиковъ, вой и визгъ собакъ, взвизгиванья пляшущихъ, ругательства де-

рущихся — все это вмѣстѣ превращаетъ чувашскія поминки въ настоящей шабашъ кіевскихъ вѣдьмъ на Лысой горѣ. До послѣдней степени экзальтированное вакхическое неистовство представляютъ собою женщины, недавно схоронившія мужей. Онѣ и плачутъ и пляшутъ въ одно и то же время, рвутъ на себѣ волосы, одежду, бросаются на могилы, роютъ на нихъ землю руками, со слезами причитаютъ добродѣтели и достоинства своихъ супруговъ; — и потомъ, вдругъ вскакивая на ноги, неистово топчутъ могилу и, жесточайшимъ образомъ понося своихъ дражайшихъ сожителей, обнаруживаютъ изумительное искуство владѣть русскими, небывавшими еще въ печати словами, хотя вообще по-русски выражаются очень плохо.... Не многіе возвращаются съ кладбища добрымъ порядкомъ. Большую часть усердныхъ поминальщиковъ малолѣтки отвозятъ домой, взваливъ ихъ на телеги вмѣстѣ съ пустыми пивными и винными боченками, какъ бы нарочно для того, что бы они въ лицахъ представили народную русскую поговорку: *фляга ты моя фляга! съмь-ка я возлѣ тебя лягу; ты меня не оставь, а я тебя не покину**).....

Несравненно пристойнѣе, трезвѣе и цѣломудреннѣе ведутъ себя Чуваши на поминкахъ, бывающихъ въ *ноябрѣ* мѣсяцѣ и на *Пасхѣ*. Поминки эти совершаются въ домахъ, въ честь всѣхъ умершихъ родственниковъ. Обряды въ этомъ случаѣ соблюдаются почти такіе же, какъ и въ сорочины на домашнихъ поминкахъ. По закатѣ солнца за обставленный разными кушаньями и сосу-

*) Впрочемъ въ казанской губерніи воспрещено Чувашамъ отправлять поминки *въ семикъ* на кладбищахъ. Начальство при этомъ случаѣ имѣло въ виду прямую пользу самихъ Чувашъ, которыхъ нерѣдко обирали русскіе крестьяне, обыкновенно являвшіеся на поминки къ заключительной свалкѣ, когда у каждаго насосавшагося до положенія ризъ Василія Ивановича можно выманить или отнять все, что угодно.

дами съ пивомъ и виномъ столъ садится старшій въ семействѣ и прилѣпляетъ къ волоковому окну за каждаго изъ отшедшихъ родственниковъ по одной зажженной восковой свѣчѣ. Потомъ руками отдѣляетъ отъ каждаго изъ кушаньевъ по куску, отъѣдаетъ половину самъ, а другую раздѣляетъ на части по числу поминаемыхъ родныхъ и кладетъ въ пустую чашку, произнося притомъ: *айте-не, анне-не, пичче-не, аппа-на болдырь* (да будетъ это батюшкѣ, матушкѣ, братцу сестрицѣ и т. д). То же дѣлаетъ съ пивомъ и виномъ. Такимъ же образомъ поминаютъ умершихъ и всѣ прочіе члены семейства. Отдѣленныя умершимъ кушанья и пиво женщины выносятъ на дворъ и выливаютъ собакамъ. Послѣ того всѣ члены семейства за исключеніемъ малолѣтнихъ и дряхлыхъ стариковъ, взявъ съ собою съѣстныхъ и питейныхъ запасовъ, уходятъ къ своимъ родственникамъ, для такого же поминовенія, и так. обр. цѣлую ночь переходятъ изъ дома въ домъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ замѣтить, что прежде пасхальные поминки обыкновенно совершались *въ среду* на страстной недѣлѣ (*калымъ-конъ*), и что съ ними у Чувашъ-язычниковъ соединялось жертвоприношеніе въ честь высшаго Бога; а за этимъ жертвоприношеніемъ слѣдовалъ обрядъ изгнанія шайтана и вообще всѣхъ злыхъ духовъ изъ домовъ и деревень. На это соединеніе указываетъ самое слово: *калымъ-конъ**). Но въ послѣдствіи времени калымъ-конъ, среда страстной недѣли, назначена была только для поминовенія усопшихъ, а жертвоприношеніе высшему Богу и изгнаніе шайтана перенесено на субботу страстной недѣли. Въ вечеру этого дня въ каждомъ домѣ варили ячменную кашу, ѣли

*) *Конъ* — *день*, *калымъ* отъ татарскаго *кабинъ* собственно значитъ вѣно, деньги, платимыя женихомъ за невѣсту, потомъ воздаяніе, благодареніе.

ее и пили пиво во имя высшаго Бога, а потомъ съ крикомъ и визгомъ били рябиновыми палками по всѣмъ угламъ избы, по печи, подъ печью и по подполью, выбѣгали на дворъ, на карды, въ амбары и тамъ также съ-плеча колотили по всему, что ни попало, отворяли ворота и, какъ бы выгоняя и преслѣдуя кого-либо, бѣжали до перваго оврага, либо до ближайшей рѣчки. Тутъ бросали палки, раскланивались съ злыми духами, дарили ихъ хлѣбцами сырцами, яйцами и проч., и, возвратясь домой, свѣтло праздновали освобожденіе отъ лукаваго.

XI

Хоть бы Вы, любезнѣйшій Ал. Ив., и еще два раза прислали ко мнѣ горячія посланія съ просьбою описать черты лица и душевныя качества Чувашъ, — я не послушаюсь Васъ. Къ чему это?.... Для Казани, для благополучнаго города, имѣющаго завидную честь и неоцѣненное счастіе каждую среду, каждую пятницу и каждое воскресенье и слышать, и созерцать на своихъ шести базарахъ и Татаръ, и Черемисъ, и Чувашъ, и Мордву, и Вотяковъ, — для такого города, или лучше для органа его — Губернскихъ Вѣдомостей вовсе не нужно описаніе наружности моихъ пріятелей. Кто изъ казанскихъ жителей не знаетъ, что Чуваши по большей части роста средняго, что лица у нихъ смуглыя, съ немного выдавшимися скулами, глаза черные съ узкопрорѣзанными рѣсницами, лобъ узкій, волосы на бородѣ и на головѣ черные, либо черноватые, носъ остроконечный, ротъ и губы правильные, что походка у Чувашъ тяжелая и неуклюжая, а у Чувашекъ — смѣшная, похожая на утиную? Къ чему говорить обо всемъ этомъ въ Вашихъ Вѣдомостяхъ? — Развѣ для того только, чтобы при сей вѣрной оказіи выставить на видъ казанской читающей публикѣ, что знаменитый *Ѳ. Х. Эрдманъ* въ наружности или вообще тѣлосложеніи (Körperbau) ихъ совершенно напрасно отыскивалъ какіе-то небывалые слѣды финскаго происхожденія Чувашъ?*)... Это совершенная правда.

---

*) См. Erdmann's Beyträge zur Kenntniss des Innern von Russland. Erst. Th. S. 109.

Да и о нравственныхъ качествахъ моихъ пріятелей что я Вамъ скажу? — Чувашенинъ отлично гостепріименъ для всѣхъ, кто не выше его, отличный работникъ, хорошій семьянинъ, но снабженъ очень покатымъ горлышкомъ, — это дѣло уже извѣстное. Онъ добръ отъ природы, но золъ пьяный и мстителенъ во гнѣвѣ, — это также извѣстно всему свѣту. Теперь онъ уже далеко меньше прежняго суевѣренъ, — онъ знакомъ съ началами истинной религіи, но за то любитъ пользоваться суевѣріями другихъ и превосходно знаетъ, когда его либо некрещенному, либо не вполнѣ обращенному единоплеменнику нужна для жертвоприношенія бурая, или черная, или пестрая корова, а при случаѣ пожалуй и самъ не только въ видѣ іомси опредѣлитъ этотъ цвѣтъ, но и корову свою приведетъ на дворъ доса, да и слупитъ съ него за идоложертвенное животное втридорога. — Онъ не такъ дикъ, не такъ боязливъ, не трепещетъ передъ каждымъ Русскимъ, какъ прежде; но за то если онъ торговецъ, то цѣлію своей торговли, если мастеровой, то цѣлію своего мастерства, если извощикъ, то цѣлію всей своей извощичьей дѣятельности поставляетъ непремѣнно надуть Русскаго изъ одного чисто эстетическаго наслажденія — надуть. Онъ пожалуй не украдетъ у Васъ денегъ, хоть бы онѣ плохо лежали, — оборони Богъ, — это грѣхъ; но взять съ Васъ безбожную цѣну за товаръ, либо за извозъ не сочтетъ за грѣхъ. Онъ читаетъ со словъ священника своему сыну моральныя правила о трезвости; но его же пожалуй прибьетъ, если тотъ опуститъ случай накатиться у пріятеля даровымъ угощеніемъ. — Онъ страшно боится уже не судей, но самаго процесса суда; но за то на допросѣ необыкновенно увертливо старается сбить съ толку слѣдователя: то прикинется дурачкомъ, незнайкой, то отвѣчаетъ на одну половину вопроса, какъ бы не слыша другой, и отпирается отъ своего отвѣта подъ предлогомъ, что хочетъ дать полную силу второй половинѣ вопроса, то взведетъ небывальщину на себя

самого, то отведетъ слѣдователя къ другому, чаще всего мнимому преступленію. — Но чтожъ такое всѣ эти качества? — Просто случайность. Посмотрите, какую мораль, или лучше, какое отсутствіе всякой морали нашла у Чувашъ г-жа Фуксъ*)... Лѣтъ двадцать пять тому назадъ описаніе ея въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было и вѣрно, и натурально, а теперь оно — анахронизмъ. Такъ за какія же блага мнѣ распространяться о томъ, что, можетъ быть, и раньше 20 лѣтъ сдѣлается — анахронизмомъ?

Нѣтъ, — въ сторону моральныя качества современной Чувашландіи. Давайте лучше пѣть чувашскія пѣсни!

— Какъ пѣсни? — спрашиваете Вы. — Да вѣдь г-жа Фуксъ говоритъ, что *пѣсни Чувашъ спрятаны въ ихъ воображеніи, что когда они ѣдутъ лѣсомъ, то поютъ, не приготовясь, пѣснь лѣсу; плывутъ по рѣкѣ — и поютъ похвалу ей; ѣдутъ по дорогѣ — и воспѣваютъ ее и всѣ случившіеся на ней были и небылицы.***)

— Это сказано прекрасно. Чуваши точно весьма часто импровизируютъ свои пѣсни. Но не менѣе справедливо и то, что у нихъ есть пѣсни, переходящія отъ одного поколѣнія къ другому. Да и сама г-жа Фуксъ приводитъ и прекрасно переводитъ двѣ изъ нихъ, извѣстныя всему чувашскому міру. Такихъ пѣсенъ въ молодости я зналъ много, но потомъ перезабылъ. Теперь нѣкоторыя изъ нихъ, услышавъ изъ устъ Чувашъ, я вспомнилъ, другія узналъ вновь частію отъ товарища моего путешествія по Чувашландіи, студента нашего Университета Н. И. Золотницкаго,

---

*) Записки о Чув. стр. 57 — 58.

*) Записки о Чув. стр. 82.

уроженца Чебоксарскаго уѣзда, частію отъ самихъ народныхъ пѣснопѣвцовъ, и составилъ порядочную коллекцію.

Прежде, чѣмъ станете читать выборку изъ моей коллекціи, потрудитесь припомнить вторую изъ приводимыхъ г-жею Фуксъ чувашскихъ пѣсенъ. По характеру своему она какъ двѣ капли воды похожа на сообщаемыя мною. Тѣже звукоподражанія, подобія, сравненія; таже почти постоянная парономазія, игра словами. Рѣчь всегда отрывистая; переходы быстрые. Вотъ Вамъ нѣсколько примѣровъ *эротическихъ* пѣсенъ.

1.

Пыть, пыть, подене!
Шта каядынъ, подене?
Хорама-ла каядыгъ.
Хорамалда минь ись боръ?
Толыхъ-тыны боръ дессе.
Толыхъ-тыны минь хак-ра?
Сюрь сиримъ бусъ дессе
Сюрьбю-синче сюрь сіона,
Сюрь сіона-ра перь хирь сіокъ:
Пиринъ ял-да перь бахча;
Перь бахча-ра сакыръ хирь,
Сакыръ хирь да сара-минь,
Чорнымъ-сарышъ хора-минь.

1.

Пыть, пыть, перепелка!
Куда летишь, перепелка?
Въ Кармалы*) я лечу.

---

*) Подъ названіемъ *Кармаловъ* извѣстны четыре села, одно за Камою, къ которому безъ сомнѣнія не относятся слова

А что дѣлать въ Кармалахъ?
Торица есть, говорятъ.
Дорога-ли торица?
Да рубль двадцать говорятъ.
Въ Цивильскѣ*) есть сто саней
Да въ нихъ нѣтъ ни дѣвушки;
Въ нашемъ селѣ одинъ садъ,
Въ одномъ саду восемь дѣвушекъ,
Восемь да все бѣленькихъ;
А та изъ бѣленькихъ, которую я люблю, черновата.

2.

Хора хирь-зэне
Хора Тора сіоратны;
Хирле хирь-зэне
Херле Тора сіоратны.
Хирь-зэмъ хизирь болаеъ-ранъ
Пире Тора сіоратны. —
Хора хирь-зэне
Хора корга-ба сыра барасъ!
Хирле хирь-зэне
Хирле корга-ба сыра барасъ!

этой пѣсни, другое въ Цивильскомъ уѣздѣ, третье въ Чебоксарскомъ (оно же и Шутнерево), лежащее близь знаменитаго въ чувашской сторонѣ Андреевскаго базара. Наконецъ *Хоромалъ* Чуваши зовутъ и село Вязовое, (недалеко отъ Свіяжска) потому-что *хорама* значитъ вязъ. Вѣроятно здѣсь разумѣется третье.

*) Въ русскомъ переводѣ здѣсь не видно связи, но въ подлинникѣ она есть. Сочинитель привязывается къ употребленному въ предыдущемъ стихѣ слову *сюрь* (сто) А оно есть корень чувашскаго названія Цивильска — *Сюрьбю.*

2.

Брюнетокъ дѣвушекъ
Черный богъ родилъ;
Красивыхъ дѣвушекъ
Красивый богъ родилъ.
А чтобы дѣвушки не были безплодны,
Для того насъ Богъ родилъ. —
Чернымъ дѣвушкамъ
Чернымъ ковшомъ пива поднести!
Краснымъ дѣвушкамъ
Краснымъ ковшомъ пива поднести!

3.

Чолъ-хола-ра чонъ выллять,
Пиринъ хола-ра іонъ выллять.
Симбирь котлыхъ-чинъ котлыхъ,
Хазанъ кисрэ—хора кисрэ,
Сіолъ кюскетьме ву іорать;
Хонимынъ хирь-хора хирь
Сюрь кюскетьме ву іорать;
Пиринъ окся хонимъ ра.

Хонимъ хирь *мртъ*-туре,
Хозанъ кисрэ *хртъ*-туре,
Симбирь котлыхъ *мртъ* туре.

3.

Въ Нижнемъ душа играетъ,
Въ нашемъ городѣ кровь играетъ.

Симбирскія шлеи — ременныя шлеи,
Казанская лошадь — вороная лошадь,
Дорогу сократить она годится;
Тестева дочь — черная дѣвушка,
Ночь сократить она годится,
(Потому что) наши деньги (калымъ) у тестя.

(Услышавъ это), тестева дочь фыркнула,
Казанская лошадь брыкнула,
Симбирская шлея тррр.. оборвалась.

4.

Кикирикъ, саръ-алданъ,
Хорынъ-туры бошмаки!
Качь, качь, качагга!
Качагга-подяки карда-ра,
Барни-сарни арча-ра,
Вахи-дваки бичке-ре.
Айда ингге чукъ-симе,
Досымъ бавы тор-лажа,
Тор-лажа чукъ-турымъ;
Таву, таву, хирь-зэмъ,
Тату, хирь-зэмъ!!

4.

Кикирику, пѣтушокъ,
Бересчатый башмачокъ!
Цыба, цыба ты, коза!
Козлята малые въ хлѣвѣ,

Дареный *сарни**) въ сундукѣ
Мелочи всѣ въ *кадкѣ*.**)
Пойдемъ, молодка, *чукъ* есть,
Мнѣ досушка гнѣдого далъ,
Гнѣдымъ конемъ я чукъ дѣладъ.
Да здравствуютъ же дѣвушки!
Да здравствуютъ дѣвушки!!

5.

Ква, ква, кувагалъ!
Шта каядынъ, кувагалъ?
Хорамала каядымъ.
Хорамалда минь тувасъ?
Онда манымъ ьива боръ.
Ьива-синьче мискеръ боръ?
Ьива-синьче симарда боръ.
Симарда-синьче мискеръ боръ?
Симарда синьче ыиръ боръ...
Тыдрымъ, пыхрымъ-хошки боръ,
Утландымъ, кайрымъ ял-тавра,
Тохресь ьид-зэмъ вирьмешкынъ,
Тохресь хирь-зэмъ чармашкынъ.
Хирле пить-ле хирь кордымъ,
Чонымъ хирь-не чобъ-турымъ.
Никама, дерымъ, ан-кала.

---

*) Не помню, объяснялъ-ли я Вамъ, Ал. Ив., что *сарни*—женскій нарядъ, надѣваемый на спину и доходящій до лядвей.

**) Здѣсь рѣчь идетъ о приданомъ чувашскихъ невѣстъ, которое обыкновенно кладется въ кадку, называемую *вюпся* или просто *бичке* (бочка),

Кидемъ, кайрымъ шоръ пюрде,
Шора пюрть-ре шора стель...
Шора стель-де шось чашка,
Шось-чашка-ра шора полъ,
Шора пола тыдмашкынъ,
Атма-коси керле она.
Атма-кось-не тумашкынъ,
Тимерзь-ывылъ керле она.
Тимерзь-ывыл-не сидерме,
Колачь-ба читнай керле она.
Колачь читнай писерьме,
Падша-хирь керле она.
Падша хирь-не вирентме,
Тор-ранъ сюмулхъ керле она.
Падша-хирь-не сяптарма,
Порьзинъ пужа керле она.
Порьзинъ пужа сяггмашкынъ,
Кюмюль иргахъ керле она.
Кюмюль иргахъ сяпмашкынъ,
Кюмюль бревне керле она.
Кюмюль бревне кюмешкынъ,
Падша лажи керле она.
Падша лаша-не сидерме,
Уда-ба сюлю керле она.

5.

Ква, ква, утка!
Куда летишь, утка?
Въ Кармалы я лечу. —
А въ Кармалахъ что дѣлать?

Да тамъ мое гнѣздо есть. —
А что въ томъ гнѣздѣ есть?
Въ томъ гнѣздѣ есть яйца. —
А что въ томъ яйцѣ есть?
Въ яйцѣ жеребенокъ. —
Поймалъ, смотрю — съ лысиной!
Сѣлъ, поѣхалъ вокругъ села,
Собаки лаять выбѣгли,
Унимать ихъ вышли дѣвушки.
Вижу тутъ красотку-дѣвушку,
Въ губки чмокъ милашку-дѣвушку.
Да молчи, сказалъ, не сказывай!
Взялъ да взошелъ въ бѣлый домъ,
Въ бѣломъ домѣ — бѣлый столъ...
На томъ столѣ чашка жестяная,
Въ жестяной чашкѣ — рыба бѣлая.
Рыбу ловить бѣлую,
Для этого сѣть нужна.
Чтобъ такую сѣть вязать,
Кузнеченка звать надобно.
Кузнеченка накормить
Калачъ съ ситнымъ надобно.
Калачъ съ ситнымъ испечи
Княжую дочь надобно.
Княжескую дочь выучить,
Просить надо божьей помощи.
Княжью дочь побить,
Кнутъ надобно шелковый.
Чтобъ связать этотъ кнутъ,
Нуженъ крюкъ серебряный.
Чтобъ вколотить этотъ крюкъ,

Нужно бревно серебряное.
Чтобъ привезть то бревно,
Лошадь нужна княжая.
Чтобъ кормить лошадь княжую,
Овесъ съ сѣномъ надобны.

Вотъ Вамъ и примѣръ *элегической* чувашской пѣсни. Молодой Чувашенинъ выражаетъ жалобу на злую судьбу, которая насылаетъ на него неудачу во всемъ.

6.

Кошъ, кошъ, вурманъ, кошъ, вурманъ!
Миньма туджахъ кошлать ву?
Сіолленъ торатъ хожасъ деть.

Кошъ, кошъ, хумушъ кошъ, хумушъ!
Миньма туджахъ кошлать ву?
Сіолленъ сыппаларасъ деть.

Кирь, кирь, халыхъ, кирь халыхъ!
Миньма кирьзеть сявъ халыхъ?
Сіолленегъ чіонъ хожасъ деть.

Атте боны хор-лажа;
Тыдамъ, кюлемъ-день-чочне...
Іоманъ-цаски болза выртре.

Атте баны шоръ-ине,
Тыдамъ, сувамъ-день-чохне...
Хорынъ-каски болза выртре.

Атте баны херле сорыхъ,
Тыдамъ илемъ сюмне день-чохне...
Херле янгаръ болза выртре.

Атте баны порьзинъ пизихи;
Тыдамъ, сигамъ-день-чохне...
Пожитъ-чиле болза выртре.

Атте баны порьзинъ тодыръ.
Тыдамъ, сигамъ-день-чохне...
Вирене-сюльчи болза выртре.

6.

Шумитъ, шумитъ дубровушка!
За чѣмъ же все шумитъ она? —
Сучки родить сбирается.

Шумитъ, шумитъ камышокъ!
За чѣмъ шумитъ онъ все? —
Колѣнца ставить думаетъ...

Шумитъ народъ, волнуется!
За чѣмъ же тотъ народъ шумитъ? —
Душъ прибавлять думаетъ.

Далъ мнѣ батюшка ворона коня;
Дай впрягу, подумалъ я: —
Дубовой колодой конь сдѣлался..

Далъ мнѣ батюшка корову бѣлую;
Нутка подою, подумалъ я. —
Березовой колодой она сдѣлалась..

Далъ мнѣ батюшка овцу;
Сниму шерсть съ нея, подумалъ я...
Гнилушкой красной она сдѣлалась.

Далъ мнѣ батюшка кушакъ шолковый;
Дай подвяжу, подумалъ я...
Лыкомъ кушакъ сдѣлался.

Далъ мнѣ батюшка платокъ шолковый;
Дай подвяжу подумалъ я....
Кленовымъ листомъ платокъ сдѣлался.

Приведу еще *обрядовую* пѣсню. Ее поютъ, когда женихъ беретъ невѣсту изъ дома отца.

7.

Ай, ай ингге, Куль-ингге
Хора-рахъ да шатра-рахъ:
Ахъ, ахъ, астуманъ,
Астумазыръ ильны она.

Сара-каикъ туратьчень
Сарни тордса-сигынче;
Ахъ, ахъ, астуманъ,
Астумазыръ ильны она.

Хвель хирельзе-тогатьченъ
Питьне турза сювынче;
Ахъ, ахъ, астуманъ,
Астумазыръ ильны она.
Шора-коракъ туратьчень
Шоръ сарпанне сырнынче;

Ахъ, ахъ, астуманъ,
Астумазыръ ильны она.
Вить-вить-каикъ туратьчень
Вить салмине турынче;
Ахъ, ахъ, астуманъ,
Астумазыръ ильны она:
Хора-коракъ туратьчень
Хоран-не сюмза сяггынче,
Ахъ, ахъ, астуманъ,
Астумазыръ ильны она.
Вильтрень каикъ туратьчень
Витрене сюклезе турынче;
Ахъ, ахъ, астуманъ,
Астумазыръ ильны она.

7.

Молодая Акулинушка
Черновата, рябовата!
Ахъ, ахъ, позабыли,
Позабывшись, взяли ее!
До просыпу жолтянки
Пусть сарни свой подвяжетъ;
Ахъ, ахъ, позабыли,
Позабывшись взяли ее!
До восхода солнушка
Пусть встанетъ, умоется;
Ахъ, ахъ, позабыли,
Позабывшись, взяли ее!
До просыпу вороны
Пусть *сарпанъ* обернетъ;

Ахъ, ахъ, позабыли,
Позабывшись, взяли ее!
До просыпу мелкихъ птицъ
Пусть салму накрошитъ;
Ахъ, ахъ, позабыли,
Позабывшись, взяли ее!
До просыпу ворона
Котелъ вымывши подвѣситъ;
Ахъ, ахъ, позабыли,
Позабывшись, взяли ее!
До просыпу крапивника
Пусть ведра (воды) принесетъ.
Ахъ, ахъ, позабыли,
Позабывшись, взяли ее!

—

Вотъ бранная или, если угодно, *сатирическая* пѣсня, которую на свадьбахъ поютъ свахи недовольныя либо угощеніемъ, либо подарками.

8.

Хирь чиберь-и?-тылла пось!
Качь чиберь-и?-мукъ согалъ!
Эберъ она каламарымъ:
Той-ачи-земъ калересь. —
Ку хозянынъ сыра тутла,
Пичиксе хумла калаймесь. —
Ку хозянынъ яцка лаихъ,
Пердакъ туваръ калаймесь. —
Ку хозянынъ кинь чиберь,

Пичиксе сорпанъ хора-рахъ. —
Ку хозяньшъ хиръ чиберь.
Пердакъ чалма хора-рахъ. —
Ку хозяньшъ ывылъ лаихъ,
Пердакъ сюсь-не вурманъ юстерны.

8.

Хороша ль невѣста? — кочка!
Хорошъ ли женихъ? — мохъ-борода! *)
Не мы это сказали;
Дѣти это сказали. —
У этого хозяина пиво сладко,
Да хмѣлю тутъ недоложили. —
У этого хозяина *яшка* хороша,
Да соли тутъ не доложили. —
У этого хозяина сноха красива,
Да немного у нея *сарпанъ* **) черноватъ. —
У этого хозяина дочь красива,
Да немного у нея *чалма**** черновата. —
У этого хозяина сынъ хорошъ,
Да волосы великоньки отростилъ.

---

*) Т. е., женихъ очень старъ.

**) И опять-таки не помню, въ прежнихъ письмахъ моихъ сказалъ ли я Вамъ, любезнѣйшій Ал. Ив. что *сарпанъ*—рѣдкое, прозрачное полотно, однимъ концомъ котораго у женщинъ обертывается голова, а другой опускается на спину и прикрѣпляется къ поясу. *Сарпанъ* черный — это верхъ неряшества.

**) Подобно Татарамъ — мущинамъ, чувашскія дѣвушки обертываютъ голову полотномъ поверхъ *тохьи* или шитой бисеромъ тюбетейки. Разница въ томъ только, что у *хирекъ* эта обвивка не такъ густа, какъ у Татаръ.

Есть у Чувашъ бранныя пѣсни далеко рѣзче этой, но всѣ онѣ уже отзываются сильнымъ вліяніемъ руссизма и пересыпаны тѣми русскими выраженіями, которыхъ стыдится печать. Странная вещь эти выраженія. Бродя по окрестностямъ Петербурга, я видалъ препочтенныхъ нѣмецкихъ колонистовъ, которые плохо говорили по-русски, но съ достодолжною отчетливостію въ случаѣ нужды разражались этими выраженіями. Теперь тоже вижу и у Чувашъ, и у Черемисъ, и у Татаръ.

Впрочемъ не думайте, чтобы и въ приведенной мною пѣсни брань была легкая. Нѣтъ, сорокъ разъ нѣтъ. Сказать, что у Чувашенина нѣтъ хмѣлю, соли, что онъ скупится на нихъ — это значитъ отпустить ему презлой сарказмъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ замѣтить, что устройство чувашскаго стиха — тоническое. Первое условіе и основаніе чувашской версификаціи составляетъ логическое удареніе, другое — игра словъ и аллитерація, занимающая у Чувашъ мѣсто нашей риѳмы; только риѳма эта бываетъ у нихъ не на концѣ стиха, но въ началѣ или срединѣ, какъ это можно видѣть изъ вышеприведенныхъ примѣровъ.

XIII.

Вопросъ о чувашскомъ языкѣ и его происхожденіи доселѣ не приведенъ къ окончательному рѣшенію. Большинство филологовъ слишкомъ поспѣшно рѣшило, будто онъ есть *финское* нарѣчіе, образовавшееся подъ сильнымъ вліяніемъ тюркскаго и славянскаго языковъ. Я утверждаю совершенно противное, и готовъ доказать, что чувашскій языкъ есть чисто-тюркское нарѣчіе, съ примѣсью словъ арабскихъ, персидскихъ и русскихъ, и почти безъ всякой примѣси словъ финскихъ; потому-что по точномъ изслѣдованіи оказывается, что и весьма немногія выраженія, сходныя съ финскими, какъ напр., *вый* (ф. войма, сила), *корча* (ф. кауга, ковшъ), *олымъ* (ф. олки, солома), *хумла* (ф. гумала, хмѣль), очевидно заимствованы съ черемисскихъ: *вы* (сила), *корка* (ковшъ), *оломъ* (солома), *умла* (хмѣль). Притомъ нельзя не замѣтить, что происхожденіе двухъ послѣднихъ словъ очень подозрительно. *Оламъ* — это едва-ли не наша *солома*, подобно тому и *умла* едва-ли не русское *хмѣль*.

Да нельзя не сознаться и въ томъ, что доселѣ ученые мало имѣли надежныхъ пособій къ изученію чувашскаго языка. Правда, теперь уже нѣсколько книгъ переведенно на этотъ языкъ и напечатано русскими буквами, какъ напр., Катихизисъ, сочиненный митрополитомъ Платономъ (1804), Проповѣдь о воспитаніи

11*

дѣтей, свящ. Алонзова (1819); Четвероевангеліе (1820) и проч.; но все это переводы подстрочные, въ которыхъ мало обращалось вниманія на духъ языка и на внутренній механизмъ его. Такъ въ Четвероевангеліи многія славянскія слова, непонятныя и для многихъ Русскихъ, а тѣмъ больше для Чувашъ, оставлены вовсе безъ перевода. — Для нѣкоторыхъ изъ нихъ — скажутъ мнѣ, — въ бѣдномъ чувашскомъ языкѣ не можетъ быть равносильныхъ выраженій. — Вѣрю: но чтожъ тутъ за бѣда? Употребите перифразъ: вы растянете рѣчь, но за то сдѣлаете ее понятною, слѣд., приблизите къ цѣли. — Далѣе строеніе и складъ рѣчи здѣсь большею частію не чувашскіе. Наконецъ, что всего страннѣе, переводчики по неизвѣстной причинѣ боятся употреблять условную форму глагола, столь обыкновенную въ устной рѣчи, и безъ всякой нужды пестрятъ текстъ русскимъ *если*, тогда какъ союзъ этотъ вовсе неизвѣстенъ Чувашамъ. Если бы теперь кто-либо захотѣлъ изучить чувашскій языкъ по этимъ переводамъ, то онъ составилъ бы себѣ столь же вѣрное понятіе о немъ, какое могъ получить о *черемисскомъ* языкѣ г. *Ф. I. Видеманнъ*, учитель греческаго языка въ Ревелѣ, по черемисскому переводу Евангелія составившій грамматику: Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache nach dem in der Evangelischen Uebersetzung von 1821 gebrauchten Dialecte (Reval. 1847*). Что именно въ книгѣ г-на Видеманна заимствовано 1) изъ грамматики черемисской, изданной въ Петербургѣ въ 1775 году, 2) изъ грамматики о. Альбинскаго, напечатанной въ Казани въ 1837 году, 3) изъ книги г-на Кастрена: Elementa grammatices Tscheremissae, изданной въ Куопіо въ 1845 году, — и что новаго и вѣрнаго онъ

---

*) Замѣчательно, что тотъ же г-нъ Видеманнъ составилъ, по переводу Евангелія Св. Матѳея, зырянскую грамматику: Versuch einer Grammatik der syrianischen Sprache nach dem Uebersezung des Evangelium Matthäi gebrauchten Dialekte.

самъ, не знающій живого и разговорнаго языка*) и, какъ по всему видно, никогда не бывшій въ здѣшней сторонѣ, придумалъ отъ себя, какія странныя правила относительно духа и механизма языка извлекъ изъ своего изученія черемисскаго перевода Четвероевангелія, — обо всемъ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ нашемъ сочиненіи, — въ *Изслѣдованіяхъ о Черемисахъ*; а теперь обращаемся къ оцѣнкѣ печатныхъ пособій для изученія чувашскаго языка.

Въ 1772 году издана книга подъ названіемъ: *Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ чувашскаго языка.* Въ ней заключается очень краткая грамматика съ еще болѣе краткою переченью именъ и глаголовъ. Книга эта — ниже критики.

Въ 1836 году явилось: *Начертаніе правилъ чувашскаго языка и словарь, составленный для духовныхъ училищъ Казанской епархіи.* Это трудъ ученаго о. протоіерея В. П. Вишневскаго. Позвольте мнѣ нѣсколько подробнѣе поговорить объ этой грамматикѣ.—Главы 1 о буквахъ и 2 о знакахъ удареній изложены въ ней основательно. Авторъ является здѣсь установителемъ чувашской орѳографіи, довольно затѣйливой. — Въ главѣ 4-й читаемъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній объ идіотизмахъ чувашскаго языка. Но на стр. 8-й встрѣчаемъ слѣдующее примѣчаніе: »имена *ача* — дитя, *ывылъ* — сынъ, *хирь* — дочь, *пось*—голова, въ звательномъ падежѣ принимаютъ приращеніе *мъ*, на пр., *ачамъ*—дитятко, *ывылымъ*—сынокъ, *хиримъ*—дочка, *посимъ*—головушка, онѣ же и уменьшительныя.« Здѣсь, какъ мнѣ кажется, небольшое недоразумѣніе. *Мъ* есть притяжательное татарское мѣстоименіе 1-го лица, и значитъ

*) Авторъ самъ сознается, что при составленіи грамматики совѣтовался съ какимъ-то матросомъ изъ Черемисъ, умѣвшимъ впрочемъ забыть свой языкъ. Vorwort. S. V.

мой. Слѣд. *ачамъ* значитъ не дитятко, а *дитя мое*, *ывылымъ* — не сынокъ, а *сынъ мой*, *хиримъ* — не дочка, а *дочь моя*, *посимъ* — не головушка, а *голова моя* и т. д. Формы уменьшительной тутъ вовсе нѣтъ. — Принятое авторомъ дѣленіе существительныхъ именъ на 3 склоненія совершенно произвольно. Я думаю, что у Чувашъ одно склоненіе. Стоитъ взглянуть на приведенныя авторомъ деклинаціонныя формы, чтобы убѣдиться въ этомъ. Онъ сдѣлалъ 3 склоненія, основываясь на различныхъ окончаніяхъ именъ въ падежахъ прямыхъ. Метода слишкомъ устарѣлая! Если слова въ падежахъ косвенныхъ имѣютъ одинаковыя окончанія и разнятся только въ прямыхъ, то къ какой стати тутъ дѣленія на разныя склоненія? — Въ главѣ объ имени прилагательномъ многое не обдѣлано надлежащимъ образомъ, и встрѣчаются значительныя невѣрности. Такъ на стр. 15 авторъ говоритъ, что »нерѣдко имена существительныя, поставленныя въ родительномъ падежѣ, имѣютъ значеніе прилагательныхъ.« — Это неправда. — Съ большею отчетливостію изложены главы о мѣстоименіи и особенно о глаголѣ, хотя и здѣсь не обошлось дѣло безъ промаховъ. Такъ на стр. 36-й авторъ говоритъ, что »повелительное наклоненіе дѣлается изъ неопредѣленнаго, отбрасывая слогъ *асъ* или *ясъ*, и въ примѣръ приводитъ глаголъ *изясъ* (пить), который будтобы въ повелительномъ наклоненіи имѣетъ: *изъ*. — Но слово—*изъ* Чувашамъ вовсе неизвѣстно; они говорятъ: *ись* (пей), а не *изъ*.

Синтаксисъ автора очень коротокъ: онъ весь помѣщается на 4-хъ страничкахъ разгонистой печати. Это бы конечно еще не бѣда. Но авторъ держится устарѣлой грамматической методы и отдѣлывается общими мѣстами тамъ, гдѣ необходимо нужно было бы примѣняться къ дѣйствительнымъ особенностямъ и условіямъ живого языка. Говоря, на пр., объ *употребленіи падежей*, онъ ограничивается только пресловутою замѣткою, что именитель-

ный падежъ поставляется по вопросамъ: *кто* или *что*, родительный — *кого* или *чего* и т. д. — Вотъ почти все, что авторъ говоритъ объ управленіи словъ. — Но вѣдь это свойство всѣхъ языковъ въ мірѣ и нисколько не объясняетъ существенныхъ свойствъ языка чувашскаго. — Увлекшись своими вопросами: *кто*, *кого*, *кому* и т. д., авторъ утверждаетъ, что *именительный* падежъ употребляется вмѣсто *родительнаго*, на пр., *баръ мана черъ ластыкъ сюкуръ*, дай мнѣ кусочекъ хлѣба. — Трудно согласить это съ логикою языка. Скорѣе можно предположить, что слова: *черъ ластыкъ-сюкуръ* здѣсь слиты въ одно понятіе, и въ винительномъ падежѣ стоитъ *сюкуръ*. И у насъ въ старинныхъ пѣсняхъ встрѣчаются подобныя грамматическія формы: на пр., *колоты стрълы изъ трость дерева*; или: *воротись милъ надежа, воротися другъ* и т. п. — Понятія: *трость-дерево* и *надежа другъ* здѣсь слиты, и отъ того въ первомъ примѣрѣ *изъ* не управляетъ притяжаніемъ, и во второмъ *надежа*, какъ эпитетъ *друга*, принимаетъ родъ сего послѣдняго. Это особенная грамматическая фигура, извѣстная филологамъ подъ именемъ *аттракціи*. — Далѣе на стр. 68-й авторъ говоритъ, что во фразѣ: *баръ мана сюкуръ*, послѣднее слово стоитъ въ *именительномъ* падежѣ. — Это опять неправда. Вѣдь и у насъ есть слова, изъ которыхъ однѣ въ именительномъ и винительномъ, а другія въ родительномъ, дательномъ и предложномъ падежахъ, не смотря на шумныя прещенія грамматиковъ, благоизволятъ имѣть одно и тоже окончаніе. Тутъ много толковать нечего: лучше допустить сходство именительнаго падежа съ винительнымъ, нежели предполагать, будто бы вопреки законамъ и логики, и здраваго смысла, и обще-философской грамматики, дѣйствительный глаголъ могъ требовать именительнаго падежа.

Къ грамматикѣ о. прот. Вишневскаго приложенъ *словарь*, составляющій ея главное достоинство. Это первый дѣльный опытъ

чувашской лексикографіи, который стыдно и сравнивать съ Миллеровскимъ изуродованнымъ сборникомъ. Трудъ почтеннаго о. протоіерея доселѣ по всѣмъ правамъ пользуется честію быть руководительною книгой въ духовныхъ училищахъ. Но если авторъ вздумаетъ приступить ко второму изданію своего очень полезнаго труда, то мы приняли бы на себя смѣлость просить его сдѣлать слѣдующія перемѣны. *Во первыхъ* не опускать изъ виду употребительнѣйшихъ словъ, каковы, на пр., *волась*, читать, *сивыхланась*, приближаться и нѣкоторыя другія, непомѣщенныя въ словарѣ. *Во вторыхъ* или не пестрить свое произведеніе исковерканными на чувашскій манеръ русскими словами, или тутъ же для пользы учащихся объяснять ихъ происхожденіе, присовокупляя, на пр., что чувашское *азра* есть русское зря, *воракъ* — оврагъ, рытвина, *клейме* — клеймо, *клукъ* — клушка *кнеге* — книга, *коба* — копна, *кожакъ* — кошка, *корбункла* — горбатый, *кранъ* — грань, граница, *крапле* — грабли, *кукшумъ* — кувшинъ, *курка* — курица, *кутра* — кудрявый, *кюсле* — гусли, *мукъ* — мохъ, *падакъ* — батогъ, палка, *пружинъ* — пружина, пробой, *прусъ* — брусокъ, оселокъ, *сажанъ* — сажень, полѣнница, *сала* — сало, *саладъ* — солодъ, *саплась* — заплатить вѣтхое платье, *саплыкъ* — заплата, *сога* — соха, *сонаска* — саласки, *стель* — столъ, *хитре* — хитрый, мудреный, красивый, *хымачъ* — кумачъ и проч. *Въ третьихъ* выключить изъ словаря чувашскаго ни за что, ни про что попавшія въ него русскія слова. Таковы: *клеть*, *капуста*, *маякъ* (вѣха), *моръ* (зараза), *ракъ*, *сазанъ* и проч.

Но вполнѣ удовлетворительными грамматика и словарь о. Вишневскаго были бы только тогда, когда бы онъ и въ той, и въ другомъ постоянно слѣдилъ и указывалъ на сродство чувашскаго языка съ тюркскими нарѣчіями. Сродство это и притомъ самое ближайшее не подлежитъ нималѣйшему сомнѣнію. Уже и

въ прежнихъ письмахъ моихъ я неоднократно указывалъ на одинаковыя слова у Татаръ и у Чувашъ. Можно распространить это лексикографическое сходство отъ перваго до послѣдняго слова въ чувашскомъ языкѣ, исключивъ только вышеприведенныя русскія выраженія, равно какъ арабскія, персидскія и монгольскія*) Чтобы

---

*) Вотъ слова, перешедшія изъ *арабскаго* языка въ чувашскій: *аваль* (первый, древній), *айванъ* (ар. хайванъ, скотъ), *аипъ* (позоръ), *аипла* (ар. аиблу, виноватый), *іумуръ* (ар. умыръ, жизнь), *кабиръ* (надмѣнный, гордый), *кагалъ* (ар. кагиль, лѣнивый), *лаихъ* (ар. лаикъ, приличный), *мыскара* (ар. масхари, насмѣшка), *нухратъ* (серебряныя деньги), *сагатъ* (ар. саатъ, часъ), *саламъ* (почтеніе, миръ), *селимъ* (ар. салимъ, здоровый, хорошій), *телей* (ар. талі эйя, собственно гороскопъ, счастіе, судьба), *тохья* (ар. такія, повязка, родъ діадимы), *ухмакъ* (ар. акмакъ, глупый), *хадеръ* (ар. хадзеръ, то, что есть, запасъ), *хакъ* (цѣна), *халъ* (мочь, сила), *халь* (теперь), *халаль* (ар. халяль, то, что позволено, въ переносномъ смыслѣ наслѣдство), *халапъ* (ар. халафъ, басня), *халыкъ* (народъ) *хаманъ* (ар. аманъ, пощада, спасеніе, здоровье), *хотъ* (письмо, почеркъ), *хыбаръ* (ар. хабаръ, извѣстіе). — Монгольскаго происхожденія суть слова: *абаи* (мать моя), *алдасъ* (мон. малдху, копать, рыть), *ама* (мон. эме, самка), *иня* (мон. унье, корова), *іорлыкъ* (мон. зерлыкъ, тат. ярлыкъ), *олбутъ* (мон. олпаутъ, господинъ), *орна* (бѣшеный), *таръ* (мон. дару, порохъ), *тильгебе* (мон. диль-бегге, возжи), *торду* (мон. орду или урду, родъ, племя, отсюда — орда), *чіолъ* (мон. чилунъ, камень), *ырги* (мон. зирге, рядъ, порядокъ. — Изъ персидскаго въ чувашскій языкъ перешли: *ача* (бече, ребенокъ), *досъ* (достъ, другъ), *іумутъ* (пер. умидъ, надежда), *кизыя* (пер. киса, карманъ, кисетъ), *кюгюрть* (пер. кубертъ, горючая сѣра), *начаръ* (отъ пер. *на*, не, и *чаръ*, неимѣющій средствъ, бѣдный, худой), *парча* (отъ пер. паре, часть, кусокъ, уменьшит. парче, кусочекъ, отсюда наша *парча*), *падша* (пади-шахъ, царь), *пызыкъ* (пер. бузуркъ, большой), *сасъ* (голосъ, звукъ), *сынчиръ* (пер. занчиръ, цѣпь), *сюварнасъ* (отъ пер. сюваръ, всадникъ), *таза* (чистый), *тушманъ* (пер. душманъ, врагъ, злодѣй), *уста* (пер. устадъ, мастеръ), *хавасъ* (желаніе), *хозя* (ходжа, господинъ, хозяинъ), *чонъ* (пер. джонъ, душа). —

убѣдиться въ этомъ, стоитъ только принять въ соображеніе слѣдующія діалектическія признаки обоихъ нарѣчій.

а) Перемѣните чувашскія окончанія неопредѣленнаго наклоненія *асъ* и *язъ* на татарскія окончанія того же наклоненія *макъ* и *мякъ*, — и вы получите чисто-татарскія слова. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Чувашскія слова:	Татарскія:
Авланасъ	Анвлямякъ, жениться
анаслась	иснамакъ, позѣвать,
астарасъ	аздырмакъ, обманывать, соблазнять
бирасъ	бирмякъ, давать,
билясъ	бильмякъ, знать,
боласъ	болмакъ, быть,
бырасъ	бармакъ, быть, приходить, годится,
вилясъ	ульмякъ, умирать,
десъ	димякъ, говорить, отсюда наше *дескать*,
казасъ	канмакъ, рѣзать, рубить,
махтанасъ	мактамакъ, хвалиться, по монгольски мактаху, по арабски — мадаха,
олдалинасъ	олданмакъ, обманывать,
пидересъ	бидермякъ, оканчивать,
пивересъ	пизермякъ, варить,
торасъ	торамакъ чесать,
сивасъ	сивмякъ, любить,
табасъ	тапмакъ, лягать,
тивасъ	тимакъ, трогать,
тордасъ	тормакъ, тянуть,

тухтасъ тухтамакъ, ждать,

хваласъ квалaмакъ, гнать.

b) Слова, въ татарскомъ языкѣ начинающіяся съ звукомъ *о* или *у*, въ чувашскомъ принимаютъ въ началѣ букву *в*, напр.:

Чувашскія слова:	Татарскія:
вилимъ	улимъ, смерть,
вилясъ	ульмякъ, умирать,
вода	утунъ, дрова,
вотъ	утъ, огонь,
вурзь	урушъ, война, сраженіе, брань,
вурзясъ	урушмакъ, браниться, спорить,
вурласъ	угрламакъ, воровать,
вуру	улры, воръ.

c) Измѣнивъ въ чувашскихъ словахъ букву *п* въ *б*, мы получимъ однозначущія съ чувашскими татарскія слова. Вотъ примѣры:

Чувашскія слова:	Татарскія:
пабакъ	бабка, дѣтенокъ,
пага	бога, дорогой, важный,
пагарды	багыръ, печень,
паланъ	баланъ, калина,
паттыръ	батуръ, или батыръ, сильный, откуда наше богатырь,
перь	биръ, одинъ,
перле	бирля, вмѣстѣ, съ,
пить	лицо,

пить	бикъ, очень,
планъ	буланъ, олень (не отсюда ли и наше *буланый*?)
подене	бутне, перепелка,
пожа	бошъ, пустой, незанятой,
позасъ	басмакъ, класть, давить, печатать; отсюда *басмаки*, печатники, носившіе съ собою *басму*, изображеніе ханское,
пола	балыкъ, рыба,
поръ	буръ, мѣлъ,
порне	бирмакъ, палецъ,
пось	башъ, голова,
пось-порне	башъ-бирмакъ, голова-палецъ, т. е. большой палецъ,
пошмакъ	башмакъ,
путу	буткэ, каша,
пурзя	бурчакъ, горохъ,
пуры	бурай, полба,
пуянъ	баянъ, богатый,
пызыкъ	бузуркъ, большой,
пылъ	балъ, медъ,
пыльчикъ	балчакъ, грязь,
пюзюръ	бусыръ, грыжа.

d) Татарскій звукъ *з* въ чувашскомъ языкѣ переходитъ въ *р*. Напримѣръ:

Чувашскія слова:	Татарскія:
маръ	мызъ, безъ,
зыръ	сызъ, безъ,

кюрь	кюзь, осень,
пуръ	бузъ, ледъ, градъ, морозъ,
сузыръ	исамъ-сызъ, нездоровый,
хирь	кызъ, дочь,
сюрь	юзъ, сто,
сюлдыръ	юлдусъ, звѣзда.

e) Слова, начинающіяся въ татарскомъ языкѣ звуками *и*, *дж*, *я*, *ю*, въ чувашскомъ принимаютъ звукъ *с*. Напримѣръ:

Чувашскія слова:	Татарскія:
силь	иль, или джиль, вѣтеръ,
симарда	юмурта, или джумурта, яйцо,
сине	ине, новый,
сирь	ирь, или джирь, земля,
сиримъ	джигирма, двадцать,
сирь-олма	ирь-олма, земляное яблоко, картофель,
ситмиль	итмыщъ, семьдесятъ,
сіокъ	іокъ, нѣтъ,
сіолъ	юлъ, дорога,
сіолъ-поси	юлъ баши, голова дороги, провожатый,
сіомыръ	іюмыръ, дождь,
сіоранъ	юранъ, пѣшій,
сіортъ	юртъ, домъ,
сюлепь	иланъ, или джиланъ, змѣй,
сюрги	юрга, иноходецъ. —

f) Татарскія слова, начинающіяся звукомъ *к*, въ чувашскомъ имѣютъ *х*. Напримѣръ:

Чувашскія слова:	Татарскія:
хачь	качь, ножницы,
хваласъ	кваламакъ, гнать,

хирь	кызъ, дочь,
хобахъ	кабакъ, родъ военной игры,
хозахъ	казакъ, вольный, холостой,
хора	кора, черный,
хоралъ	караулъ,
хорамъ	корама, вязъ,
хорандашъ	корындыщъ, братъ, родственникъ,
хортъ	куртъ, червякъ, пчела,
хорчка	карчга, ястребъ,
хуна	кунакъ, гость,
хуракъ	курукъ, сухой,
хырымъ	кырымъ, брюхо,
хыяръ	кыяръ, огурецъ.

Прочія чувашскія слова по большой части или совершенно сходны съ татарскими, или допускаютъ только такія измѣненія, въ которыхъ, если будемъ имѣть въ виду 6 вышеизложенныхъ правилъ, найдемъ не опровержение, а доказательство тюркскаго происхожденія Чувашъ.

Еще болѣе убѣдительное доказательство тому представляютъ грамматическія формы того и другого языка. Отдѣльныя слова и выраженія одинъ народъ можетъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ заимствовать у другого совершенно разноплеменнаго. Но формъ грамматическихъ ни одинъ народъ вполнѣ не заимствуетъ отъ другого. Слѣд., если два языка и два народа въ нихъ сходствуютъ, это уже не два языка и не два народа, а два нарѣчія одного первоначальнаго основнаго языка, два племени одного корня. Примѣнимъ это положеніе къ чувашскому и татарскому нарѣчіямъ.

Формы склоненій въ обоихъ нарѣчіяхъ очень сходны. Возьмемъ въ примѣръ общее тому и другому языку слово: *халыкъ*.

Чувашское склоненіе:	Татарское:
Ед. ч.	Ед. ч.
И. халыгъ (народъ),	халкъ
Р. халыганъ	халкнынъ
Д. халыгга	халкга
В. халыгне	халкни
Т. халыгъ-ба	халкъ-бирля и проч.

Еще яснѣе открывается это сходство изъ законовъ образованія именъ прилагательныхъ.

Въ чувашскомъ языкѣ онѣ образуются:

1) Изъ существительныхъ чрезъ прибавленіе слоговъ *ла* и *ди*. — Въ татарскомъ онѣ составляются чрезъ прибавленіе слоговъ *лу*, или *лы*.

2) Изъ нарѣчій чрезъ прибавленіе слога *ги* напр., *авалъ*, древле, — *авалги*, древній. — Тоже правило соблюдаетвя и въ татарскомъ языкѣ: *авалкги*, первый.

3) Имена прилагательныя, значущія недостатокъ, отрицаніе, въ чувашскомъ языкѣ образуются изъ существительныхъ чрезъ прибавленіе слога *зыръ* (безъ), напр., *хал-зыръ* (нездоровый). Но это формація чисто-татарская. И у Татаръ въ этомъ случаѣ присоединяется къ именамъ частица *сызъ*, напр. *хал-сызъ* нездоровый, *кусъ-сызъ* (по чувашски *кось—сыръ*), безглазый.

4) Сравнительная степень образуется въ чувашскомъ языкѣ

чрезъ прибавленіе къ положительной *дарахъ*, сокращенно *рахъ*, напр., *озал-рахъ*, хуже; и по-татарски хуже — *узал-ракъ*.

5) Сравнительная степень въ чувашскомъ языкѣ нерѣдко замѣняется положительною. Это случается тогда, когда къ имени прибавленъ предлогъ *данъ*, напр., *вулъ онъ-данъ асла*. Это также татарскій идіотизмъ. Татары въ этомъ случаѣ говорятъ: *улъ онъдынъ улукъ*.

Мѣстоименія чувашскія также сходны съ татарскими. *Я*—по чувашски *аби*, по-татарски—*бянъ* или *манъ*, *меня* — и по-чувашски и по-татарски *минынъ*, *мнѣ* — *манга*, *мана*; *онъ* — по-чувашски *вулъ*, по-татарски — *улъ*, *его* — и по-чувашски, и по-татарски — *онынъ* и т. д. Легкія измѣненія принимаютъ въ чувашскомъ языкѣ немногія изъ мѣстоимѣній, напр., *пиринъ*, тат. *бизынъ*, нашъ; *сиринъ*, тат. *сизынъ*, вашъ и нѣк. др. — Но здѣсь прошу припомнить, что было сказано мною выше о переходѣ въ чувашскомъ языкѣ буквъ *б* въ *п* и *з* въ *р*.

Имѣя въ виду это правило о переходѣ буквъ, можете усмотрѣть сходство и спрягательныхъ формъ того и другого нарѣчія.

Остается заключить отсюда, что *чувашскій языка есть тюркское нарѣчіе*.

Но что за народъ были сами Чуваши, подъ какимъ именемъ они могли быть извѣстны въ древности и что значитъ настоящее ихъ имя, — объ этомъ я поговорю въ слѣдующемъ письмѣ, а потомъ обращусь къ Черемисамъ.

XIV.

Чуваши — народъ довольно многочисленный, разбросанный густыми группами на пространствѣ четырехъ губерній: казанской (гдѣ ихъ считается до 300,000 человѣкъ), оренбургской (57,243 человѣкъ), симбирской (101,370 человѣкъ) и саратовской*). Само собою разумѣется, что это разсѣяніе ихъ по столь обширному пространству произошло въ позднѣйшія времена, въ слѣдствіе политическихъ переворотовъ, и что прежде они жили нераздѣльно, въ одной массѣ. Весьма естественно также предположеніе, что они не могли быть неизвѣстны путешественникамъ и особенно арабскимъ историкамъ и географамъ, столь хорошо знакомыхъ съ здѣшнею мѣстностію и этнографіею. Но ни у нихъ, ни у русскихъ лѣтописцовъ до 1551 года не встрѣчается имени Чувашъ. Прямое заключеніе отсюда то, что народъ этотъ извѣстенъ былъ въ старину подъ другимъ названіемъ. Подъ какимъ же именно?

Мы не будемъ отыскивать Чувашъ между финскими племенами, по причинамъ изложеннымъ въ предыдущемъ письмѣ; а

---

*) Число Чувашъ, живущихъ въ саратовской губерніи (въ уѣздахъ петровскомъ и кузнецкомъ), мнѣ неизвѣстно. Г. Леопольдовъ говоритъ, что тамъ новокрещенныхъ Чувашъ вмѣстѣ съ Татарами считается 65,542 души, но не показываетъ, сколько въ этомъ числѣ Чувашъ.

лучше приведемъ мнѣнія объ этомъ предметѣ новѣйшихъ писателей, которые уже признали незаконнымъ родствомъ Чувашъ съ Чудью бѣлоглазою.

А. А. Фуксъ говоритъ: »удивительно, что Несторъ, въ своей народной генеалогіи, говоря о всѣхъ народахъ, нигдѣ не упоминаетъ о Чувашахъ, тогда какъ этотъ народъ всѣхъ многочисленнѣе......Я начинаю соглашаться съ мнѣніемъ, что Чуваши въ самомъ дѣлѣ не потомки-ли *Хозаръ*, — и что у Нестора Хазары тоже, что наши Чуваши«*).

Но у г-жи Фуксъ нѣтъ средняго термина, и отъ того силлогизмъ ея невѣренъ. Несторъ не упоминаетъ о Чувашахъ; слѣд. это были Хазары! — Но почему же именно Хазары, а не Булгары, Печенѣги, Торки или другой какой-либо народъ? на это нѣтъ отвѣта въ *Запискахъ о Чувашахъ*, да, кажется, не можетъ и быть.

П. С. Савельевъ видитъ въ Чувашахъ потомковъ Волжскихъ Булгаръ, и въ подкрѣпленіе своего мнѣнія приводитъ слѣдующія доказательства:

1) Г-жа Фуксъ, описывая чувашскій торжекъ, происходившій въ *десяти* верстахъ отъ деревни, въ полѣ, при большой дорогѣ, замѣчаетъ, что *Чуваши не любятъ прилива постороннихъ жителей въ ихъ селенія.* »Это, — говоритъ г-нъ Савельевъ, — едва-ли не древнее обыкновеніе Булгаръ: и они, кажется, не любили видѣть чужестранцевъ въ своихъ селеніяхъ. Руссы на время булгарской ярмарки жили на берегу, близь своихъ ладей, далеко

*) Записки о Чувашахъ стр. 32.

отъ города, потому-что Булгаръ былъ верстахъ въ *десяти* отъ Волги. Даже послы Халифа не были допущены въ столицу и въ продолженіе нѣсколькихъ дней оставались въ полѣ, верстахъ въ *десяти* отъ города«*).

Смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что чувашскіе торжки не имѣютъ ничего общаго съ булгарскими ярмарками, и что торжки эти происходятъ въ полѣ, на большихъ дорогахъ отнюдь не въ подражаніе древнимъ Булгарамъ, а *во первыхъ* въ слѣдствіе распоряженій винного откупа. Главная принадлежность чувашскаго базара — кабакъ; если онъ построенъ такъ удачно, что къ нему рукой подать изъ многихъ окрестныхъ деревень, то возлѣ него непремѣнно устроивается базаръ, обыкновенно бывающій по пятницамъ и воскресеніямъ; а извѣстно, что *для* откупа строить кабаки гораздо выгоднѣе на большихъ дорогахъ, чѣмъ въ селахъ. *Во вторыхъ* торжки эти бываютъ на большихъ дорогахъ потому, что ихъ никоимъ образомъ нельзя завести въ чувашскихъ селахъ и деревняхъ по причинѣ крайне безпорядочной ихъ постройки и отсутствію всего, что хоть сколько-нибудь походило бы на площадь или на правильную улицу. Завести же базары близь селъ значитъ лишиться либо выгона *для* скота, либо пахотной земли. Слѣд. и *для* самихъ Чувашъ выгоднѣе имѣть базары на большихъ, обыкновенно очень широкихъ дорогахъ. Выходитъ, что здѣсь все зависитъ отъ обоюдныхъ выгодъ откупа и самихъ Чувашъ, а не отъ древняго обыкновенія Булгаръ, какъ утверждаетъ г-нъ Савельевъ, и не отъ того что Чуваши не любятъ прилива постороннихъ жителей въ ихъ селенія, какъ полагаетъ г-жа Фуксъ. — Не могу умолчать и о томъ, что меня очень соблазняетъ въ вышеприведенномъ доказательствѣ ученаго оріенталиста слово *десять*,

---

*) Мухаммеданская Нумизматика, стр. 100.

употребленное имъ трижды и всякій разъ напечатанное курсивомъ. Очевидно, тутъ было у автора особенное намѣреніе. Булгары отстояли на *десять* верстъ отъ Волги, на берегу которой Руссы жили во время ярмарки, близь своихъ людей, далеко отъ города: чувашскій торжекъ Семикъ происходитъ также въ *десяти* верстахъ отъ деревни (?). Сближеніе, думалъ вѣроятно авторъ, не случайное: ужь не всѣ-ли булгарскія и чувашскія ярмарки происходили и происходятъ не менѣе, какъ въ *десяти* верстахъ отъ жилыхъ мѣстъ? — Но напрасно авторъ думаетъ будто древній Булгаръ стоялъ *въ десяти* верстахъ отъ Волги:*) онъ находился на самомъ берегу этой рѣки. *Абульфеда* ясно говоритъ, что Волга, протекая близь столицы Булгаръ, огибала ее съ сѣвера и запада, и это вполнѣ подтверждается мѣстностію развалинъ города. Татарская рукопись *Теварихъ-удъ-даваиръ* (лѣтопись круговъ или вѣковъ) и восточные писатели *Раузъ-эль-митара* и *Ибнъ-эль-Вардія* опредѣляютъ даже и время, когда Волга приняла другое направленіе (спустя 54 года по завоеваніи Булгаръ Тимуромъ)**). Да и авторитеты здѣсь, кажется, вовсе не нужны. Если бы авторъ самъ побывалъ на развалинахъ Булгаръ и осмотрѣлъ ихъ мѣстность; то твердо убѣдился бы, что въ старину Волга *должна* была проте-

---

*) И нынѣ развалины Булгаръ отстоятъ отъ Волги въ шести или много семи верстахъ, да и тѣ мѣряла старуха клюкой, да махнула рукой. — Надобно сказать также, что *Ибнъ-Фодланъ*, на которомъ основывается авторъ, говоритъ только, что за два фарсанга (за 8 верстъ) отъ столицы царь Булгарскій встрѣтилъ посольство Халифа, а объ растояніи Волги отъ Булгаръ у него, кажется, нѣтъ ни слова.

**) Энциклоп. Лекс. т. VII. 292. — Волга въ здѣшней губерніи и теперь продолжаетъ напирать на правый берегъ, а лѣвый заноситъ пескомъ и иломъ. Уже на моей памяти многіе большіе протоки ея на лѣвой сторонѣ или обмелѣли, или вовсе занесены пескомъ. Не упоминая о множествѣ примѣровъ этого рода, укажемъ только на Казанскую пристань — Бакалду.

кать мимо этого города. — Напрасно также авторъ извращаетъ слова г-жи Фуксъ, которая говоритъ, что чувашскій *базаръ происходилъ въ десяти верстахъ отъ нашей деревни*, т. е. отъ ея русской вотчины, отъ ея помѣстья; а г-нъ Савельевъ, гоняясь за роковымъ словомъ *десять*, выпустилъ мѣстоименіе *нашей*, отъ чего рѣчь приняла другой смыслъ, изъ котораго можно заключить, будто чувашскіе торжки располагаются въ *десяти* верстахъ отъ всякаго жилья. Напротивъ они бываютъ и въ селахъ, и въ деревняхъ, только русскихъ, удобно расположенныхъ, и на большихъ дорогахъ въ разстояніи одной, двухъ, трехъ, четырехъ и т. д. верстахъ отъ чувашскихъ деревень.

2) Еще страннѣе второе доказательство автора. О. И. Сенковскій, чтобъ объяснить и согласить повидимому противорѣчивыя сказанія восточныхъ писателей о племени, къ которому принадлежали Волжскіе Булгары, развилъ и сдѣлалъ весьма вѣроятною гипотезу, что въ составъ булгарскаго государства входили турецкіе, славянскіе и финскіе народы, которыхъ соединяла между собою власть одной династіи, вѣроятно турецкой, но *ославянившейся* въ Булгарахъ, населенныхъ преимущественно Славянами*) Имѣя въ виду это предположеніе, г-нъ Савельевъ говоритъ: »*Чуваши сохранили своимъ торжкамъ древнее славянское названіе семикъ, т. е., сеймикъ, малый сеймъ*«**).

Это совершенно несправедливо. На языкѣ Чувашъ слово семикъ *никогда незначило и незначитъ* торжокъ, базаръ....Но, Боже мой, отъ какихъ пустыхъ, ничтожныхъ случаевъ и поводовъ возникаютъ иногда наши предположенія, наши гипотезы, наши до-

---

*) Энциклоп. Лексик. т. VII, стр. 303.

**) Мухам. Нумизм. стр. 100.

казательства, наши ученыя рѣшенія и заключенія! Посудите сами: г-жа Фуксъ, изображая картину чувашскаго рынка, *описалась*, поставила маленькую букву тамъ, гдѣ слѣдовало быть большой (семикъ, вмѣсто: Семикъ), и изъ орѳографической ошибки ея, произошло для г-на Савельева новое доказательство, что Чуваши суть потомки Булгаръ. Дѣло вотъ въ чемъ: дѣйствительно не далеко отъ Чебоксаръ есть чувашскій торжокъ, называемый *Семикъ-базаръ*. Названіе это происходитъ отъ перваго цѣловальника, сидѣвшаго въ кабакѣ этого базара, подобно тому какъ названіе Эндри-базаръ происходитъ отъ цѣловальника же Андрея. Семикъ-базаръ, Эндри-базаръ значитъ — *Семкинъ базаръ, Андреевъ базаръ*. А ученый оріенталистъ, благодаря нетвердую орѳографію г-жи Фуксъ, изъ *Семки* сдѣлалъ семикъ, сеймикъ, малый сеймъ, съѣздъ, сходку сборъ и заставилъ вышеупомянутаго *Семку* происходить отъ санскритскаго sam, сбирать, и родниться съ нѣмецкимъ глаголомъ sammeln, собирать, — что впрочемъ безъ вѣдома автора, вышло довольно остроумно и мѣтко, потому-что Семка на своемъ вѣку безъ сомнѣнія *собралъ* съ пьющихъ не малую дань.

3) Приведя изъ г-жи Фуксъ описаніе чувашскаго базара, ученый оріенталистъ выводитъ изъ него такое заключеніе: «если бы не трубка и табакъ, которыхъ Булгары не знали, можно бы принять эту картину за описаніе въ маломъ видѣ булгарской ярмарки X вѣка. Тѣ же мѣстныя произведенія, о которыхъ говорятъ Арабы, — кожи, рогожи, рыба, яблоки; тѣ же издѣльныя произведенія, бисеръ, пронизки, шерстяныя и бумажныя издѣлія, ожерелья, серебряныя монеты въ видѣ украшеній«*).

Но вѣдь тѣ же самыя произведенія и на татарскихъ, и на

*) Мухам. Нумизм. стр. 103.

черемисскихъ, и на вотяцкихъ, и на мордовскихъ, и на сельскихъ русскихъ базарахъ....Выходитъ и Татары, и Черемисы, и Вотяки, и Мордва, и Русскіе суть потомки Болгаръ?.... странная логика!!

И такъ если нѣтъ никакой достаточной причины, никакого повода считать Чувашъ потомками Хазаръ и Булгаръ; то не имѣютъ-ли они родства съ третьимъ народомъ, жившимъ въ X вѣкѣ на берегахъ Волги, — съ Буртасами? Представимъ въ извлеченіи главнѣйшія свѣдѣнія о послѣднемъ народѣ, изложенныя О. И. Сенковскимъ, въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, въ статьѣ: Буртасы.

Буртасы, по словамъ Масъуди, Идриси, Ибнъ-Халледуна, и другихъ арабскихъ писателей, обитали между Хазарами и Булгарами, на правомъ берегу Волги, вдоль по ея теченію. Арабскій географъ Якутъ пишетъ, что длина буртасской земли простиралась на двадцать дней ѣзды, т. е., вся страна имѣла въ длину 750 верстъ. Слѣд. Буртасы занимали по теченію Волги, нынѣшнія губерніи саратовскую и симбирскую. У нихъ было два города *Буртасъ* и *Сиваръ*. Они строили себѣ деревянные домы, но жили въ нихъ только зимою, а на лѣто расходились по кочевьямъ. Часть ихъ, по словамъ персидскаго писателя XII вѣка Ахмеда-Туси, исповѣдывала мухаммеданскую вѣру. Буртасы занимались преимущественно земледѣліемъ и звѣроловствомъ: въ честь ихъ названы были буртасскими (буртасіе) мѣха чернобурыхъ лисицъ, которые славились по всему мусульманскому востоку и продавались такъ дорого, что одни только цари могли покупать ихъ.

Въ этихъ свѣдѣніяхъ заключается многое, что заставляетъ насъ предполагать тождество Буртасъ и Чувашъ. Вотъ данныя, на которыхъ мы основываемъ свою гипотезу:

1) Чуваши и до нынѣ населяютъ сѣверную часть земли буртасской. Въ XII вѣкѣ приливомъ монгольскихъ племенъ они вытѣснены только изъ южной ея части, равно какъ на сѣверѣ съ береговъ Волги, и принуждены были селиться въ лѣсахъ и оврагахъ.

2) Самое имя *Буртасы* или *Бурнасы* объясняется изъ чувашскаго нарѣчія. *Буртасъ* есть древняя и правильная форма нынѣ употребляемаго глагола *бурнасъ*, жить, быть осѣдлымъ; что первая форма правильнѣе послѣдней, — это доказывается большею близостію ея къ корню *юртъ*, жильѣ. *Сы* или *ссы* есть чувашское партиципіалное окончаніе. Слѣд. *Буртассы* или *бурнассы* будетъ значить — обитаемое, т. е., мѣсто, жилище, становище, или тоже, что татарское *юртъ*, живущій, осѣдлый. Вѣроятно отъ имени главнаго своего зимняго становища, или отъ главнаго города, и самый народъ получилъ свое названіе. Этотъ главный городъ, т. е. Буртасъ, находился по мнѣнію г-на Сенковскаго въ окрестностяхъ нынѣшняго Саратова.

3) Настоящее названіе *Чувашъ*, составлявшее доселѣ камень преткновенія для изслѣдователей, по моему мнѣнію есть просто буквальный переводъ слова *Буртассы*. Оно происходитъ отъ татарскаго *ивъ* или *дживъ*, домъ, откуда *дживаш̆ъ*, *чивашъ*, *чувашъ*, живущій домомъ, осѣдлый, также мирный; въ послѣднамъ значеніи слово *чивашъ* и доселѣ сохранилось въ чувашскомъ языкѣ.

4) Другой городъ буртасскій, *Сиваръ*, также, какъ и Буртасъ, носитъ на себѣ признаки чувашскаго происхожденія. *Сиваръ* или *сивäръ* будетъ повелительное наклоненіе отъ *сивäрасъ*, спать, отдыхать, покоиться; слѣд. употребленное вмѣсто имени существительнаго слово это будетъ означать мѣсто покоя, отдохновенія.

5) Хазарская крѣпость, пограничная съ буртасскою землею, носила вѣроятно заимствованное отъ Буртасъ чувашское названіе — *шора-киль*, бѣлый домъ, что Греки, не имѣвшіе буквы *ш*, превратили въ *Саркель*, а Руссы буквально съ чувашскаго перевели словами: Бѣлая-Вѣжа. Можетъ быть, сами же Буртасы, признавшіе надъ собою верховную власть хазарскаго хана, и выстроили для него подъ руководствомъ греческихъ инженеровъ эту крѣпость.

6) Въ древнемъ мѣстѣ своего жительства Буртасы оставили свои названія мѣстностей, селъ и рѣкъ, которыя объясняются изъ формъ чувашскаго языка. Таковы: *Лотрыкъ*, деревня и рѣка, отъ лотра, низкій; *Сокуръ*, рѣчка и деревня, отъ сокуръ, кривой, извилистый, непрямой (въ саратовскомъ уѣздѣ); селенія: *Хура*, отъ хура, сухая трава (въ волжскомъ уѣздѣ); *Чувашка* (въ хвалынскомъ уѣздѣ, гдѣ впрочемъ давно нѣтъ ни одного Чувашенина); *Сюзюмъ*, отъ сюзе, ива, или отъ сизимъ, молнія; *Чиберлей*, отъ чиберь*)‘ хорошій, красивый (въ кузнецкомъ уѣздѣ), *Кондаль*, отъ кондалги или кондаллы, здѣшній, мѣстный, туземный; *Каржманъ*, отъ кюрюжъ, сосѣдъ; *Вырыпаевка*, отъ выры—средина и пуянъ—богатый (въ петровскомъ уѣздѣ)**).

7) Сѣверную границу буртасской земли первоначально, составлялъ, кажется, городъ *Синилей*, отъ чув. сл. *сине*, новый, и *киль*, домъ, новый домъ, а потомъ *Симбирскъ****), отъ чув. сл. *сине*

*) Того же корня и *Сибирчи* или употребительнѣе Чибирчи, деревня Свіяжскаго уѣзда, третья станція по дорогѣ изъ Казани въ Симбирскъ.

**) *Каржманы* и *Вырыпаевка* есть въ Симбирской губерніи; подъ первымъ именемъ извѣстно село ардатовскаго уѣзда, а подъ вторымъ — деревня въ 6-ти верстахъ отъ Симбирска.

***) Замѣчательно, что Симбирскъ, помня свое этимологическое

и *юрте*, жилище новое жилье, новая крѣпость Но бывъ покорены Монголами вѣроятно въ одно время съ Булгарами, т. е. около 1236 г., Буртасы, тѣснимые побѣдителями, мало по малу подвигались *одни* на сѣверо-западъ и постепенно заселили нынѣшніе уѣзды: буинскій, курмышскій, цивильскій, чебоксарскій, ядринскій и козьмодемьянскій. *Другая* часть ихъ перешла на лѣвый берегъ Волги, направилась на сѣверо-востокъ и водворилась въ нынѣшнихъ уѣздахъ: самарскомъ, ставропольскомъ, спасскомъ, чистопольскомъ, мензелинскомъ, бугульминскомъ, бугурусланскомъ, бѣлебеевскомъ, стерлитамацкомъ, уфимскомъ и оренбургскомъ. Ниже Сингилей и Симбирска во время этого движенія осталась *третья* часть Буртасъ, и изъ нихъ жившіе въ городахъ, богатые торговцы и исповѣдывавшіе исламизмъ вѣроятно слились съ Монголами, когда тѣ приняли мухаммеданскую вѣру, а остальные язычествующіе, въ числѣ довольно незначительномъ, удержались въ нынѣшнихъ уѣздахъ: сызранскомъ, кузнецкомъ и петровскомъ. — Такъ образовалось нынѣшне населеніе Чувашъ или Буртасъ.

8) То, что говорятъ арабскіе писатели о занятіяхъ и промыслахъ Буртасъ, легко можетъ быть отнесено и къ Чувашамъ: они славились какъ отличные земледѣльцы и звѣроловы еще и въ позднѣйшія времена, находясь уже въ состояніи одичаломъ; эти качества еще нашелъ въ нихъ и Миллеръ. Больше, чѣмъ вѣроятно, что Чуваши, по дѣламъ торговли имѣли непосредственныя сношенія и съ Аравитянами, и съ Персами, которымъ продавали свои дорогіе мѣха. Иначе какъ бы столь значительное количество арабскихъ и персидскихъ словъ попало въ языкъ народа, жившаго въ глуши, незнавшаго ничего на свѣтѣ дальше своихъ лѣсовъ?

происхожденіе, до текущаго столѣтія постоянно писался: *Синбирскъ*.

9) Слова Якута: »Буртасы имѣютъ свой собственный языкъ, отличный и отъ хазарскаго, и отъ булгарскаго«, — могутъ относиться къ діалектическимъ разностямъ этихъ тюркскихъ нарѣчій и къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя въ нихъ произвело вліяніе другихъ языковъ. Очень вѣроятно, что въ булгарскомъ языкѣ преобладалъ элементъ славянскій, въ хазарскомъ — еврейскій, въ буртасскомъ или чувашскомъ — монгольскій. И въ теперешнемъ чувашскомъ языкѣ гораздо больше слѣдовъ монгольскаго элемента, чѣмъ въ другомъ какомъ-либо изъ тюркскихъ діалектовъ; всего меньше слѣды эти видны въ языкѣ нашихъ некрещеныхъ Татаръ*).

10) Сами Русскіе въ старину отождествляли Буртасъ съ Чувашами. Вытѣсняя послѣднихъ съ выгодныхъ мѣстъ и селясь на нихъ по праву господствующаго народа, они называли свои новыя селенія именемъ Буртасы Таково происхожденіе двухъ русскихъ селъ Буртасъ, одного въ свіяжскомъ, другого — въ цивильскомъ уѣздѣ.

11) Наконецъ припомнимъ и то, что мы сказали выше о *регрессивномъ* движеніи Чувашъ въ религіозномъ и умственномъ отношеніяхъ. Загнанные въ дремучіе лѣса, принужденные скрываться отъ своихъ побѣдителей, лишенные всякой возможности имѣть прежнія торговыя связи съ образованными народами, отброшенные во внутрь страны съ береговъ Волги, которая нѣкогда была ихъ важнѣйшимъ торговымъ путемъ, они естественно должны были дойти и дошли до состоянія дикости.

---

*) Татарскій языкъ по замѣчанію ученаго оріенталиста нашего, И. Н. Холмогорова, сохранился въ наибольшей чистотѣ у старокрещенныхъ Татаръ, нелюбящихъ пестрить свой языкъ арабскими и персидскими фразами и оборотами, которыми любятъ щеголять некрещеные, особенно ученые Татары. Нерѣдко послѣдніе вовсе не понимаютъ своихъ крещеныхъ единоплеменниковъ и наоборотъ.

Въ заключеніе скажу, что я гипотезою о тождествѣ Буртасъ и Чувашъ хотѣлъ дойти до рѣшенія историческаго вопроса: куда вдругъ дѣвался съ береговъ Волги народъ многочисленный, торговый и довольно образованный (Буртасы), и откуда, спустя нѣсколько столѣтій потомъ, почти на тѣхъ же мѣстахъ, вдругъ появился народъ невѣжественный, грубый, но говорящій языкомъ. въ которомъ видно сильное вліяніе образованныхъ націй (Чуваши)? Успѣлъ-ли я въ своемъ намѣреніи, — пусть судятъ люди, болѣе меня знающіе въ этомъ дѣлѣ.

Quid potui, feci: faciant meliora potentes.

(Изданіе изслѣдованій о другихъ инородцахъ казанской губерніи за смертію автора прекращается.)

10 отдѣльныхъ оттисковъ юридическаго сборника Д. Мейера:

1. *Чеглокова* П. Объ органахъ судебной власти въ Россіи отъ основанія государства до вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича. Казань, 1855 г., цѣн. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к.
2. *Кури* В. О прямыхъ налогахъ въ древней Руси. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р.
3. *Станиславскаго* А. Изслѣдованіе началъ огражденія имущественныхъ отношеній въ древнихъ памятникахъ Русскаго законодательства. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. с.
4. *Капустина* С. Древнее Русское поручительство. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ пер. 1 р. с.
5. *Киндякова* К. Опытъ ученой разработки купчихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ актахъ юридическихъ. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с. Съ перес. 1 р. с.
6. *Бржозовскаго* О. Историческое развитіе Русскаго законодательства по почтовой части. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. с.
7. *Чулкова* М. Исторія законодательства о табачной промышленности въ Россіи до Екатерины II. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. с.
8. *Осокина* Е. Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи Русскаго финансоваго права. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. с.
9. *Мейера* Д. Древне Русское право залога. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. с.
10. *Его-же*—Юридическія изслѣдованія относительно торговаго быта Одессы. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес 1 р. с.

О юридическихъ вымыслахъ и предположеніяхъ, о скрытныхъ и притворныхъ дѣйствіяхъ, Д. *Мейера*. Казань, 1854 г., цѣн. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к. с.

О значеніи практики въ системѣ современнаго юридическаго образованія, Д. *Мейера*. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. с.

Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи, проф. Императорскаго казанскаго университета, доктора политическихъ наукъ, Е. *Осокина*. Казань, 1850 г., цѣн. 75 к., съ перес. 1 р. с.

Его-же—Объ организаціи финансоваго управленія въ Аѳинахъ. Казань, 1854 г., цѣн. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. с.

Объ историческихъ народныхъ пѣсняхъ Сербовъ, соч. А. *Соколова*. Казань, 1854 г., цѣн. 40 к. с., за перес. за 1 ф.

Общій взглядъ на классъ животныхъ паукообразныхъ, и частное описаніе одной изъ формъ, къ нему принадлежащихъ, Н. *Вагнера*, испр. долж. адъюнктъ проф. въ Императорскомъ казанскомъ университетѣ. Казань, 1854 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. с.

Джонъ-Ло, или финансовый кризисъ Франціи въ первые годы регенства, соч. Н. *Бауста*. Москва, 1852 г., цѣн. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к. с.

Обще понятіе о хронографахъ и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ, хранящихся въ библіотекахъ санктпетербургскихъ и московскихъ. Отрывокъ изъ пропедивтики Русской исторіи, сост. орд. проф. Императорскаго казанскаго университета, Николаемъ *Ивановымъ*. Казань, 1843 г., цѣн. 2 р. 50 к. с., съ перес. 3 р. с.

Его-же—Краткій обзоръ Русскихъ временниковъ, находящихся въ библіотекахъ санктпетербургскихъ и московскихъ. Казань, 1843 г., цѣн. 75 к., съ перес. 1 р. с.

О гальванической проводимости жидкостей, соч. А. *Савельева*, доктора физики, экс. орд. профессора Императорскаго казанскаго университета. Казань, 1853 г., цѣн. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к.

Исторія философіи, архимандрита *Гавріила*, въ 6 частяхъ. Казань, 1839 — 1840 г., цѣн. 3 р. с., съ перес. 4 р.

Его-же—Поучительныя слова и рѣчи, въ 2 частахъ. Казань, 1850 г., цѣн. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к. с.

Его-же—Философія правды. Казань, 1843 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. сер.

Его-же—Понятіе о церковномъ правѣ и его исторіи. Казань, 1844 г., цѣн. 50 к. с. и съ пересылкою.

Его-же—Историческое описаніе казанскаго успѣнскаго 2 го класса Зилантова монастыря и казанскаго памятника. Казань, 1840 г., цѣна 75 к. с.

Лобачевскаго. Н. Алгебра или вычисленіе конечныхъ. Казань, 1834 г., цѣн. 2 р. с.

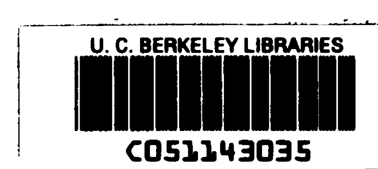
Его-же—Воображаемая геометрія. Казань, 1835 г., цѣн. 75 к., съ перес. 1 р. с.

Его-же—Примѣненеціе воображаемой геометріи къ нѣкоторымъ интеграламъ. Казань, 1836 г., цѣн. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к. с.

Его-же—Способъ увѣряться въ исчезаніи безконечныхъ строкъ и приближаться къ значенію функцій весьма большихъ чиселъ. Казань, 1835 г., цѣн. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к. с.

Грамматика Монгольско-Татарскаго языка, соч. А. *Бобровникова*, баккалавра казанской духовной академіи. Казань, 1849 г., цѣн. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. с.

Букварь Русско-татарскій, сост. *Вагабовымъ*. Казань 1856 г., цѣн. 25 к. с., съ перес. 50 к. с.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C051143035

